Одесский
альманах

№54

III / 2013

ДЕРИБАСОВСКАЯ ↓ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ

От редакции

Осень в Одессе начинается со Дня рождения города, но подарки мы готовим загодя.

Уходящее лето было насыщено приношениями Южной Пальмире. Состоялось несколько масштабных и ярких событий, участниками которых стали не только одесситы, но представители других городов и стран. Речь идет о фестивалях (напомним, что по-латыни festivus – праздничный) – их было столько, что мы за нехваткой места позволим себе не приводить полные официальные названия. Не станем и пересказывать программы, а ограничимся лишь тематикой. К сожалению, не получится назвать и всех участников творческих команд – назовем лишь лидеров.

Поскольку лето у нас приходит рано, то начнем с мая, когда в Одессе собрались участники Международного литературного фестиваля, ставшего уже традиционным. Организаторы – московский журнал «Октябрь» (Ирина Барметова) и наш Литературный музей (Татьяна Липтуга) – собрали писателей, поэтов, критиков России, Украины, дальнего зарубежья, которые вели разговор о юбилее Владимира Маяковского, о книгах корифеев Юго-Западной школы – Ильи Ильфа и Евгения Петрова, Юрия Олеши. Опять же по традиции, к фестивалю вышел специальный номер нашего альманаха.

В новое, куда более подобающее ему помещение переселился Музей современного искусства Одессы (Семен Кантор) и показал в нем несколько интересных выставок. Да и все музеи ярко и каждый по-своему проявили себя в (простите за неизбежную тавтологию) Международный день музеев.

Свою аудиторию собрал Фестиваль авангардной музыки (Кармелла Цепколенко).

В июне практически совпали два праздника искусства. Первый Международный мастер-джем-фест (Михаил Фрейдлин) – новаторский, уникальный формат встреч звезд мирового джаза и ярких молодых музыкантов и их состязания в импровизациях. Проект получил высокую оценку ЮНЕСКО и будет продолжен на мировых сценах.

Ураган чуть не сорвал открытие Международного оперного фестиваля (Надежда Бабич), но премьера «Кармины Бураны» все же состоялась, а затем в нашем легендарном Оперном выступили знаменитые исполнители.

Оба фестиваля собрали полные залы, но многие из нас, поклонников музыки разных жанров, сожалели о том, что все же вынуждены были выбирать и терять… Видимо, пора создать в Одессе что-то вроде координационного центра, который бы заранее координировал планы творческих организаций.

В апогее лета открылся Международный кинофестиваль (Виктория Тигипко) – в эти дни наш альманах уйдет в типографию, и впечатлениями будем делиться попозже.

А поскольку осень у нас начинается поздно, то к этому же сезону фестивалей мы отнесем и Театральный (два Александра – Копайгора и Мардань), и еще один Джазовый (Юрий Кузнецов).

Свой традиционный подарок городу подготовили и мы – 54 выпуск альманаха, который вы сейчас читаете, том «Одесской библиотеки» – произведения Власа Дорошевича, и очередной «Одесский календарь», посвященный улице Новосельского. На ней, как и повсюду, в День рождения Одессы будет празднично и тепло.

И еще об одном международном фестивале: мы побывали в Армении, где, опять же по доброй традиции, в рамках проекта «Народная дипломатия» собрались таллиннцы, ереванцы и одесситы. Заметьте: два из трех городов – столицы государств, а третий еще с позапрошлого века именовали столицей Юга.

Олег Губарь

Функции Одесского строительного комитета
в контексте истории градостроительства Одессы*

Гостиный (Красный) ряд

Выше кратко упоминалось об этом первом элитарном торговом центре Одессы. Основание его началось после первичного устройства Вольного рынка. Красный (Гостиный) ряд находился на важнейшей магистрали – от гавани по Военной балке к главной торговой площади. Старейший его элемент ограничен будущим Александровским проспектом, улицами Троицкой, Еврейской и Авчинниковским переулком.

Можно говорить и о Гостиных (Красных) рядах во множественном числе, ибо фактически их было три. С первым мы определились, он не обрел отдельного собственного названия, тогда как два других получили имена авторитетных купцов Авчинникова и Протасова. Авчинниковский ряд находился по проспекту меж Еврейской, Почтовой улицами и одноименным переулком. Протасовский ряд располагался на противоположной стороне проспекта, меж улицами Троицкой, Еврейской и Покровским переулком. Позднее его также называли Немецким и Караимским (Еврейским). В четвертом квартале этих рядов, напротив Авчинникова, была построена единоверческая Покровская церковь – это связано с тем, что Гостиный ряд и его ближайшие окрестности были местом компактного проживания довольно мощной старообрядческой общины. И таким образом здесь сформировался не только коммерческий, но специфический социальный центр.

* Продолжение. Начало в кн. 35-41, 43, 45-47, 49, 50.

Старообрядческая община сыграла выдающуюся роль в градостроительстве Одессы, каковая тема сама по себе достойна отдельного исследования. Здесь только обозначу ее. Если говорить о персоналиях, некоторые подробно представлены мною в издании «Автографы Одессы»[1]. В числе прихожан Покровского храма – такие известнейшие персонажи ранней истории города, в том числе неоднократно упоминаемые в настоящей монографии, как Федот Бирюков, Иван Андросов, Семен Андросов, Яков Протасов, Василий Авчинников, Иван Авчинников, Мартин Католиков, Сидор Калашников, Иван Богданов, Иван Соколов, Феоктист Шокин, Федор Густов, Осип Сапожников, Евдоким Виноградов, Яков Струнин, Илья Орлов, Николай Лифинцов, Осип Прохоров и многие другие. Поразительна плотность старообрядцев в числе первых городских голов: Илларион Портнов, Иван Мигунов, Иван Андросов, Семен Андросов, Яков Протасов, Иван Авчинников.

Воссоздание первичной застройки Гостиных рядов задача непростая. Утрата синхронных журналов Одесской инженерной команды, конечно, огромная потеря, однако в некоторых случаях восполнимая: записи из них довольно часто цитируются со ссылкой в разных документах ОСК. Так, в журнале заседаний Комитета от 5 января 1822 года сообщается о том, что архитектор Джованни Фраполли занимался обмером лавок № 5, 6, 7 и 8 в Красных рядах, принадлежащих одесскому купцу Ивану Андросову. Позади этих лавок расположен его же двухэтажный дом. Лавка № 5 имеет по фасаду длину в три сажени, а поперек, с галереей, пять с половиной. Общая протяженность строений составляет 15 саженей по переулку и девять с половиной поперек. То есть длина четырех лавок по проспекту – 12 саженей или чуть больше. При этом сделано замечание: места под лавки отведены инженерной командой в 1797 году. Но поскольку Строительный комитет владельческих документов не выдавал, были представлены свидетельские показания о том, что все перечисленное действительно построено Иваном Андросовым на собственный капитал. В числе свидетелей авторитетные одесские купцы Семен Андросов, Яков Протасов, Алексей Попов, Илья Новиков. На этом основании и был выдан открытый лист[2].

К сожалению, не сохранилось и прелюбопытное архивное дело из фонда Одесского городового магистрата под заголовком «По предложению господина гражданского губернатора о доставлении ему сведений, какие, когда, на кого и на полную сумму будут представляемы векселя и другие обязательства; также по купечеству сведений об их капиталах и коммерциях и об отводе под строение гостиных рядов удобных мест». Датировано оно 22 февраля 1798 – 6 апреля 1800 года[3]. Во всяком случае, из самого названия следует тот факт, что отвод мест в Авчинниковском и (или) Протасовском рядах хронологически оказывается примерно в означенной вилке.

И действительно, у каждого из трех Гостиных рядов своя специфическая история. По этой-то причине первичный из них назывался собственно Красным, а два других стали «именными». Обратимся к формированию Авчинниковского ряда. В архивных документах обнаружились очень интересные подробности: «1818-го года августа 5 дня Одесский комитет слушали прошение одесского купца Василия Авчинникова, в котором, прописывая, что по силе утвержденных Комитетом планов, назначенных на высочайше апробированном плане, по открытому листу, выданному из Одесского городового магистрата 1800 года июня 30 дня елисаветградскому купцу Ивану Замятину для выстройки в городе Одессе вместо Красных рядов жилого дома в 2 квартале длиною 30 и шириною 15 саженей, доставляет ему 1802 года июля 14 дня по покупке от его Замятина за 2.500 р. не соответствующее высочайше утвержденному, как из открытого листа явствует, для выстройки для красных рядов плану, притом еще из бутового, самого мелкого камня и непрочной кладки в строении, по снятии совсем не годившегося, им с зятем вновь выстроено. По разделу ж оных досталось сыновьям его под номерами в длину по 3 сажени лавка: Ивану 11, 12, 13 и 14, Федору 15, 16, 17, 18, 19 и 20, да так как угольное место вышло в другую улицу, пять, итого Ивану 4, а Федору 11 лавок. На спокойное владение дети его Иван и Федор открытых листов не имеют; представляя планы и копии с документов, просит детям его Ивану и Федору о выдаче порознь открытых листов, причем возвратить планы и документы. С представленного просителем Авчинниковым в копии открыто-

го листа видно, что 1800 года июня 23 дня из одесского городового магистрата отведено елисаветградскому купцу Ивану Замятину место для Красных рядов во 2 квартале длиною 30 и шириною 15 сажен; а по сделке, представленной же в копии, значится, что 1802 года купец Иван Замятин продал близ красных рядов во 2 квартале купцу Василию Авчинникову дом одноэтажный ценою за 2.500 р. Комитетом же место сие никому не было отведено, и на оное претензии не имеется. Определили: хотя ныне существующему Комитету по случаю распоряжения строением здешнего города известно, что купец Василий Авчинников, уничтожив все старое строение, построив на месте оного дом с лавками, однако ж Комитет находит себя вправе дать документ на такое место, которое было уже застроено и продано с тем строением»[4].

Поэтому, несмотря на относящееся к 1799-му году замечание Сумарокова о том, что 23 лавки в Гостиных рядах уже построены, а 15 еще в стадии сооружения[5], становится понятно, что устройство изначально запланированных трех-четырех типовых отделений Красных (Гостиных) рядов пошло по несколько иному сценарию. Реально формировались они последовательно, по мере рождающихся запросов и поступления прошений об отводе. На такое соображение наталкивают не только сообщенные сведения о застройке Авчинниковского ряда, но и следующие выкладки.

Из более поздних документов ОСК (февраль 1823 года), когда Протасовский ряд арендовали одесские купцы-караимы, и этот ряд порой называли Караимским или Еврейским, выясняются чрезвычайно значимые обстоятельства. Как сказано в комитетском журнале заседаний, одесский гражданин Яков Протасов владеет лавками № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 в Гостином ряду по открытому листу, выданному Магистратом 2 мая 1802 года[6]. В журналах Комитета за июль 1822-го находим существенное уточнение. В ответ на запрос Одесского коммерческого суда обо всех остальных лавках в том же ряду, начиная с № 11, ОСК сообщает: коллежский советник Кирияков (Кирьяков) продал здесь магазин одесскому купцу Якову Протасову, а тот переделал его в лавки. Мало того, почему-то упоминает журнал инженерной команды конкретно 1795 года, где отвод Кирьякову данного места не значится[7].

Будущий Александровский проспект
на генплане Одессы 1802-1803 гг.

Что все это может означать? Только вариант, при котором на определенном этапе «тематический ряд» в этом квартале не планировался, а магазин (амбар) выглядит вполне уместным при магистрали порт – Старый базар. Что до М.М. Кирьякова (старшего) – он был одним из первых лиц в нарождающейся Одессе и наверняка получил интересующие нас места «по словесному указанию», как тогда часто практиковалось. Мои предположения обретают вполне реальные очертания, если обратиться к генеральному плану города, составленному начальником инженерной команды Е.Х. Ферстером в 1802 году[8], а в 1803-м высочайше утвержденному. Легко видеть, что Красный ряд здесь четко и ясно обозначен сообщаемым в «легенде» номером 19, причем этот номер продублирован в начале и конце квартала. То есть тогда уже не было полной определенности, и название, по крайней мере официально, не распространялось на начавшие обустраиваться два других квартала (отделения).

Резюмируем изложенное. На самой первой стадии застройки Одессы (1795-1796 гг.) устройство Гостиных рядов по будущему Александровскому проспекту в их позднейших границах не прослеживается, и начавшееся освоение отдельных из отведенных мест не подчинено какой-то конкретной общей задаче. Приблизительно с 1797 по 1800-й планировалось построить три типо-

вых отделения, из которых возведено одно. В 1800-1802 годах два других отделения формируются в несколько отличных обстоятельствах, однако в общих чертах Гостиные ряды в первые десятилетия своего существования выглядят относительно однородно.

Тот же проспект на плане города 1814 г.

Наиболее презентабельно они смотрелись в 1820-х, после значимых улучшений в контроле типовой застройки «тематических рядов» при градоначальнике Н.Я. Трегубове, о чем говорилось в основном разделе. Именно тогда все три взаимосвязанных планировочно торговых центра на одной оси – Александровская площадь (включавшая два Бакалейных, Железный и Мелочный ряды), Гостиный ряд, Вольный рынок – постепенно обрели и общность архитектурного оформления. Все без исключения фасады, окаймлявшие проспект и площади, имитировали античную агору – колонны, галереи, портики. В 1821-1822 годах ОСК утверждает планы и фасады в классическом стиле многочисленных лавок в Гостиных рядах, принадлежащих одесским купцам Ивану Авчинникову, Семену Андросову, Алексею Попову, Гавриилу Протасову[9] и др.

Эволюция всего ареала неплохо прослеживается по картографическим материалам. Из плана, составленного городским архитектором Франческо Фраполли в 1807 году, видно: 1) первичный Красный ряд (условно – Андросовский) остается в своих преде-

лах; 2) в Протасовском ряду появляется единственная пристройка, посередине, к переулку; 3) Авчинниковский ряд представляет собой разделенный на два двора прямоугольник, выходящий на проспект, обе улицы и переулок[10]. Таким образом, последний из перечисленных рядов (отделений) как бы моделирует схему развития всех остальных: лавки по проспекту и улицам, жилые дома по переулкам, дворы с хозяйственными постройками. Сравнение этого плана с предыдущим показывает, как резко активизировалась застройка в прилегающих жилых кварталах – II, III, XXIV, XXIX, в том числе со стороны переулков. Еще более плотная застройка наблюдается на плане 1814 года[11]. Детально она представлена на плане Джорджио Торичелли, составленном во второй половине 1820-х[12], и другом, литографированном на его основе в 1830-м[13].

Окрестности Гостиного ряда по проспекту – одно из первых в городе мест, подвергшихся благоустройству. Это был, по существу, первый и единственный в то время бульвар. В принципе, по инициативе де Ришелье деревья высаживали по всем улицам центра, что отчетливо видно из упоминавшегося плана Фраполли 1807 года. Однако оградили лишь посадки по проспекту и на будущей Александровской площади. В журнале заседаний ОСК от 4 марта 1809 года отмечено предложение герцога Ришелье: «о сделании палисада по проспекту, для сбережения посаженных там на три отделения дерев». На три отделения – то есть против трех кварталов Гостиного (Красного) ряда. Фраполли поручили составить смету, а городской полиции – вызвать желающих взять подряд – на торги: 8, 11 и 15 марта[14].

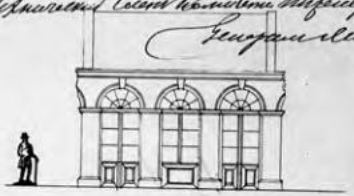
Озеленение осуществилось настолько успешно, что 9 октября 1819 года городской садовник Ганс Герман по приказанию графа Ланжерона нанял «подводы для перевозки из бульваров, подле Красных рядов состоящих, выкопанных деревьев для рассадки оных в округе плац-парадного места», то есть на месте будущего Пале-Рояля. Тогда единовременно пересадили 140 «лишних» деревьев[15]. В 1812-1813 годах подрядчиками Иваном Еройским и Федором Монако под надзором адъютанта герцога Ришелье графа Рошешуара были замощены примыкающие к этому ряду тротуары[16].

Государственный архив
Одесской области

Фасада сим Городской Думы Одесского Строительного Комитета Марта 1845 года разсмотрен и признан составленным самою Строительною Комиссиею предъявленный, которой надлежит одесскому мещанину Борху Францевичу для домового по оному Ордеру Городской Строительной Комиссии, состоящем в 1-й части в Старом Карантинном раздоле № 8-м

Верно Технический Секретарь Комитета Шрейер

Генерал-Майор

Мер

с подлинником верно; в должность Архитектора 1 Части Судья Данилова

На первом этапе функционирования Гостиные ряды фактически представляли собой площадь, подобную и соразмерную будущей Александровской. Но, в отличие от последней, они были выдвинуты ближе к оси проспекта, за счет чего примыкающие к ним с тыла переулки (улицы) оказывались шире. В том и другом случае застройщикам недоставало именно ширины отведенных под лавки мест, ибо они должны были дополняться двором, служебными и хозяйственными помещениями. Это обстоятельство объясняет постоянные обращения владельцев лавок о прирезке к их местам земли со стороны переулков. Уже 19 июля 1806 года одесский именитый гражданин Ларион Портнов от имени всех соседей просил де Ришелье прибавить хотя бы пять саженей из 15-ти «улицы за гостиными рядами, торгующими красным товаром». Однако последовал отказ со ссылкой на отклонение от высочайше утвержденного плана[17]. Впоследствии такие прирезки санкционировались, в первую очередь – к Авчинниковскому ряду, далее – к соседнему, в результате чего тыльная улица и трансформировалась в переулок (Грязный, Авчинниковский). К сожалению, не сохранилось интересное дело на этот счет от 18 июля 1838 года, однако его название предостаточно информативно: «О присоединении части земли к другому кварталу Грязного переулка по линии к строениям купца Авчинникова и об отводе места разным лицам под застроение»[18].

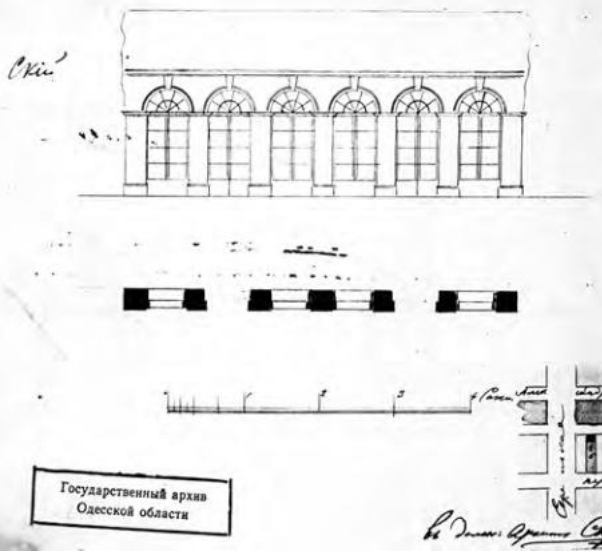
С фасадной стороны, по проспекту, трансформация внешнего облика Гостиных рядов началась в 1832 году. В архивных описях сохранилось наименование утраченного архивного дела, датированного этим годом. Заголовок пространен и красноречив: «По прошению владельцев лавок под названием Протасовский ряд, об упразднении вовсе галерей, при лавках устроенных, и о сделании для света в арках окон и дверей по утвержденному фасаду. Об уравнении сего квартала по переулку Покровскому с кварталом церкви и об утверждении плана купцу Павлу Ростовцову для построения по переулку дома, а также наследникам Протасова»[19]. То есть помимо начавшегося изменения фасада изменена и изнанка – за счет прибавки мест сужен переулок.

С осени 1840 года начинается упразднение галерей и в первичном Красном ряду, по другую сторону проспекта, продолжавшее-

14.

Рядъ на заложеніе по оному арокъ вы-
дѣлывать лавокъ, именуемыхъ ста-
рымъ Гостинымъ рядомъ, состоящимъ
въ 1. части города противу Алексан-дров-
скаго Проспекта, по опредѣленію Одес-
скаго Строительнаго Комитета сего-
дѣвшняго 7. Марта 1844. года одобренъ.

Военный Губернаторъ
города Одессы Генералъ-Маіоръ

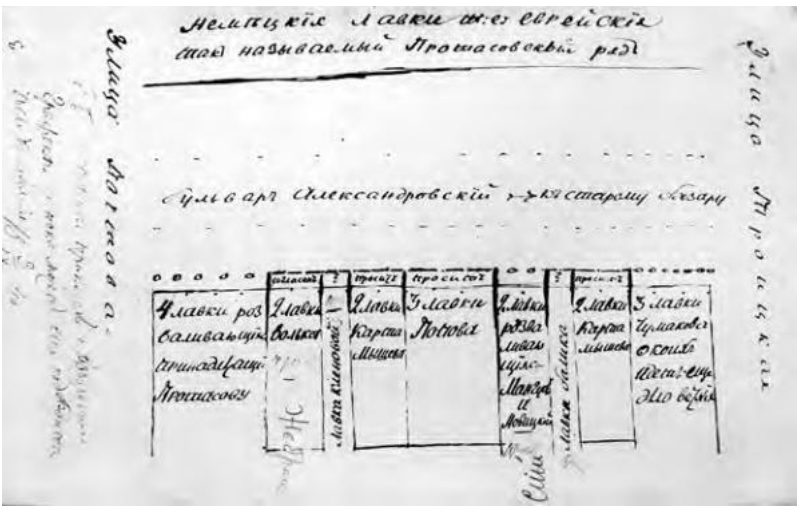

Государственный архив
Одесской области

ся, в основном, до 1845-го. В ОСК поступают прошения домовладельцев «о дозволении, по примеру Протасовских и других рядов, заложить арочную галерею пред лавками и устроить в ней двери и окна». Комитет не сопротивлялся и предложил лишь утвердить новый образцовый «приличный фасад». Планы и фасады составляли архитекторы Скудиери и Даллаква. Из имеющегося плана видно, что 20 лавками владеет в общей сложности девять хозяев, причем большинство из них ходатайствует о закладке портиков – купцы Иосиф Блик, Александр Картамышев, Алексей Попов, Юсуф Мангуби, купчиха Евдокия Кленова, брацлавский мещанин Волька (Вольф) Жебрак[20].

К слову, с 1840-х в первичном Красном ряду и замыкающем его переулке постепенно усиливается еврейское присутствие, ранее практически неизвестное, а впоследствии ставшее гораздо более ощутимым. Это связано со специализированной торговлей тканями и обслуживающими эту отрасль специальностями, прежде всего, портняжеством.

В 1844-1845 годах по тому же сценарию эволюционирует Авчинниковский ряд. Сохранившееся архивное дело заслуживает внимания по целому ряду причин, в том числе и потому, что

в нем есть прямые ссылки на официальные постановления относительно переустройства фасада Протасовского ряда в 1832 году.

14 сентября 1844-го коммерции советник и почетный гражданин Иван Васильевич Авчинников пишет в Строительный комитет: «По всей лицевой наружности дому моего, согласно утвержденного начальством плана, устроена при лавках первого этажа с открытыми арками галерея, которая с самого своего начала до сего времени не приносит никакой существенной пользы, а напротив того…». Авчинников подробно останавливается на негативных моментах: галерея сокращает торговую площадь лавок, препятствует естественному освещению, способствует усилению сырости. Ссылаясь на примеры соседних рядов, просит разрешить закладку арок. Это тем проще, что ему принадлежит весь квартал, и не требуется согласования с владельцами смежных лавок[21].

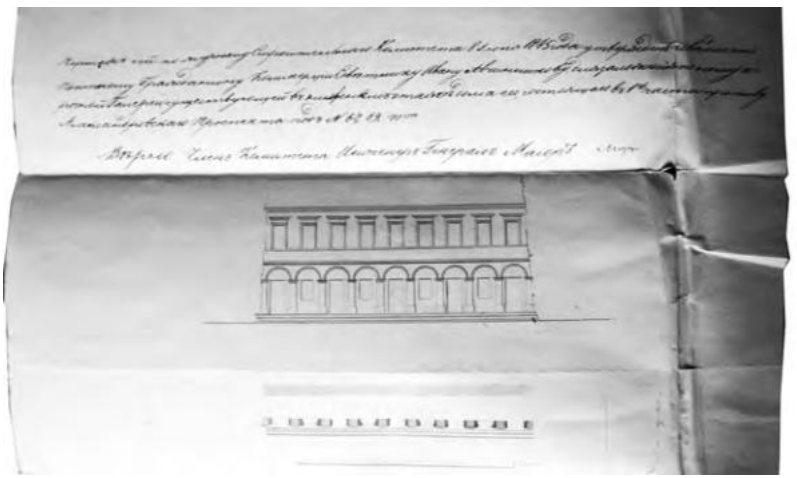
Сохранился план и фасад всего колоссального дома Авчинникова, составленный архитектором Гаэтано Даллаква, с предполагаемыми изменениями[22]. В деле имеется важная отсылка к сюжету от 24 марта 1832 года, когда Комитет дозволил заложить галереи в лавках так называемого Протасовского ряда. Здесь же и резюме представленного выше архивного дела об аналогичном разрешении владельцам лавок в так называемом Красном ряду осенью 1840 года. ОСК не возражал против затеянных Авчинниковым преобразований, однако указал, что окончательное решение может принять генерал-губернатор. После того, как это было согласовано 25 мая 1845 года, Комитет утвердил чертеж Даллаквы 8 июня[23].

Разумеется, владельцы лавок Гостиных рядов были правы с практической точки зрения: они действительно несли убытки в ущерб «красивости» фасадов. Визуально же главный проспект сильно потерял после ликвидации галерей, придававших этой магистрали несомненное очарование. Останцы архаических портиков по сие время можно видеть во дворах, примыкающих к бывшим Авчинниковскому и Красному рядам. Как говорилось в основном тексте, та же участь по большей части постигла и другие специализированные ряды – Рыбные, Резничные, Мясные, Бакалейные, Железный, Мелочный и др. Единичные дошедшие до нас образцы неумолимо уничтожаются. Ни с чем не сравнимую

радость принесла мне находка двух чудом сохранившихся колонн Старого Рыбного ряда во дворе по нынешней улице Куйбышева…

Несколько важных деталей об истории единоверческой Покровской церкви, планировочно организующей как бы еще одно отделение Гостиных рядов и представляющей особое социальное место. Насколько мне известно, никто еще не обращал внимания на то обстоятельство, что первичное местоположение храма на генплане 1802-1803 годов отлично от последующего. Церковь четко показана на углу будущего Александровского проспекта и будущей Почтовой улицы. Но уже на плане Франполли 1807-го она обозначена отодвинутой в середину квартала. Эта ситуация требует интерпретации.

Из названия не сохранившегося архивного дела от 19 августа 1798 года следует, что в это время авторитетный одесский купец Ларион Портнов просил о «выдаче ему для строящейся старообрядческой церкви тысячи штук камня, принадлежащего городу»[24]. А. Орлов сообщает, что к исходу 1799-го этот храм, построенный под наблюдением протоиерея Ф. Карасева, был уже в действии[25]. Очевидно, именно эта первичная постройка и обозначена на генплане. А далее начинается история сооружения простоявшего около 120 лет второго Покровского единоверческого храма.

Новая – благолепная и куда более масштабная – церковь требовала значительных материальных затрат и времени на устройство. Естественно, нельзя было полностью демонтировать старый храм, не доведя до определенных кондиций новый: в противном случае пришлось бы надолго прекратить богослужение. Поэтому для строительства и было зарезервировано место неподалеку, обозначенное на плане Ф. Франполли.

Официально прошение об отводе пустопорожнего места от ктитора одесской старообрядческой единоверческой церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, одесского купца Федота Бирюкова, подано в ОСК 10 августа 1808 года. Правда, прошение это грешит неточными, запутанными формулировками, приводя в некоторое замешательство. Так, Бирюков просит об отводе «пустопорожнего незастроенного места», «на котором оная (церковь. – **О. Г.**) и выстроена, лежащее, с одной стороны, через дорогу противу дому одесского купца Якова Протасова, с другой, по смежности дому титулярного советника Кривчикова»[26].

Можно было бы понять это так, что Бирюков просит узаконить землеотвод под первичный храм задним числом, но этого не может быть по разным возражениям. Во-первых, упоминается дом Якова Протасова, располагавшийся «через дорогу», то есть на противоположной стороне Еврейской улицы. Но если речь идет об угловом месте по улице Почтовой – при чем здесь Протасов? Во-вторых, упоминается смежный дом комитетского «прораба» Кривчикова. В-третьих, церковный староста Бирюков именуется здесь ктитором, что уточняет его синхронные функции, связанные с перспективными проектами прихода. Все это говорит о том, что фраза «на котором оная выстроена» означает весь квартал или, по крайней мере, значительно большую его часть, нежели занимал маленький первичный Покровский храм.

Реализация этого проекта надолго затянулась. Герцог Ришелье всячески споспешествовал позитивным подвижкам[27], и в июле 1812 года последовало надлежащее распоряжение епархиального архиерея[28]. Чумная эпидемия внесла свои коррективы, и дело возобновилось с подачей прошения протоиерея Федора Карасева, церковного старосты Федота Бирюкова и многих почтенных прихожан – Андросова, Протасова, Авчинниковых, Като-

ликова, Калашникова, Богданова, Соколова, Шокина – от 19 мая 1813 года. Суть просьбы сводится к тому, что они готовы приступить к разборке старой ветхой церкви и постройке новой, трехпрестольной, однако для устройства оной недостаточно места, и потребно прирезать три сажени земли по переулку[29]. 19 сентября того же года Фраполли сообщил Комитету, что он отвел просимую меру земли[30]. Храм возвели «по плану собора (Преображенского. – **О. Г.**), но в меньшем размере», и он обладал значительным «собранием старинных церковных книг»[31].

Этот факт лишний раз свидетельствует о том, что основной участок под новый храм отведен ранее, очевидно, в 1808-м, а в 1813-м территория, как видим, увеличена. В свою очередь, прирезка земли привела к сужению на три сажени Покровского переулка. Что касается недвижимости протоиерея Карасева, речь о ней идет в другом издании[32].

Примечания

[1] «Автографы Одессы». – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 9-23, 203-211, 254-259, 288-293, 320-322.

[2] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 281, л. 15.

[3] Там же, ф. 17, оп. 1, д. 20, 106 л. (утрачено).

[4] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 274, л. 179.

[5] П.М. Сумароков. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. – М., 1800.

[6] ГАОО, ф. 2, оп. 2, д. 283, л. 179-181.

[7] Там же, д. 282, л. 148.

[8] ОГИКМ, инвентарный № К-600.

[9] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 9, л. 2, 5об. Там же, д. 11, л. 2, 5.

[10] ОГИКМ, инвентарный № К-602.

[11] Plan de la ville d'Odessa. – 1814.

[12] ОГИКМ, инвентарный № К-605.

[13] Plan de la ville d'Odessa. – 1830. – Dessine par Jules Faucheir. – De la lith. d'A. Braun a Odessa.

[14] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 138.

[15] Там же, д. 276, л. 288об.

[16] Там же, д. 264, л. 355. Там же, д. 266, л. 320-321.

[17] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 18, л. 32.

[18] Там же, д. 2335, 101 л. (утрачено).

[19] Там же, оп. 2, д. 331, 42 л. (утрачено).

[20] Там же, д. 553, л. 1, 2, 3, 4-6, 7-8, 12, 14, 48, 49.

[21] Там же, д. 735, л. 1.

[22] Там же, л. 3.

[23] Там же, л. 4-5, 14. 15, 16.

[24] Там же, ф. 17, оп. 3, д. 82 (утрачено).

[25] А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 82.

[26] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 27, л. 162.

[27] Там же, д. 65, л. 514.

[28] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 175об. – 176.

[29] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 75, л. 190.

[30] Там же, л. 591.

[31] Картины России и разноплеменных ее народов из путешествий П.П. Свиньина. – Ч. 1. – СПб, 1839, с. 225.

[32] «Автографы Одессы». – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012.

Сергей Седых

На чем сэкономил Юрьевич, или О чем рассказал герб – 2

Здания, как люди: их лица – фасады – несут следы событий и времени. Проходя по Софиевской и останавливаясь у забора особняка с почтенным возрастом в 185 лет, за которым укрепилось название «дворец Потоцких», невольно вглядываешься в белый мраморный герб, украшающий фронтон. Возникает естественное желание узнать – кому он принадлежит? Попытки ответить на этот вопрос предпринимались и ранее, но поскольку они так и не дали окончательного ответа, попробуем это сделать.

Герб на фронтоне Одесского художественного музея

Заглянув в гербовник, находим описание герба Любич, соответствующее изображению на фронтоне здания: «В поле лазоревом подкова серебряная, концами вниз обращенная, а внутри и на вершине подковы той – два кавалерских креста серебряных (либо золотых)». Следует заметить, что в польской геральдике каждый герб имеет свое название и используется не одним отдельным родом, а десятками, а иногда и сотнями фамилий. Герб Любич – один из наиболее распространенных шляхетских гербов Речи Посполитой, и к нему приписано всего более родов.

Герб на фасаде связан с владельцами дворца. Кто они? Их имена и очередность восстановлены по материалам Государственного архива Одесской области (ГАОО), собранным О.И. Губарем и В.А. Абрамовым. Первой, кому принадлежало здание, была Ольга Станиславовна Нарышкина (урожд. Потоцкая), возможно, именно поэтому впоследствии у исследователей истории дворца возникла путаница, в результате которой здание называют «дворцом Потоцких». Следующий известный собственник здания, польский магнат Станислав-Петр Иосифович Юрьевич, владел им до своей смерти в 1877 году. В апреле 1888 года дворец приобрел у дворянина Феликса Станиславовича Юрьевича (сына Станислава Юрьевича) общественный деятель, меценат, городской голова Г.Г. Маразли, в свою очередь, подаривший его в марте 1892 года в собственность города Одессы для устройства там музея изящных искусств (что и было осуществлено в 1899 году).

Из владельцев здания к гербу Любич имел отношение только род Юрьевичей. Принадлежность их к этому гербу подтверждается сведениями из «Польского гербовника» А. Бжезина-Винярского и «Указом Правительствующего Сената о дворянском происхождении рода Юрьевичей от 11 декабря 1856 года», находящимся в ГАОО. В Одессе многочисленные представители рода Юрьевичей занимали видное место. Владелец дворца на Софиевской Станислав-Петр Иосифович (Осипович) Юрьевич – наследник шляхетского рода, имевшего обширные поместья с тысячами крестьян в Витебской и Подольской губерниях и рудники в Пруссии; по материнской же линии он – потомок древнего рода Огинских. Родился в 1802

Франц Ксавер Винтерхальтер
Портрет Венчецлавы Барчевской,
мадам Юрьевич, 1860 г.

году. Воспитание получил и окончил курс наук в Полоцкой иезуитской академии. В 18 лет поступил на военную службу, принимал участие в сражениях. Согласно формулярному списку, имел множество боевых наград, в том числе «Польский знак отличия за достоинства» 1831 года (за участие в подавлении освободительного восстания). В 1833-м вышел в отставку в чине ротмистра. Упомянем, кстати, о встречах Юрьевича с А.С. Пушкиным во время возвращения поэта из одесской ссылки, о посещении поэта в Михайловском, поездке с ним в Тригорское, знакомстве с Анной Керн. Воспоминания об этих встречах оставил в своей заметке «Встреча с Пушкиным в Могилеве» А.П. Распопов – сослуживец Юрьевича, племянник директора Царскосельского лицея Е.А. Энгельгардта.

После выхода в отставку был предводителем дворянства Ольгопольского уезда, а позднее и Витебской губернии.

Был женат: первым браком на графине Межинской; вторым – на юной Венцеславе Феликсовне, урожденной Барчевской, образ которой дошел до нас благодаря портрету художника Франца Винтерхальтера, написанному в 1860 году (сейчас – в Бостонском художественном музее). О ней писал и Александр Дерибас в книге «Старая Одесса».

Супруги имели пристрастие к коллекционированию предметов искусства. Сохранились сведения о предоставлении Венцеславой картин из семейного собрания на парижские Салоны. Станислав состоял членом Одесского общества изящных искусств (1865-1873).

Умер он в Одессе в 1877 году. Из некролога, помещенного в «Одесском листке», известно, что похороны состоялись из «собственного дома ул. Софиевской, 5».

На Втором христианском кладбище сохранилась усыпальница Юрьевичей, в которой, по сведениям из книги О.И. Губаря и М.Б. Пойзнера «Первые кладбища Одессы» (О., 2012), имелась табличка по-польски о погребении в этом склепе витебского губернского предводителя дворянства Станислава Юрьевича. Осталось только углубление со следами креплений с обратной стороны склепа – табличка исчезла, однако перед входом прекрасно сохранился герб Любич. Гербы на фасаде дворца по Софиевской и на склепе очень схожи, но при этом имеют некоторые отличия в форме щита и короны. Это заставило продолжить исследования.

Ольга Станиславовна Нарышкина, первая владелица дворца, принадлежала к роду Потоцких, имевших герб Пилява. Вид и описание этого герба сильно отличается от герба Любич. К моменту строительства здания Ольга Станиславовна была уже

Герб Любич на фамильном склепе Юрьевичей. Новое кладбище. Одесса

Герб рода Нарышкиных в гербовнике

замужем за генерал-лейтенантом Львом Александровичем Нарышкиным (двоюродным братом генерал-губернатора Новороссийского края графа М.С. Воронцова). Поэтому появление на здании герба Нарышкиных более обосновано, чем герба Потоцких.

Описание герба Нарышкиных приведено во 2-й части «Общего гербовника дворянских родов Российской империи»: «Щит разделен горизонтально на две части, из коих в верхней в голубом поле виден до половины черный одноглавый орел. В нижней части в красном поле золотая решетка. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною и тремя страусовыми перьями. Намет на щите голубого и красного цвета, подложен золотом. Щит держат два льва».

Герб рода Нарышкиных

Композиция со львами и короной над входом в здание Одесского художественного музея

Над дверью парадного входа во дворец есть еще одно гербовое изображение: два льва держат щит, увенчанный короной. Поле щита пустое. Возможно, изображение утрачено, но возможно, и сохранилось под многими слоями краски. В любом случае, это, несомненно, герб Нарышкиных. Но что интересно, короны на гербах Любич и Нарышкиных, которые находятся на здании, идентичны. При более детальном осмотре герба Юрьевичей (с использованием фотооптики) стала заметна неоднородность поверхности мрамора: некоторые участки тщательно отполированы, в то время как другие участки не столь ровны и даже имеют выбоины, похожие на следы от инструмента. Если условной линией отделить гладкую поверхность от поврежденной, четко обозначатся контуры львов, стоящих на стилизованной траве и держащих щит с одноглавым орлом и решеткой. И все прояснилось.

Польский магнат после приобретения дворца задумал сменить на фасаде герб предыдущего владельца на свой. При этом он не стал уничтожать изображение полностью, а решил убрать «лишние» детали, оставив только корону и щит, на котором высек свой, более лаконичный герб в виде подковы

Герб на фронтоне здания Одесского художественного музея
с наведенными контурами элементов герба Нарышкиных

и двух кавалерских крестов. Что двигало богатейшим человеком, мы, наверное, уже не узнаем. Но, как говорят в Одессе, он явно сэкономил.

P. S. Возможно, у этой истории появится продолжение «О чем рассказал герб – 3»...

Литература

Winiarski A. Brzezina Herby Szlachty Rzeczypospolitej / B.A Winiarski – Warszawa: 2006.

Общий гербовник дворянских родов Российской империи. Часть 2. с. 60.

Решетов С. Григорий Маразли. Честь паче почести / С. Решетов, Л. Ижик. – О.: ТЭС, 2012, с. 316.

Дерибас А.М. Старая Одесса.

Губарь О.И. История первого городского кладбища и комментарии к материалам В.И. Смирнова / О. И. Губарь // Первые кладбища Одессы / Ред.-сост.: М.Б. Пойзнер. – О.: ТЭС, 2012, с. 465.

Некролог // Одесский вестник. – 1877, № 50, 6 марта, с. 1.

Распопов А.П. Встреча с А.С. Пушкиным в Могилеве в 1824 г. // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1974, с. 377-379.

Exposition Universelle Internationale de 1889. Catalogue general official / Lille: Imprimerie L. Danel. 1889, p. 2.

Рашковецкий М. Тайна дворца Потоцкого / М. Рашковецкий // Вечерняя Одесса, 1990, 13 августа, с. 4.

Кобзарь Н.В. О чем рассказал герб / Н.В. Кобзарь // Архив В.А. Абрамова.

ГАОО, ф. 188, оп. 1, д. 80, л. 1-19.

РГИА, ф. 1343, оп. 26, д. 517-519.

РГИА, ф. 1411, оп. 1, д. 292.

Виктор Корченов

Воронцовская Одесса в «лондонском архиве»

По материалам коллекции Леонида Рабиновича

Всю жизнь мечтал найти клад или хотя бы увидеть его, так сказать, «живьем». В детстве даже, чтоб не увидели и не осмеяли родители, простукивал стены нашей коммунальной квартиры старого дома, где мы жили, известного под названием «доходный дом Ольги Скаржинской», что на углу Екатерининской и Ланжероновской. Клад не нашел, но мечта осталась. Нашли же ведь реставраторы совсем недавно в Санкт-Петербурге в старинном особняке Нарышкиных-Трубецких в потайной комнате клад приблизительно из тысячи предметов серебряных столовых сервизов, украшений и военных наград.

Елизавета Ксаверьевна Воронцова (1792-1880)
Фото из «лондонского архива»

Сбылась-таки моя мечта. Хоть клад не нашел, но увидел его. И не только увидел – ощутил. И оценил. Хотя, как я понимаю, физически, в материальном отношении, его оценить невозможно. Здесь все, как положено: огромный железный с крышкой на петлях и с замком сундук. А содержимое… Прямо как в том петербургском кладе, приблизительно

тысяча предметов, но только не предметов дорогостоящей столовой утвари, а, как выражаются архивисты, единиц хранения. Да еще каких единиц! Единиц, открывающих новые страницы в истории Одессы, начиная с 20-х годов XIX века.

Софья Михайловна Воронцова (Шувалова)
(1825-1879)
Фото из «лондонского архива»

Долго, очень долго этот тяжеленный железный ящик преспокойно ждал своего часа в одной из частных лондонских камер хранения, так называемой *storage room*, куда был помещен его последним владельцем Виктором Шпигановичем, ребенком эмигрировавшим с семьей из России в Англию еще в конце XIX века. И лишь когда в 2010 году истек срок хранения, когда ящик был вскрыт, стало ясно, что его содержимое – это прекрасно сохранившиеся бесценные архивы нескольких поколений трех аристократических фамилий, тесно связанных между собой семейными узами и игравших в истории не только Одессы, но и всей России далеко не последние роли.

Вначале архив был приобретен каким-то англичанином. Но когда тот разобрался, что хранящиеся в нем старинные, связанные со слишком далекой ему Одессой документы не представляют для него никакого интереса, стал искать покупателя. Так архив оказался у моего нью-йоркского друга, большого знатока истории Одессы. Тот понемногу стал изучать и систематизировать приобретенное. Постепенно прояснилось, что немалая часть содержимого – уникальные документы, позволяющие дополнить имеющиеся на сегодняшний день сведения о Воронцовых и близких им людях. Здесь и письма князя

Мария Васильевна Воронцова (Столыпина),
урожд. Трубецкая (1819-1895)
Фото из «лондонского архива»

Семен Михайлович Воронцов
(1823-1882)
Фото из «лондонского архива»

и княгини, и их детей Семена и Софьи к друзьям, и послание озабоченного приближением неприятельского флота к Одессе в 1854 году Михаила Семеновича Воронцова управляющему его одесским дворцом Антону Ивановичу Шпигановичу, и множество снимков середины XIX столетия, включая неизвестные фотопортреты жены М.С. Воронцова Елизаветы Ксаверьевны, а также Софьи и Семена Воронцовых.

Особенно следует отметить уникальную фотографию, сделанную в Вене предположительно в 1873 году в ателье известного австрийского фотографа Виктора Ангерера (Victor Angerer). На ней изображены Елизавета Ксаверьевна Воронцова в окружении двух ее внуков Павла Андреевича и Михаила Андреевича Шуваловых, ее младшей внучки Екатерины Андреевны Шуваловой (Балашовой), ее дочки Софьи Михайловны Шуваловой (Воронцовой), а также трех правнучек: Ирины, Александры и Софьи –

детей ее старшей внучки Елизаветы Андреевны Воронцовой-Дашковой (Шуваловой).

Весь архив включает в себя приблизительно 900 единиц хранения. Это и напечатанные на пергаменте грамоты и дипломы, и патенты на чины и воинские звания, и сертификаты – официальные письменные удостоверения, и пригласительные билеты на балы, дававшиеся Воронцовыми в Одессе в 1830-х годах, и альбом с уникальными портретами, выполненными первыми одесскими фотографами, и три тома путевых записок на английском языке из путешествия по Европе и России Джона Праута в 1815-1820 годах, и его обширная переписка с русской знатью и своей женой Марией Ивановной Липранди, и визитные карточки многих русских аристократов. Всего не перечесть. Писем с автографами Воронцовых немногим менее сотни.

Представляет интерес письмо М.С. Воронцова, собственноручно 10 января 1854 года им в Дрездене написанное и адресованное в Одессу А.И. Шпигановичу. Обычно граф задуманные им солидные проекты и письма надиктовывал своим секретарям. В данном случае он поступил иначе.

Дело в том, что вот уже почти два месяца велась Крымская война. В январе 1854 года в Черное море вошли эскадры англо-французской коалиции. Как грамотный военачальник, прекрасно разбиравшийся в соотношении боеспособности армий, флотов и их вооружений, Воронцов не исключал возможности военных действий у берегов Одессы, а возможно, и высадки союзного десанта. Именно поэтому письмо А.И. Шпигановичу – это первое проявление тревоги князя и княгини по поводу сохранности их семейного архива, библиотеки, манускриптов, картин, родовых мраморных бюстов, старинных рукописей, антиквариата:

«…Насчет положения нашего одесского дома мы разделяем с княгинею Ваше мнение, что надо бы перевесть в безопасное место драгоценные вещи, которые в нем находятся. Насчет же этих вещей мы полагаем

1-е. Книг у нас слишком много, чтобы их можно перевесть; да книги и не пропадут, ежели только дом не сгорит.

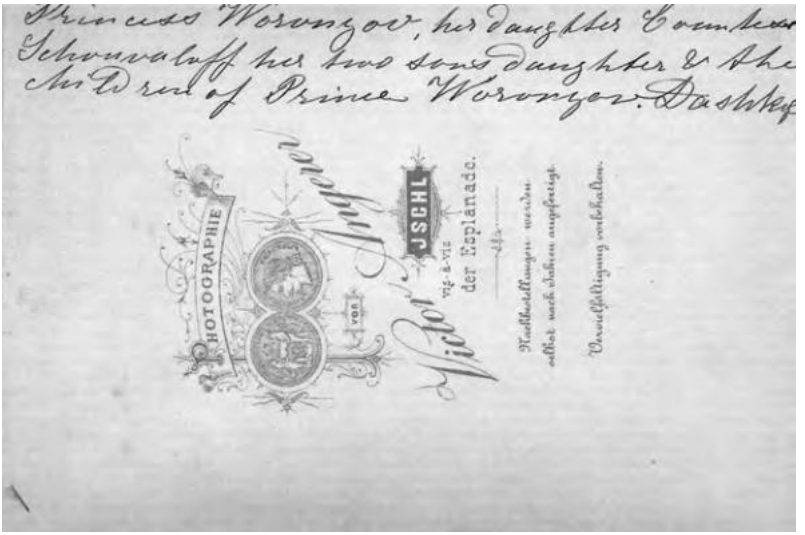
2-е. Картин всех также перевесть очень трудно, но есть вещи – такие картины, которые мы хотели на всякий случай спасти, как,

Групповая фотография Воронцовых (ок. 1873 г.)
Фото из «лондонского архива»

например, мой большой портрет и портрет отца моего из Индийского кабинета; портрет императрицы Екатерины из Зеленой гостиной и портрет короля шведского из бильярдной и из Большой гостиной; по самой крайней мере, – прекрасную картину Тициана («Богородица с младенцем, святым Иосифом и св. Екатериной») и картину Рафаэля («Богородица с младенцем»); но, ежели возможно, то мы желали спасти все эти отличные картины из Большой гостиной.

3-е. Непременно нужно спасти и отправить в Мошны железный сундук из моего кабинета, в котором много нужных для меня бумаг, и вазу из Зеленой гостиной, которая мне подарена Корпусом во Франции. Эти две вещи необходимо отправить. Что касается жардинир (жардиньерка, то есть этажерка для комнатных цветов. – **В. К.**), подаренной от короля шведского, которая в библиотеке; вазы из яшмы, подаренной государем, и прочих драгоценных вещей и мебели, то мы думаем, что Вы найдете возможность спрятать их вместе.

Надпись на оборотной стороне (перевод с английского): «Княгиня Воронцова, ее дочь графиня Шувалова, ее два сына и дочь, а также дети князя Воронцова-Дашкова»

4-е. Серебро надо спасти, и мы думаем, что лучше отправить его в Мошны.

5-е. Княжна пошлет ключ от бюро, который находится в спальне, и просит Паулину Ивановну переложить все, что в нем находится, в ящик и отправить в Мошны.

Что касается до способа отправления всего этого, чтобы Вы списались с Иваном Тимофеевичем о лучшем способе, как это отправить. Разумеется, все, что надо приготовить, для случая, ежели мира не будет, и Одесса будет находиться в большой опасности. До весны же, кажется, неприятель ничего не сможет предпринять, но, таким образом, мы сделаем все, что от нас зависит, для спасения лучшей части наших драгоценностей.

Княжна еще желает спасти бюст мой и бюст батюшки: один – в оранжерее, а другой – в моем кабинете; оба отправить в Мошны.

Прощайте, любезный Антон Иванович. Остаюсь навсегда преданный Вам

М. Воронцов».

Чуть позднее М.С. Воронцов несколько изменил свои намерения. Известно письмо князя видному ученому, историку, профессору, директору Ришельевского лицея Н.Н. Мурзакевичу, с которым Михаил Семенович состоял в добрых доверительных отношениях. Это письмо было изложено ученым в своих мемуарах – автобиографических «Записках», опубликованных в 54-м томе журнала «Русская старина» за 1887 год (см. статью Галины Семыкиной «Просвещеннейший вельможа». М.С. Воронцов в воспоминаниях Н.Н. Мурзакевича).

В принципе, архив Шпигановичей – это завершающая часть вывезенного в Англию в конце позапрошлого века и чудесным образом замечательно сохранившегося общего архива Праутов, Липранди и Шпигановичей.

Сперва остановимся на Джоне Прауте.

Родившийся в Англии в 1794 году Джон Праут (John Prout) – доктор медицины, получивший образование в лучших учебных заведениях, чему подтверждение – немалое количество дипломов и сертификатов. В 1815 году переехал во Францию, где был зачислен доктором Русского оккупационного корпуса под командованием М.С. Воронцова. С этого времени начинается служба Джона Праута на российской земле. Одно время в течение четырех лет он состоял в должности личного врача главного командира Черноморского флота вице-адмирала А.С. Грейга, а последние годы жил в Одессе и являлся домашним врачом семьи Воронцовых. Скоропостижно скончался в Массандре в 1841 году, где и был похоронен.

Мало, просто на удивление мало, а возможно, и совсем ничего прежде не было известно об этом человеке. Не думаю, чтобы заурядному лекарю удалось не только состоять на службе у адмирала Грейга и семьи Воронцовых, но и быть представленным его императорскому величеству. И лишь обнаруженный недавно «лондонский архив», содержащий документы как о самом Джоне Прауте, так и о его взаимоотношениях с М.С. Воронцовым, поможет многое о нем узнать.

Правда, прочтение всех документов потребует определенных усилий для взявшегося за этот труд исследователя, ибо немало писем из общего архива составлено на английском языке. Много на французском. Да и у каждого корреспондента Джона Праута – свой собственный почерк, не всегда притом каллиграфический.

Во Францию Джон, или, как его стали называть в Русском оккупационном корпусе, Иван Романович Прaут, прибыл с немалым багажом знаний. На его прошение о службе главный медицинский инспектор армии действительный статский советник Я.В. Виллие своим письмом уведомлял просителя:

«Господину иностранному врачу Ивану Прауту.

Рассмотрев представленные доказательства об оказанных Вами успехах в медицине и удостоверившись в хороших сведениях ваших в медико-хирургических предметах при лично моем испытании в оных, я, согласно Вашему желанию, принял Вас в российскую службу по военно-медицинскому ведомству на оклад старшего лекаря 2-го класса с жалованьем по 600 рублей в год и прочими сверх того довольствиями, штатом сему классу положенными; почему предписываю Вам следовать в Главную квартиру главнокомандующего действующими армиями и явиться к полевому генерал-штаб-доктору статскому советнику Яворскому, где, приняв на верность службе присягу, имеете вступить в должность по его назначению. Производство же Вам жалованья начнется с нижеписанного числа сего месяца.

Главный по армиям медицинский инспектор Яков Виллие.

№ 130. Июля 12 дня 1815 года, г. Париж».

Другое хранящееся в архиве и датированное 16-м мая 1826 года письмо дает великолепную характеристику уже штаб-лекарю (военное звание старшего полкового врача в русской армии XVIII – первой половины XIX века) Джону Прауту:

«Я, нижеподписавшийся, свидетельствую, что господин Праут Иван служил под моим начальством в течение четырех лет и что в продолжении оного времени он отличался своим прилежанием и своею ревностью не менее, как совершенным познанием своего дела по занятиям своим при госпиталях и больных в качестве штаб-лекаря, в котором он принес естественные пользы службе императорского величества вообще, а в особенности, ведомству Черноморского флота. В засвидетельствование чего, так, как и в знак совершенного признания его важных заслуг выдал и подписал я сие мое свидетельство 16-го мая 1826.

Вице-адмирал А. Грейг

Главный командир Черноморского флота и портов».

В «лондонском архиве» обнаружилась датированная 26 июля 1834 года расписка-обязательство графа М.С. Воронцова, выданная им Джону Прауту, с уточняющими деталями относительно переезда доктора по настоятельной просьбе графа в Одессу. Пасторалей граф доктору и не думал рисовать – он просто звал его на работу. К тому времени граф, занимавший уже должность новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, не только прекрасно знал даровитого дипломированного штаб-лекаря, но и успел завести с ним приятельские отношения.

Принимая близко к сердцу треволнения доктора по случаю переезда, граф всячески обнадеживал друга:

«Так как Вы согласны сопровождать меня в Россию в качестве моего и моей семьи доктора, то я обязуюсь в случае любых расхождений, которые могут возникнуть, или же в случае моей смерти, что любой исполнитель или администратор предоставят Вам паспорт и заплатят Вам такую сумму сверх составляющей Вашу зарплату, которая покроет должные и разумные расходы в поездке из любой части России в Англию. М. Воронцов».

Из выпущенной в Лондоне в 1854 году книги Роберта Ли «Последние дни Александра и первые дни Николая» («The Last Days of Alexander, and the First Days of Nicholas (Emperors of Russia)» by Lee, M. D., F.R.S), из «Записок» «Геродота нашего края» Э.С. Андриевского, а также из воспоминаний самого Джона Праута прорисовывается сейчас картина взаимоотношений между такими людьми, как граф М.С. Воронцов, адмирал А.С. Грейг и доктор Праут. Упомянутыми историками был описан случай несостоявшейся дуэли между адмиралом Грейгом и морским министром адмиралом А.В. фон Моллером. В качестве секунданта адмирал Грейг уговорил тогда выступить одного из своих друзей – графа М.С. Воронцова.

Разгоравшийся несколько лет конфликт был связан с обвинениями в казнокрадстве, предъявленными честным и принципиальным Грейгом морскому министру. В последнем споре адмирал Грейг счел себя оскорбленным и вызвал обидчика на дуэль.

В день поединка на окраине Петербурга, в «Красном трактире», трое приятелей за утренним завтраком уже поджидали было опаздывавшего соперника, как вдруг вместо него увидели

подъехавшего в коляске обер-полицмейстера П.В. Голенищева-Кутузова, будущего генерал-губернатора Санкт-Петербурга, примчавшегося с приглашением явиться всем участникам в Зимний дворец. Там они и застали Моллера – император, естественно, дуэли не допустил и примирил враждовавшие стороны.

Таким образом, Михаилу Семеновичу Воронцову удалось в случае неблагоприятного исхода не потерять еще одного друга, как это случилось уже однажды, еще в декабре 1807 года, когда перед дуэлью с графом Хрептовичем его старинный приятель Д.В. Арсеньев также уговорил Воронцова быть его секундантом.

Спустя много лет после несостоявшейся дуэли двух адмиралов фон Моллер в результате выявления многочисленных злоупотреблений был-таки отстранен императором Николаем I от руководства морским министерством и уволен в отставку.

В изданной в 2004 году в серии «Жизнь замечательных людей» книге Вячеслава Удовика «Воронцов» ее автор пересказал поведанную доктором Праутом последнему врачу М.С. Воронцова историографу Э.С. Андриевскому связанные с предстовшей дуэлью события того дня. Они и были изложены в выпущенных в 1913 году, уже после смерти автора, его «Записках».

Но вот что примечательно. Вероятно, кого-то из рассказчиков, должно полагать, самого первого, то есть доктора Праута, со временем стала подводить память. Дело в том, что в описанных выше источниках несостоявшаяся дуэль относится к августу 1832 года, через два года после того, как супруги Воронцовы, похоронив в Вене их любимую девятилетнюю дочь Александрину, а затем, еще через два года, в июне 1832 года попрощавшись с упокоенным на восемьдесят седьмом году жизни отцом Михаила Семеновича Семеном Романовичем Воронцовым, на несколько дней посетили Петербург.

Упомянутое же выше известное сейчас второе издание книги доктора Роберта Ли, которое автор осуществил в Лондоне в июне 1854 года, представляет собой дневниковые записи, которые живший два года в России, в том числе и в Одессе, доктор по годам, по месяцам и почти ежедневно осуществлял методично и скрупулезно. Первое же издание вышло, как в предисловии ука-

зал сам автор, девятью годами раньше, то есть в 1845 году. Велись же эти записи с ноября 1824 по декабрь 1826 года.

И вот в соответствии с означенным дневником, в котором, думается, все положенное на бумагу не подлежит сомнению, эпизод несостоявшейся дуэли между адмиралом Грейгом и морским министром адмиралом Моллером относится конкретно к 17 мая 1826 года, но никак не к 1832 году.

Очень хотелось бы поставить долгожданную точку в описании находящихся в «лондонском архиве» связанных с М.С. Воронцовым документов, но сделать это практически невозможно. Неожиданно при более детальном изучении содержимого «золотоносного» железного ящика обнаружились датированные 9 июня 1829 года запрошенные М.С. Воронцовым у проживавшего тогда в Одессе английского доктора медицины Эдварда Мортона врачебные советы. Они и были изложены доктором убористым почерком на шести страницах и касались рекомендаций по поводу профилактики различных заболеваний, а также относились к различным способам лечения и гигиены не только самого Михаила Семеновича, но и всей его семьи.

Скорее всего, Воронцов впоследствии передал этот документ Прауту как своему домашнему доктору, и таким образом упомянутые рекомендации смогли сохраниться для дальнейшего изучения специалистами.

Эдвард Мортон много путешествовал, в 1827-1829 годах жил в России и в 1830 году издал в Лондоне книгу о своем пребывании в Одессе и Санкт-Петербурге.

Из содержимого «лондонского архива» также явствует, что предшественником доктора Праута в качестве домашнего врача семьи Воронцовых сразу после знакомца Пушкина доктора Уильяма Гатчинсона был с 1824 года упомянутый несколько выше доктор Роберт Ли.

Одно из писем, адресованное Робертом Ли доктору Прауту и датированное 30 сентября 1832 года, заканчивается фразой: «Не забудь передать мои лучшие пожелания графу Воронцову, графу Палену и всем другим моим дорогим русским друзьям». В другом письме, уже Воронцова Джону Прауту, Михаил Семенович передавал ему привет от доктора Ли.

Окромя военно-врачебного звания *штаб-лекарь* «иностранный доктор» Джон Праут за много лет службы России ни чинов, ни наград не имел. Вероятно, он тяготился этим, и тогда озабоченный вместе с ним граф М.С. Воронцов 7 июня 1837 года обращается со следующим ходатайством к тогдашнему военному министру – генерал-адъютанту графу А.И. Чернышеву, о чем свидетельствует сохранившийся документ:

«Господину военному министру.

Находящийся при мне врачом штаб-лекарь иностранный доктор медицины, хирургии и акушерства Иван Праут вошел ко мне с прошением об исходатайствовании ему действительного чина в награду одиннадцатилетней его службы по сухопутному и морскому ведомствам.

Из прилагаемого при сем списка с указа об отставке г. Праута видно, что он поступил на службу его императорского величества еще во Франции в 1815 году, следовал потом с армией в русские пределы, находился постоянно при полках или непеременных госпиталях и перешел потом в ведомство Черноморского флота, аттестуясь всегда отлично по своему усердию, ревности и познаниям.

Служа с 23 июля 1819 по 2-е число февраля 1826 года в звании штаб-лекаря, он в особенности обратил на себя внимание бывшего главного командира Черноморского флота и портов вице-адмирала Грейга, который в прилагаемом при сем свидетельстве отдал ему справедливые похвалы за понесенные им с успехом и пользою труды.

Зная г. Праута лично с самой лучшей стороны и убедившись еще во Франции, где он находился в вверенном мне корпусе, в его способностях и старании, я не могу не принять особенного участия в просьбе его.

Хотя по силе вновь высочайше утвержденного Положения о производстве в действительные чины медицинских чиновников назначена штаб-лекарям восьмилетняя выслуга для производства в коллежские асессоры, а г. Праут находился в означенном звании только шесть лет с половиною, но как общее его служение признано всеми бывшими его начальниками отличным, то я имею честь покорнейше просить вашего сиятельства

содействия об исходатайствовании ему означенной награды, тем более что г. Праут по вторичном своем прибытии в Россию с 1832 года постоянно находится при мне врачом, каковая частная служба относительно к медикам и наставникам, как из новейших постановлений видно, заслужила особое внимание его императорского величества, признавшего всемилостивейше их труды и присвоившего ей право службы государственной.

Г-н Праут, находясь большую часть года на Южном береге Крыма, оказывал свои с неимоверными трудами сопряженные пособия не только особам высших сословий, но и большому количеству стекающих здесь рабочих людей, заведывая притом учрежденными мною больницами.

При посещениях им города Одессы он занимается с большим тщанием при Сиротском доме Женского новороссийского благотворительного общества безвозмездно.

Прилагая при сем засвидетельствованные списки с дипломов, выданных г. Прауту в Лондоне, С.-Петербурге и Гейдельберге, имею честь убедительнейше просить Вашего, милостивый государь, содействия об исходатайствовании ему чина, который сохранит нам отличного врача, обеспечивая судьбу его и предозначая ему в обществе новоизбранного отечества ту степень, которую он по своим достоинствам в полной мере заслуживает.

Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор
г(раф) М(ихаил) Воронцов».

Нет ни малейшего сомнения в том, что проживи доктор Праут дольше, дружба графа Михаила Семеновича Воронцова с доктором Праутом по купности знаний, энергии, стараниям и преданности Отечеству была бы, по словам поэта, еще долго «любезна» нашему городу.

В 1835 году Праут становится одним из основателей задуманной им и учрежденной М.С. Воронцовым Одесской городской лечебницы для приходящих на Гаванной улице, на месте которой уже после войны была построена школа № 9. В лечебницу ту, созданную для оказания бесплатной амбулаторной помощи беднейшим жителям Одессы, медики, по сообщению Н.Н. Мурзакевича, «ежедневно поочередно являлись и безмездно давали советы и рецепты».

В «лондонском архиве» имеется еще один связанный с врачебной деятельностью Джона Праута и с почитанием его как человека документ, составленный сразу после смерти доктора:

«Комитет Одесской лечебницы для приходящих.

30 января 1842 года.

№ 4.

Госпоже вдове доктора Праута.

Милостивая государыня Мария Ивановна.

Покойный супруг ваш доктор Праут был основателем Одесской лечебницы для приходящих, постоянными медицинскими занятиями своими в этом заведении и усердною заботливостью своею о благосостоянии лечебницы оказал оной большие заслуги.

Чтобы почтить память покойного супруга Вашего, столь драгоценную для всех лиц, посвящающих труды свои на пользу лечебницы, в бывшем 28 числа сего января месяца под председательством новороссийского и бессарабского генерал-губернатора графа Михаила Семеновича Воронцова генеральном собрании гг. попечителей лечебницы последовало по предложению статского советника Сафонова единодушное определение: иметь в лечебнице портрет доктора Праута как основателя заведения.

Комитет лечебницы вменяет себе в приятную обязанность уведомить об этом Вас и покорнейше просить дозволить Комитету снять копию с имеющегося у Вас портрета покойного супруга Вашего для постановлении оного в заведении.

С совершенным почтением имеем честь быть, милостивая государыня,

Ваши покорнейшие слуги:

Председатель Минчаки, член С. Сафонов, доктор Вагнер, доктор Илькевич, член Трахтенберг, доктор В. Энно, Д. Даллас, Архип Мас, Камоен, Бем, Дитерихс, член-секретарь Н. Нестин».

И что изумительно, фотография этого портрета тоже обнаружилась в чудом сохранившемся «лондонском архиве», избежавшем не только всех российских перипетий, но и бомбежки английской столицы времен второй мировой войны.

Из письма М.С. Воронцова военному министру видно, что доктор Праут «с большим тщанием» безвозмездно принимал участие

Джон Праут (1794-1841)
Фото из «лондонского архива»

в работе Сиротского дома Женского новороссийского благотворительного общества.

В конце 1840 года, всего за несколько месяцев до смерти, доктору Прауту была препровождена золотая медаль «За прекращение чумы в Одессе. 1837 г.» в соответствии со списком особо отличившихся лекарей, представленным государю генерал-губернатором графом Воронцовым.

Осенью 1837 года Одессу «посетила» так называемая моровая язва – чума, четвертая со дня основания города, завезенная херсонским торговым судном «Самсон» из Турции 22 сентября 1837 года. И вот здесь последует маленькое отступление.

Ничего не подозревавший, находившийся тогда в Алупке М.С. Воронцов 19 октября пишет в Одессу доктору Прауту письмо, которое тот через три дня получает:

«Будьте настолько любезны, дорогой доктор, выбрать для меня в Английском магазине Вагнера полдюжины самых лучших термометров. Я думаю, они там всегда английские и стоят от 8 до 12 руб. за штуку. Они должны быть так упакованы, чтоб прибыли сюда (в Крым) целыми, если у Вас нет возможности послать с кем-то, кто едет сюда на коляске с пружинами. Они должны быть посланы первым же пароходом из Одессы 4 ноября. М. Воронцов».

Через несколько дней стало уже не до градусников. Еще до прибытия Воронцова в Одессу был создан врачебный совет и оцеплены сомнительные дома, а постами таможенной стражи, расположенными по черте порто-франко, образован «охранительный кордон против чумы».

По распоряжению Воронцова, специально прибывшего из Крыма 25 октября, город и предместья были поделены на 16 кварталов, наблюдение за которыми поручалось медикам и так называемым комиссарам. С целью предотвращения проникновения болезни вглубь империи в помощь таможенникам «охранительного кордона» вокруг города было образовано дополнительное кольцо из солдат армейской пехоты. В самом городе были закрыты все церкви, учебные заведения, судебные места, запрещены театральные зрелища и «чарочная продажа горячих напитков». Умерших хоронили на карантинном кладбище, а всех зараженных отправляли под строгим надзором в Чумный квартал в собственных экипажах или казенных повозках.

Переходя от одного дома к другому, медики в сопровождении комиссаров и рассыльных казаков начали проверку всех жителей и осмотр больных по именным спискам. Дезинфекция зараженных домов производилась при помощи окуривания закрытых наглухо помещений хлорным газом, пожитки чумных больных сжигались, а металлические и деревянные предметы домашнего обихода на сутки погружались в воду. Уничтожением вещей занимались их владельцы или вольнонаемные мортусы (люди, в обязанность которых входила уборка трупов во время эпидемий чумы и холеры), одетые в кожаные предохранительные накидки.

С 5 декабря эта страшная болезнь больше не проявляла себя ни в городе, ни в предместьях, а через 80 дней – 24 февраля 1838 года, было снято внешнее оцепление и открыты Херсонская и Тираспольская заставы. Таким образом, благодаря организованным действиям, препятствующим распространению эпидемии, благодаря самоотверженности всего медицинского персонала повсюду, где в течение четырех месяцев витал призрак смерти, в городе и предместьях погибло сравнительно небольшое количество жителей – 108 человек, тогда как известная эпидемия чумы 1812 года унесла более 2,5 тысяч человеческих жизней.

В «Одесском вестнике» за 1 июня 1838 года сообщалось: «Его величество государь император во изъявление благоволения своего за прекращение чумы в Одессе всемилостивейше соизволил назначить особые, собственно на сей случай, золотые и серебряные медали: г. новороссийскому и бессарабскому ге-

нерал-губернатору генерал-адъютанту графу Воронцову и всем лицам, содействовавшим прекращению чумы, по списку, от его сиятельства представленному, для ношения в петлице на Александровской ленте».

В «лондонском архиве» нашлось письмо, позволяющее узнать, что среди награжденных золотой медалью был и Джон Праут. Оно было напечатано на бланке Управления новороссийского и бессарабского генерал-губернатора 22 октября 1838 года и подписано исправляющим должность новороссийского и бессарабского генерал-губернатора и бессарабского военного губернатора генерал-майором П.И. Федоровым:

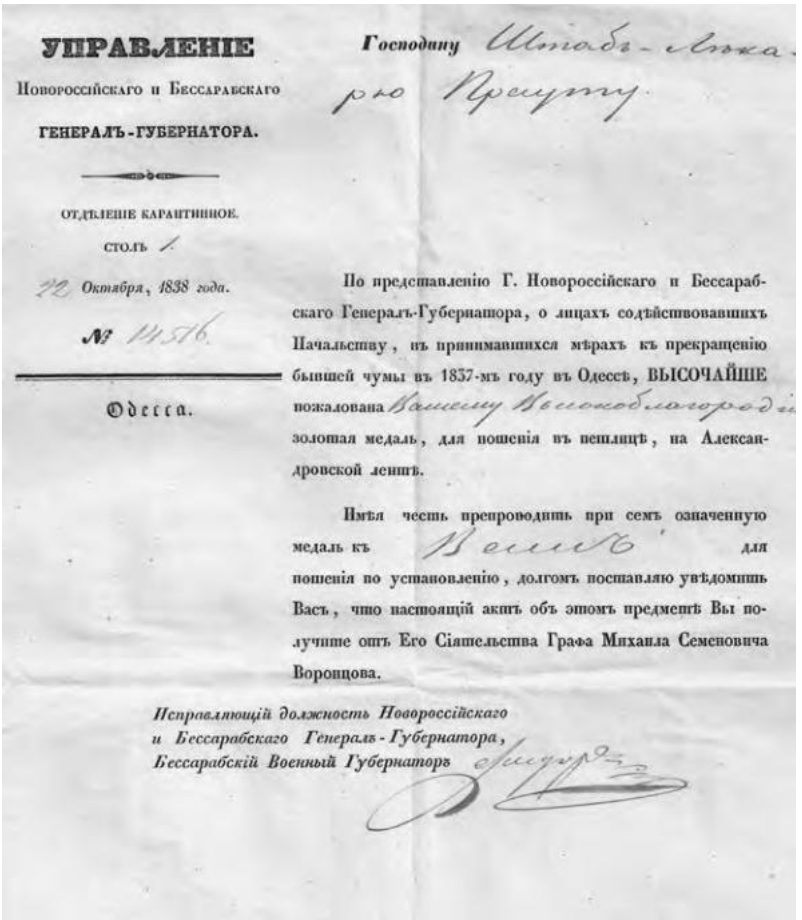
«Господину штаб-лекарю Прауту.

По представлению г. новороссийского и бессарабского генерал-губернатора о лицах, содействовавших начальству в принимавшихся мерах к прекращению бывшей чумы в 1837-м году в Одессе, высочайше пожалована Вашему высокоблагородию золотая медаль для ношения в петлице на Александровской ленте.

Имея честь препроводить при сем означенную медаль к Вам для ношения по установлению, долгом поставляю уведомить Вас, что настоящий акт об этом предмете Вы получите от его сиятельства графа Михаила Семеновича Воронцова.

Исправляющий должность новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, бессарабский военный губернатор»
(Подпись)

Обширная папка «лондонского архива» содержит письма российской и одесской знати к Джону Прауту и его жене Марии Ивановне Праут (Липранди). Вот, к примеру, неполный перечень только некоторых из корреспондентов Праутов, с письмами которых можно ознакомиться в этом архиве: графиня С.А. Бобринская, графиня Софья Ксаверьевна Браницкая (Потоцкая), Григорий Ипсиланти, Артур Потоцкий, княгиня Елена Александровна Голицына (урожденная Нарышкина, двоюродная сестра графа М.С. Воронцова), князь Алексей Николаевич Кантакузен, княгиня Екатерина Федоровна Долгорукая, генерал-лейтенант Павел Петрович Липранди, Татьяна Борисовна Потемкина (урожденная княжна Голицына), вице-адмирал А.С. Грейг, генерал-лейтенант Лев Александрович Нарышкин, Анна Петровна Зонтаг (урожден-

УПРАВЛЕНІЕ
Новороссійскаго и Бессарабскаго
ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА.

ОТДѢЛЕНІЕ КАРАНТИННОЕ.
СТОЛЪ 1
22 Октября, 1838 года.
№ 11516.

Одесса.

Господину Штабъ-Лѣка
рю Праупту.

По представленію Г. Новороссійскаго и Бессарабскаго Генералъ-Губернатора, о лицахъ содѣйствовавшихъ Начальству, въ принимавшихся мѣрахъ къ прекращенію бывшей чумы въ 1837-мъ году въ Одессѣ, ВЫСОЧАЙШЕ пожалована *Вашему Высокоблагородію* золотая медаль, для ношенія въ петлицѣ, на Александровской лентѣ.

Имѣя честь препроводить при семъ означенную медаль къ *Вамъ* для ношенія по установленію, долгомъ поставляю увѣдомить Васъ, что настоящій актъ объ этомъ предметѣ Вы получите отъ Его Сіятельства Графа Михаила Семеновича Воронцова.

Исправляющій должность Новороссійскаго
и Бессарабскаго Генералъ-Губернатора,
Бессарабскій Военный Губернаторъ

Письмо о награждении доктора Праута золотой медалью «За прекращение чумы в Одессе»

ная Юшкова), графиня Екатерина Семеновна Воронцова (в замужестве – леди Пембрук), Catherine Murray (countess of Dunmore) – внучка Семена Романовича Воронцова, лорд Сидни Герберт (Sydney Herbert) – военный министр Англии времен Крымской войны, племянник М.С. Воронцова.

Павел Петрович Липранди (1796-1864)
Фото из «лондонского архива»

Достаточно разветвленное родословное древо семейства Липранди до сего дня было исследовано только частично – для труда такого рода нужны либо архивные, либо эпистолярные материалы.

Дело в том, что в 2010 году военным историком Борисом Витальевичем Никольским в Интернете, на сервере «Проза.ру» была помещена его обширная историческая эпопея – очерк-исследование «Липранди Павел Петрович – герой Крымской войны». Источниками для этого колоссального труда послужили как немалые публикации и переписка, так и архивные сведения. Но, в основном, опубликованная в 1902 году биография генерала от инфантерии Павла Петровича Липранди, написанная его сыном, офицером Генерального штаба Рафаилом Павловичем Липранди (1838-1909).

Этот очерк касается таких известных российских военных и политических деятелей, какими были Павел Петрович (1796-1864) и Иван Петрович Липранди (1790-1880) – сыновья Петра Ивановича Липранди, итальянского негоцианта, приехавшего в Россию еще во времена царствования Екатерины II и скончавшегося в 1810 году. Это была другая ветка родословного древа семейства Липранди. «Одесские» же Липранди пошли от брата Петра Ивановича – Ивана Ивановича Липранди, дворянина, капитана голландского флота. Его сын, тоже Иван Иванович Липранди (1778-1846), уроженец города Ниццы, сардинский дворянин, в соответствии с указом – позволением императора Александра Павловича, прибыл в 1815 году в Россию, в Петербург, вместе с женой Екатериной и пятью детьми: дочерьми Марией, Екатери-

ной, Елизаветой, и сыновьями – Максимом и Александром.

Этот Иван Иванович Липранди являлся двоюродным братом описанных выше известных русских генералов – Павла Петровича и Ивана Петровича Липранди.

В соответствии с выданным в 1850 году его дочери, Екатерине Ивановне Липранди, согласно ее просьбе формулярному списку, а также согласно другим свидетельствам и аттестатам, уже на следующий год после прибытия в Россию наш многодетный сардинский дворянин был определен на службу в Феодосийскую таможню в должности так называемого экера, то есть таможенного чиновника.

Уильям Праут (1785-1850)
Фото из «лондонского архива»

Начав фактически с нуля, Иван Иванович Липранди дослужился до пакгаузного надзирателя, получая соответственно чины – от коллежского регистратора до коллежского секретаря. В 1829 году по распоряжению новороссийского и бессарабского губернатора графа М.С. Воронцова был «назначен в должность непременного члена Одесского портового карантинного правления» и, как видно из его формулярного списка, в апреле 1831 года «государь император всемилостивейше пожаловать соизволил ему, г-ну Липранди, бриллиантовый перстень». Так началась «одесская ветвь» семейства Липранди.

Вот одна из дочерей Ивана Ивановича Липранди-сына и его жены Екатерины Шепф, Мария Ивановна Липранди (1808-1891), и вышла в Одессе замуж за доктора Ивана (Джона) Праута.

Отдельная пачка архива связана с именем видного английского ученого-химика первой половины XIX века Уильяма Праута,

в честь которого была названа элементарная частица, ядро атома водорода – протон. В этой пачке – письма ученого своему двоюродному брату Джону Прауту в Одессу, а также датированная 1950-ми годами переписка тогдашнего владельца архива Виктора Шпигановича с Британской Королевской академией наук и Британским музеем по поводу приобретения ими упомянутых писем Уильяма Праута. По неизвестным сейчас уже причинам эти письма сохранились в семейном архиве Праутов-Липранди-Шпигановичей.

В альбоме с никогда не публиковавшимися ранее снимками 1850-1870-х годов можно увидеть фотографии с прижизненных художественных портретов Ивана Ивановича Липранди и его жены Екатерины Максимовны Липранди (Шепф), Джона Праута и его двоюродного брата – выдающегося английского ученого Уильяма Праута, а также оригинальные фотографии Марии Ивановны Липранди, Екатерины Ивановны Праут-Смит, Софии Михайловны Воронцовой, Семена Михайловича Воронцова в генеральской форме, Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, Павла Петровича Липранди в генеральской форме, Сидни Герберта, Екатерины Мюррей (Catherine Murray) и множество других. Среди них – не известные ранее большого размера фотографии могил Липранди на уничтоженном впоследствии 1-м Христианском кладбище. На одном из могильных камней была выбита переписанная еще в 1860 году кем-то надпись: «На сем месте погребено тело рабы Божьей Екатерины Максимовны Липранди, скончавшейся в апреле месяце 1824 года».

Одна из дочерей Ивана (Джона) Праута и Марии Ивановны Липранди, Екатерина Ивановна Праут, впоследствии вышла замуж за американского консула в Одессе доктора Тимати Кларка Смита (Timathy Clark Smith) (1821-1893), проживавшего в собственном, ныне сохранившемся доме, что на Княжеской, 29, угол Конной.

Тимати Кларк Смит, ставший в 1855 году врачом и имевший должность хирурга русской армии, а с 1861 по 1875 год занимавший должность американского консула в Одессе, был даже упомянут Марком Твеном в путевых очерках «Простаки за границей» при описании посещения им Одессы, Севастополя и Ялты. Но, что интересно, прославился Смит не на консульском поприще

и не благодаря Марку Твену, а благодаря своему оригинальному захоронению.

Герб Липранди-Праут
Из «лондонского архива»

Дело в том, что вернувшись в Америку, Смит стал панически опасаться быть заживо похороненным – такие случаи в те времена случались очень и очень часто. Как врач Смит, естественно, знал об этом и завещал предать себя земле весьма нетривиальным способом. По иронии судьбы. он скончался в городе Миддлбери, что в штате Вермонт, как раз в конце октября на Хэллоуин – древний языческий ритуальный праздник для успокоения мертвых. Захоронен он был в специально сооруженной подземной гробнице на Вечнозеленом кладбище в маленьком городке Нью-Хейвен в нескольких милях от Миддлбери. Эта гробница, ежегодно привлекающая к себе множество туристов, представляет собой подземный склеп, состоящий из двух комнат, в одной из которых установлен саркофаг с Тимати Кларком Смитом. Возле него лежат молоток, долото и колокольчик на тот случай, если бы он, вдруг очнувшись, смог выбраться наружу или дать о себе знать. Гробница Смита перекрыта огромной цементной плитой с зеленым холмом. У подножья холма – лестница в подземелье, а на его вершине – небольшая цементная плита со стеклянным окошком. В это окошко, как предполагал сам Смит, он мог бы выглянуть на белый свет. Сейчас туда заглядывают любопытные туристы.

У доктора-консула Тимати Кларка Смита и его жены Екатерины Ивановны Праут (Смит) было двое родившихся в Одессе и пошедших по стопам отца сыновей. Оба также стали консула-

ми. Старший, Альфред Виллоби Смит (Alfred Willoughby Smith), с 1906 по 1911 год состоял американским вице-консулом в Одессе, а в 1914 году – в Москве.

Младший, Феликс Смит (Felix Octavius Willoughby Smith), последовательно занимал должность американского вице-консула в Катании, Варшаве, Бейруте, Адене и в 1916 году – в Батуми.

Вторая дочь Джона Праута и Марии Липранди, Людмила, вышла замуж за племянника управляющего одесским дворцом Воронцовых Антона Ивановича Шпигановича, с которого, собственно, и начинался этот очерк. Эмигрировав в Англию в конце XIX века вместе с восьмилетним сыном Виктором Шпигановичем, они и вывезли собиравшийся почти сто лет семейный архив представителей русской аристократии Джона Праута, Липранди и Шпигановичей, в котором немалую часть представляют собой документы, связанные с любимым и почитаемым одесситами Михаилом Семеновичем Воронцовым.

Нью-Йорк

Александр Бабич

Как организовывалось одесское подполье

О партизанском и подпольном движении на Одесщине написано много. В советской литературе 50-70-х годов ярко и пронзительно были описаны подвиги Молодцова, Шестаковой и Межигурской, множество раз перепечатаны предсмертные письма Яши Гордиенко и Николая Петренко, написанные героями во вражеских застенках; деятельности одесских партизан посвящено несколько музейных экспозиций. В последние годы появился ряд новых, но не всегда чистоплотных публикаций… Обильно сдобрен такими статьями Интернет. Но даже при таком обилии материала все равно нет вразумительных ответов на основные вопросы, которые напрашиваются сами собой: Как создавались партизанские отряды? Какова была их эффективность? Почему они продержались так недолго? В чем причина провалов? В конце концов, мы с вами, кроме трех-четырех уже упомянутых фамилий, больше и не вспомним никого из подпольщиков. А их было намного больше. Намного…

Итак, давайте обратимся к документам. Сухим, неэмоциональным, иногда протокольным, но – документам.

26 октября 1972 года Одесским обкомом КП Украины был рассмотрен «Общий отчет о деятельности партийного подполья и партизанского движения в период Великой Отечественной войны в Одесской области». Этот интересный документ с таким длинным витиеватым названием был составлен еще 27 февраля 1970 года. Не знаю, по каким кабинетам он бродил два с половиной года, но пленум Одесского обкома его все-таки рассмотрел и тут же принял секретное постановление № 42/18. Согласно этому постановлению, отчет был признан единственно верным

Т. Межигурская, В. Молодцов, Т. Шестакова после ареста

и правильным. Пункт 2 так и гласил: «Утвержденный отчет приобщить к фонду Великой Отечественной войны. В научно-исследовательской и публикаторской работе ссылаться только на этот фонд». Ниже имелась замечательная ремарка в духе эпохи: «Постановление надлежит хранить в металлическом шкафу (сейфе). Снимать копии, делать выписки из постановлений, а также ссылаться на них в открытой печати или документах советских, профсоюзных, комсомольских и хозяйственных органов запрещается»*. Вот такая вот сложная логика.

Далее в этой архивной папке на 220 листах шел полнейший отчет о партизанской и подпольной деятельности в Одесской области в годы Великой Отечественной войны. Я прочитал его от корки до корки и подробно изучил.

Странно, но наши партийные идеологи забыли о предыдущем таком же комплексном отчете. Том самом, который в этих же кабинетах утверждался сразу после войны (в 1946 году) и был таким же «единственно верным». Он был настолько правильным, что его в те годы не побоялись ладненько упаковать в большую коленкоровую папку с золотым тиснением на обложке и портретом «Великого кормчего» на первой странице**.

Я сел в архиве, уложил эти две папки рядышком и стал сравнивать. У них были почти идентичные названия, но они очень сильно отличались и по своему объему, и по своему содержанию.

* Государственный архив Одесской области (ГАОО), ф. 92, оп. 1, д. 5.

** ГАОО, ф. 92, оп. 1, д. 1.

Первое, что очень сильно бросалось в глаза, это разница цифр. Эта статистика не была утомительна, так как позиций в итоговых отчетах было совсем немного. Я начертил несложную табличку и быстро перенес туда цифры. Вот что у меня получилось:

В Одессе и Одесской области в годы Великой Отечественной войны действовало:

	Количество (отчет 1946 г.)	**Количество (отчет 1970 г.)**	**Количество бойцов (отчет 1946 г.)**	**Количество бойцов (отчет 1970 г.)**
Партизанских отрядов и соединений	8	13	1278	–
Подпольно-диверсионных групп	2	8	42	–
Подпольно-большевистских организаций	12	22	537	–
Подпольно-антифашистских групп	8	48	124	–
Итого	30	91	1981	1743 партизана и 2565 подпольщиков **Всего 4308**

Я не готов сейчас объяснять, чем отличалась «Подпольно-большевистская организация» от «Подпольно-антифашистской группы». Это не является предметом данного исследования. Видимо, у партийного руководства были свои критерии и способы градации. Меня тогда удивил стремительный «рост показателей»… Обратите внимание – за 24 послевоенных года количество этих самых «Подпольно-диверсионных групп» выросло в четыре раза, а подпольно-антифашистских групп стало в 6 (!) раз больше.

В дополнение к этому в отчете 1970 года (хранящемся в закрытом архивном фонде) карандашиком кто-то аккуратно про-

ставил пометки: над цифрой «2565» надписано – «более 3-х тыс.»; «1743» исправлено на «1800»; и наконец, той же «твердой» рукой подводится сумма – «Всего: более 5 тысяч». Вот так вот! Ну зачем утомлять исследователей и просто советских граждан четырехзначными цифрами? Округлили – и хорошо… Теперь в докладах и книгах все будет гладенько. А заодно увеличили численность, чтоб продемонстрировать массовость! Позже я встречал именно эти «окончательно-карандашные» цифры в нескольких солидных книгах о войне в Одессе.

В поздних сводных отчетах странным образом куда-то абсолютно исчезает цифра потерь. Что, их вообще не было? Да нет, в отчете 1946 года она присутствует: «Погибло в боях с немецко-румынскими захватчиками и расстреляно фашистскими властями в период подпольной деятельности – 409 человек». А позже об этом решают уже не вспоминать. Странно, если они погибли, это как-то уменьшает степень их заслуг перед народом?!

Вот так и создавался прилизанный миф об одесских партизанах и подпольщиках. Блестящий и лакированный, на который сверху каждое новое издание намазывало новый слой лака. А истина оказывалась под этими слоями все глубже и глубже.

Как-то мне посчастливилось общаться с великим польским кинорежиссером Кшиштофом Занусси. Он замечательно говорит по-русски и великолепно знает нашу историю. В разговоре он случайно употребил слово «нормально», тут же осекся, и спросил меня: «Александр, а вы знаете, что в языке Чехова не было слова «нормально»? Его ввели в русский язык большевики в годы первых пятилеток, когда все в вашей стране стало нормироваться». Когда я посмотрел на эту табличку, то подумал, что, видимо, в послевоенные годы ввели «норму» и на партизан… Так было нужно. Ну, это издержки советской идеологии. Вернемся к фактам.

Когда я работал над «партизанской темой», мне посчастливилось найти в частной коллекции серьезного одесского краеведа архив одного из партизанских отрядов. Это толстая папка в несколько сотен листов. Львиную долю документов составляла послевоенная переписка с партийным руководством (вплоть до писем Н.С. Хрущеву): выжившие в годы войны люди, прошед-

шие фронт, румынские и немецкие тюрьмы и концлагеря, послевоенные проверки СМЕРШа, в 60-е годы пытались доказать свою причастность к одесскому подполью. Они бились о стену чиновничьего непонимания и черствости, доказывая, что во вражеском тылу они не отсиживались на кухнях, а боролись с оккупантами. И раз за разом натыкались на стену недоверия. Было и так…

Автор серьезнейшего исследования истории партизанского движения Соколов Б.В. в какой-то мере объясняет трансформацию этой статистики*. Он напоминает, что начальником Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования в годы войны был первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Под его руководством партизанские отряды и соединения в Белоруссии действовали активно и эффективно. После войны это нашло свое отражение и в литературе, и в цифрах, и, как итог, в известном определении: «Белоруссия – партизанская республика». После прихода к власти Хрущева, который в годы войны являлся одним из руководителей партизанского движения на Украине, Никита Сергеевич дает команду о «повышении показателей партизанской активности на Украине», стремясь догнать Белоруссию всеми возможными способами. Хотя это было явно трудноосуществимым, достаточно сравнить природные и рельефные условия УССР и Белоруссии. Но команда выполнялась. И по мере сил чиновниками начинают вноситься в списки партизан люди, которые хоть как-то проявили себя в советском сопротивлении на Украине. Цифры растут в угоду Хрущеву… И вот подобные политические коллизии нам тоже приходится знать и учитывать, препарируя такую сложную тему, как история партизанского и подпольного движения.

Так сколько же было тех, которые, ежесекундно рискуя жизнью в оккупированной Одессе, делали все, чтоб Победа пришла поскорее в наш город? Как они сражались и как они погибали? Сколько их погибло, так и не предав своих друзей, а сколько под пытками, а то и по доброй воле перешли на сторону врага? До конца мы вряд ли сможем это узнать, но приблизиться к истине будем пробовать.

* Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. – М.: АСТ, 2002.

В советские годы было принято вещать о «массовом, всенародном партизанском движении». Когда читаешь книги, изданные в 60-70-х годах, перед глазами предстает картина: «весь народ в едином порыве поднялся на борьбу с врагом…» и так далее. Фильмы и пропаганда усугубляли эту картину. И мы верили! В последние годы все изменилось с точностью до наоборот. Некоторые особо рьяные «исследователи» договариваются до утверждения, что организованного сопротивления на оккупированных территориях вообще не было; все проведенные партизанские акции носили единичный разрозненный характер, никакого реального вреда оккупантам не приносили, а только вызывали репрессии по отношению к мирному населению.

Давайте отступим от стереотипов и попробуем разобраться. «Массового» партизанского движения в принципе быть не могло. Большая часть населения, оставшегося в тылу, – это женщины, дети, старики, и мужчины непризывных возрастов. Кто из них должен был составить ту «массу», которая активно боролась бы с оккупантами? Следующее: «массово» – это сколько? 90%, 50%, 20% от общего количества населения? Кто мог установить норму? Какие критерии массовости можно применить к тем нечеловеческим условиям, в которых оказывалось оккупированное население и герои сопротивления? И, наконец, давайте будем объективными в оценке степени лояльности многих советских граждан к сталинскому режиму: теперь мы обладаем достаточным количеством фактов, убеждающих, что не все граждане СССР в те годы были готовы рисковать жизнью, защищая идеи большевизма.

Историю одесского подполья можно условно поделить на два основных хронологических периода. Первый приходится на 1941-1942 гг., когда в катакомбы уходили по приказу. Действия этих отрядов координировали представители разведки армии и НКВД, а общее руководство осуществляли партийные органы.

Второй период датируется последними месяцами оккупации, когда отряды организовывали добровольцы и люди, стремившиеся заработать авторитет перед приходом Красной Армии. Количественная разница между первым и вторым периодом резко

выделяется: в первые месяцы оккупации в Одессе было несколько сотен партизан и подпольщиков; в марте-апреле 1944 их насчитывалось несколько тысяч!

Можно отдельно препарировать трансформацию настроений в отношении оккупантов в зависимости от года войны: настроения осени 1941-го очень сильно отличались от настроений зимы 1943-44 годов. Перечень количества проведенных боевых операций и указанная в списках численность бойцов – прямое тому подтверждение. Несложно понять, что всплеск активности сопротивления в 1943-1944 годах напрямую связан как минимум с тремя факторами:

– негатив, накопленный за несколько лет к жестокому оккупационному режиму,

– успехи Красной Армии после победы на Курской дуге;

– понимание скорого возвращения и восстановления советской власти, а значит – необходимости каждого отвечать на вопрос «компетентных органов»: «Чем вы занимались на территории, занятой врагом?». Но для подобного фундаментального труда нужна кропотливая работа большой группы исследователей и большая степень открытости архивов. Надеюсь, скоро это станет возможным.

В Советском Союзе к партизанской войне очень качественно готовились в конце 20-х и начале 30-х годов. Сохранились свидетельства, которые демонстрируют грамотный подход к этому роду боевой деятельности. В стране были обучены или переучены сотни бывших партизан гражданской войны, их опыт систематизировался и обобщался, разрабатывались новые диверсионные средства (при этом упор делался на навыки использования подручных материалов). Работа велась очень плодотворно. А потом большинство этих специалистов попали в жернова репрессий конца тридцатых. Их просто уничтожили…

К тому времени сталинское руководство уже сильно пересмотрело свое отношение к партизанской войне и войне в целом: воевать собирались малой кровью и на чужой территории. А при таком сценарии партизанам места просто не находилось. А значит, заранее никто не готовил базы с оружием и продо-

вольствием, никто не подбирал специалистов, никто не создавал конспиративную сеть. Все это пришлось делать спешно в конце лета и начале осени 1941 года. И такая поспешность очень скоро дала о себе знать.

Партийные органы, которым было поручено руководство партизанским движением, не представляя в полной мере специфики партизанской деятельности, создавали отряды спешно, не очень качественно подбирая личный состав. Таким образом, туда часто попадали люди случайные, физически и морально не подготовленные. Места дислокаций в катакомбах очень часто указывались без предварительной оценки их пригодности, что приводило к трагическим последствиям (как в случае с группой Солдатенко, которая не упоминается ни в одном из вышеприведенных списков).

Напрашивается однозначный вывод: подполье партийными органами создавалось загодя бестолково, спешно и с уже заложенным большим риском для партизан и подпольщиков. Хотя признать эти ошибки после войны у наших идеологов не получилось.

Вот оба списка отрядов и групп Одесской области:

Список из отчета от 09 октября 1945 года*

1. Партизанский отряд Молодцова В.А. (Бадаева), г. Одесса (17 чел. – живых, и 35 – погибших).
2. Партизанский отряд им. Сталина, Ильичевский район (250 чел.).
3. Партизанская группа с. Усатово под руководством Сербулова К.Н. (29 чел.).
4. Партизанский отряд Ленинского района под рук. Тимофеева К.А. (60 чел.).
5. Подпольная организация под рук. Молотова В.А. – Мосолова С.А. (58 чел.).
6. Подпольная организация им. Свердлова под рук. Щербакова Ф.П. (37 чел.).
7. Партизанская группа под рук. Лозинского С.Я. (17 чел.).

* ГАОО, ф. 92, оп. 1, д. 2.

8. Антифашистская группа «Советские патриоты» под рук. Стугарева (23 чел.).

9. Антифашистская группа под рук. Костякова Е.В. (10 чел.).

10. Подпольно-диверсионная группа под рук. Макушева И.С. (14 чел.).

11. Прибугская подпольная организация (188 чел.).

12. Партизанский отряд «Буревестник» (187 чел. – живых, и 55 – погибших).

13. Партизанские группы Беляевского района (39 чел.).

Список членов отряда в подземной базе райкомовцев

14. Подпольная организация Березовского района (72 чел.).

15. Подпольная организация Гайворонского района (74 чел.).

16. Партизанский отряд «Южный» Голованевского района (44 чел.).

17. Подпольная организация Доманёвского района (24 чел.).

18. Подпольная организация Овидиопольского района (25 чел.).

19. Партизанский отряд Одесского (пригородного) района (82 чел.).

20 Партизанский отряд им. Жданова, Песчанский район (25 чел.).

21. Коммунисты, оставленные обкомом и райкомами КП(б)У в тылу врага в Одесской области.

22. Подпольно-диверсионная группа под рук. Заливчего П.Д., действовавшей в порту г. Одессы (15 чел.).

23. Партизанская группа под рук. Соколова (17.10.1947 года решение о признании их партизанской группой было отменено).

24. Антифашистская группа под рук. Чернышева М.Г. (10 чел.).

В этом же отчете перечислялись эти руководители партизанских отрядов, оставленных в г. Одессе*:

1. Солдатенко А.Ф., 1900 г. р., зав. рай. Ф. О. Фрунз. р-она (умер голодной смертью в катакомбах).

2. Жуков-Орлов Н.С., 1888 г. р. предс. рай. ОСО (за несколько дней до сдачи Одессы ушел в катакомбы, судьба неизвестна).

3. Поддубный И.Н. (принимал участие в обороне Одессы, судьба неизвестна).

4. Рыбчук (принимал участие в обороне Одессы, судьба неизвестна).

5. Мельник, 1906 г. р. (расстрелян в 1942 г.).

(Все замечания, взятые в скобки, присутствовали в этом отчете 1945 года. – **Прим. авт.**)

Список из Отчета о деятельности партизанского подполья и партизанского движения в период Великой Отечественной войны в Одесской области от 27 февраля 1970 года**

1. Одесский подпольный обком КП(б) Украины (Петровский А.П., Сухарев С.С.).

2. Диверсионно-разведывательные отряды, действовавшие под руководством В.А. Молодцова (Бадаева) (октябрь 1941 – июнь 1942).

3. Подпольная организация под рук. Молотова В.А. – Мосолова С.А. (ноябрь 1941– апрель 1944).

4. Подпольная группа Литовченко В.И. (Одесский университет) (ноябрь 1941 – апрель 1944).

5. Подпольная группа Трусова Г.С. (декабрь 1941 – май 1944).

6. Подпольная группа Москвина И.М.. депо ж. д. станции Одесса-Порт, завод им. Январского восстания (декабрь 1941 – апрель 1944).

7. Подпольная организация Зотова В.И. (СРЗ № 2) (декабрь 1941 – апрель 1944).

8. Подпольная группа «Советские патриоты» под рук. Стугарева М.Ф. (блок-станция з-да ЗОР, декабрь 1941 – апрель 1944).

* ГАОО, ф. 92, оп. 1, д. 2, с. 100.

** ГАОО, ф. 92, оп. 1, д. 5.

9. Партизанский отряд Ильичевского района г. Одессы (рук. Дроздов С.И., Овчаренко Д.И., действовали в катакомбах со второй половины марта 1944 года).

10. Подпольная группа Кудрина (з-д Январского восстания, декабрь 1941 – апрель 1943).

11. Подпольная организация им. Свердлова под рук. Щербакова Ф.П. (декабрь 1941 – апрель 1943).

12. Подпольная группа А.А. Осадчего (декабрь 1941 – май 1942).

13. Подпольная группа Латенко Т.Ф. и Норайкса Г.К. (декабрь 1941 – апрель 1944).

14. Подпольная группа Пановой К.С. (декабрь 1941 – май 1943).

15. Подпольная группа Лыткиной М.А. (май 1942 – март 1943).

16. Подпольная группа Штаньковой М.А. (январь 1942 – март 1943).

17. Подпольно-диверсионная организация Филиппова В.В. (январь 1942 – апрель 1943).

18. Подпольная группа Никитиной М.П. (январь 1942 – март 1944).

19. Подпольная группа Лозинского С.Д. (январь 1942 – апрель 1944).

20. Подпольная группа Уточкина А.В. (январь 1942 – апрель 1944).

21. Подпольная группа Климова В.С. (февраль 1942 – апрель 1944).

22. Подпольная группа Буштедта С.П. (февраль 1942 – апрель 1944).

23. Подпольная группа Адарченко Б.К. (март 1942 – апрель 1944).

24. Подпольная группа Суркова А.Н. (март 1942 – апрель 1944).

25. Подпольная группа Емельянова М.К. (апрель 1942 – апрель 1944).

26. Подпольная организация и партизанский отряд Ленинского района, действовавший в поселке Кривая Балка (апрель 1942 – апрель 1944, действовали в катакомбах со второй половины марта 1944 года).

27. Подпольная организация «За Родину» под рук. Соловьева И.С. (апрель 1942 – апрель 1944).

28. Подпольная организация Калитченко Г.И. (апрель 1942 – апрель 1944).

29. Подпольная комсомольско-молодежная организация Кацаповой Л.И., Мюллер В.О. и Якобсон О.П. (май 1942 – апрель 1944).

30. Подпольная группа Письмиченко В.М. (июнь 1942 – апрель 1944).

31. Подпольная группа Барковского В.Л. (октябрь 1942 – март 1943).

32. Партизанская группа Сербулова К.Н. и Голубенко Н.Д. (действовали в катакомбах с февраля – марта 1944 года).

33. Подпольная группа Веккера А.Т. (ноябрь 1942 – ноябрь 1943).

34. Подпольная группа Иванова (декабрь 1942 – март 1943).

35. Подпольная группа Чернюка А.К., Кондагури В.В. и Васильковского А.А. (декабрь 1942 – апрель 1944).

36. Подпольная группа Тупчии Н.Г. (январь 1943 – апрель 1944).

37. Подпольная группа Борисенко А.Я. (январь 1943 – апрель 1943).

38. Подпольная группа Рыженкова А.Е. (январь 1943 – апрель 1944).

39. Подпольная группа Пузыря И.Т. (январь 1943 – март 1944).

40. Подпольная группа Гефта Н.А. (август 1943 – апрель 1944).

41. Подпольная группа Гумперта Б.В. (ноябрь 1943 – апрель 1944 с марта 1944 в катакомбах).

42. Подпольная группа Чернышева М.Г. (ноябрь 1943 – апрель 1944).

43. Парашютно-десантная группа Авдеева (Черноморского) В.Д. 16.01.1944 десантировались у села Осиповка Фрунзовского района (10 человек).

44. Партизанский отряд Ленинского поселка Ильичевского района г. Одессы (январь 1944 – апрель 1944, действовал в катакомбах с конца марта 1944).

45. Подпольная группа Андреево-Ивановского района Сидоренко А.Д.

46. Подпольная группа Ананьевского района Кучеренко Н.Д.

47. Подпольная группа Ананьевского района Ткаченко П.Д.

48. Антифашистское подполье Арбузинского района.

49. Подпольная организация Балтского района.

50. Подпольная и партизанские организации Беляевского района.

51. Подпольная организация Березовского района.

52. Подпольная группа Больше-Врадиевского района Корчинского С.А.

53. Антифашистское подполье Братского района.

54. Подпольная группа Великомихайловского района Сенченкова Г.И.

55. Подпольные организации Вознесенского района.

56. Подпольное и партизанское движение в Гайворонском районе.

57. Партизанский отряд «Южный» Голованевского района.

58. Подпольная организация Доманевского района.

59. Подпольно-молодежные группы «Чайка» и «Крылья Советов» Кодымского района.

60. Подпольная группа Кривенцова В.В. Кодымского района.

61. Партизанская группа Курбалы В.В. Кодымского района.

62. Подпольная организация Любашевского района.

63. Подпольная организация Сербиенко В.И. Овидиопольского района.

64. Пригородный подпольный райком партии (Лазарев С.Ф. Крылевский Н.А.). С 14 сентября 1941 г. ушли в катакомбы. Включали в себя Куяльницкий и Усатовский партизанские отряды.

65. Подпольная группа, действовавшая в Одесском пригородном районе, Гродзинского П.И.

66. Подпольная группа Ольшанского района Кожемякина Н.П.

67. Подпольно-молодежная организация «Партизанская искра» Первомайского района.

68. Подпольные группы Песчанского района.

69. Партизанские отряды Байдана Ф.К. и им. Жданова (с. Песчаны и Ольгополь).

70. Подпольная организация Савранского района.

71. Подпольная группа Фрунзовского района, Донского Г.Г.

72. Партизанская группа Фрунзовского района, Орлика Н.И.

73. Партизанский отряд «Буревестник».

Теперь пытливому читателю остается сравнить эти два списка и сделать свои выводы. А мы продолжим исследовать эту сложную, но крайне интересную тему. Эта работа – просто еще одна попытка узнать правду о той страшной войне и о тех людях, которые боролись в тяжких, невыносимых условиях и спасли для нас этот волшебный город у Черного моря. Спасли нам Родину.

Сергей Решетов, Лариса Ижик

О доме городского головы Одессы Н.А. Новосельского

К истории переименования улицы Ямской в Новосельского

Одна из примечательных улиц в старой части города – Ямская – была переименована в Новосельского в честь знаменитого общественного деятеля, городского головы Одессы и не менее известного предпринимателя Николая Александровича Новосельского.

Н.А. Новосельский родился 23 ноября 1818 г. в Грайворонском уезде Курской губернии* в семье помещиков[1].

Окончил харьковскую гимназию, затем – Харьковский университет со степенью кандидата философии. 21 октября 1841 г. поступил на государственную службу[2]. В 1840-х годах умерла его мать, оставив детям небольшие имения в Харьковской и Курской губерниях. Его молодость прошла в Петербурге. В середине 1840-х он проживал в семье сенатора Ивана Зиновьевича Ваценко (ок. 1787 – 1846), управляя его делами. После смерти сенатора женился на его дочери. Все современники отмечали его очень активную деятельность. С именем Новосельского связано создание ряда известных всей стране коммерческих организаций. Так в 1850-х гг. он выступил одним из учредителей компаний, осуществлявших судоходство на Черном и Каспийском морях, а также по Волге – Русского общества пароходства и торговли (РОПиТа), открывшего свою деятельность 21 мая 1857 г., и «Кавказа и Меркурия» (главная контора РОПиТа находилась в Одессе). Компании получили от правительства большие привилегии (в частности, монополию на перевозку, большие субсидии и т. д.). Кроме су-

* Грайворонский уезд – административно-территориальная единица Курской губернии в составе Российской империи. В 1925 г. небольшие части уезда были переданы УССР, а вскоре уезд был упразднен и вместе с Белгородским уездом объединен в Белгородский округ, вошедший в состав Центрально-Черноземной области (1928 г.), а позднее (1934 г.) – Курской области.

доходных компаний ему обязаны основанием Общество куяльницко-хаджибейских соляных промыслов, Одесское городское кредитное общество и Общество взаимного кредита. На 1860 г. он также являлся почетным членом Санкт-Петербургского Совета детских приютов. В Одессе Новосельский появился в 1857 г. Летописец старой Одессы А.М. Дерибас называет Новосельского среди тех, кто активно способствовал реформированию старой городской Думы в 1860-х гг. и установлению нового городского управления[3]. После отставки, в которой он пребывал с 1 мая 1864 г. по 1 января 1867 г., Новосельский десять лет и семь месяцев, с 15 декабря 1867 по 17 июля 1878 гг., был городским головой Одессы[4].

Н.А. Новосельский
Фото из газеты «Одесский листок» за сентябрь 1898 и 1908 гг.

Во время его пребывания на посту городского головы были устроены одесский водопровод, канализация, мощение улиц, газовое освещение и т. д. Начало активной городской общественной деятельности Г.Г. Маразли практически совпало с избранием Новосельского городским головой. В торжественном собрании в Думе, посвященном столетию Одессы, в августе 1894 г., Маразли, рассматривая всю историю Одессы, отметил: «В 1868 году городским головою был избран Николай Александрович Новосельский. Период его службы составляет эпоху живой и неустанной деятельности. Предприимчивый и широко образованный, он оказал преуспеянию города неоценимые услуги, между которыми первое место занимает устройство водопровода. С открытием водопровода Одесса покрылась прекрасной растительностью, развелись сады и парки, жители стали пользоваться чистой текучей водой, уничтожилось зловоние и, главное, положено

начало образцовому санитарному состоянию города. Одесса постепенно становится чистым и красивым европейским городом».[5] После кончины Новосельского в беседе с корреспондентом «Одесского листка» Г.Г. Маразли поделился воспоминаниями о покойном, в которых дал очень лестную характеристику своему предшественнику, которого «хорошо знал… слишком любил и уважал его»[6]. Современники отмечали гостеприимство и радушие городского головы на устраивавшихся его семьей приемах.

Отношение к предпринимательской деятельности Новосельского и к его управлению городом у современников было неоднозначным (в частности, нелицеприятную характеристику ему дают доктор Андреевский и Михневич). Главные обвинения сводились к обогащению за счет государственной и городской казны, что, впрочем, доказано не было. В то же время факты свидетельствуют о том, что многие проекты Новосельский осуществлял за собственный счет, под залог своей недвижимости, порой сильно рискуя. Например, в 1868 г. было наложено запрещение на недвижимое имение Николая Александровича и его супруги, «где бы какое не находилось». Пребывая в должности городского головы и обладая значительными деловыми, дружескими и родственными связями в столице (включая императорскую семью и высших сановников), Новосельский часто и подолгу пребывал там, представляя интересы Одессы. В середине 1870-х гг. по высочайшему повелению был вызван в Петербург в качестве сословного представителя для продолжительного присутствия в Правительствующем Сенате по особо важным государственным делам.

Когда император Александр II посетил 8 сентября 1875 г. Одессу и посадил дуб в будущем Александровском парке, Новосельский отсутствовал в городе, принимая участие в заседании Совета по особо важным делам. Андриан Исаевич Вейнберг, управляющий бухгалтерией городской управы в 1890-е годы, вспоминал в 1898 г.: «Я был свидетелем момента, когда… государь, войдя в беседку, раньше всего спросил, обратившись к Г.Г. Маразли: «Где ваш Новосельский?». Г.Г. Маразли ответил, что он находится в Петербурге и присутствует в сенате по назначению его величества. В 1877 г., когда император Александр II вновь был в Одессе, он лично на пароходе при отъезде в Крым поздравил Н. А. с назначением его в городские головы».[7]

В сентябре 1877 г. Новосельский был повторно избран на четырехлетие городским головой, всего на два голоса опередив своего соперника, Г.Г. Маразли. В результате громкого скандала по «водопроводному делу» в 1878 г. он ушел с поста городского головы.

Как известно, главной заслугой Николая Александровича на посту городского головы по праву считается устройство в 1873 г. в Одессе водопровода, благодаря которому город обеспечивался днестровской водой. Проблема обеспечения города водой всегда стояла остро, и многочисленные попытки решить эту проблему оканчивались неудачно. Наконец, подрядчиком строительства водопровода был определен санкт-петербургский купец Вильгельм Иеронимович Швабен, а инвестором – англичанин Джон Моор, которые в декабре 1870 г. заключили с одесской Думой контракт о сооружении Одесско-Днестровского водопровода и снабжении жителей города водой в течение 49 лет. Контрактом предусматривалось создание Швабеном и Моором в Лондоне «Акционерного общества одесских водопроводов», которое брало на себя строительство и финансирование проекта, а построенный ими водопровод переходил в управление (концессию) их компании, которая получала хороший доход от продажи воды для нужд одесситов, а по истечении вышеуказанного срока должна была передать водопровод в собственность города. Открытие водопровода состоялось в 1873 г., но работы по строительству продолжались и далее. Английская газета «Hour» опубликовала статью, в которой обвинила Новосельского в получении огромной взятки от водопроводной компании за содействие ей (в 1876 г. в том же обвинялся гласный Думы Гурович). Гласный Думы А.Н. Пашков, прибыв 7 апреля 1878 г. в контору водопроводного агентства в Одессе, прилюдно заявил, что «дела водопроводного Общества будут плохи до тех пор, покуда Агентство будет давать г. Новосельскому взятки». Дело получило огласку, после чего Новосельский, в свою очередь, обвинил Пашкова в клевете (забегая вперед, отметим, что взаимоотношения городских властей с Акционерным обществом одесских водопроводов складывались сложно, они неоднократно судились, и только в 1894 г., почти в конце службы Маразли в должности городского головы, водопровод был выкуплен за огромную сумму и перешел в собственность города).

В книге «Столетие Одессы. С портретами административных и общественных деятелей и с видами Одессы» давалась оценка деятельности Новосельского на посту городского головы, при этом не был забыт и водопроводный скандал: «Городской голова тайный советник Николай Александрович Новосельский был неутомимый и в высшей степени энергичный общественный деятель. С раннего утра до поздней ночи квартира его была открыта для всех. Н. А. был в полном смысле главою инициативы. Всеобъемлющие способности, коими обладал Н. А., ставили его наряду с лучшими политикоэкономистами. Много путешествующий, много видавший, он знал всякое дело. Он мог взвесить и оценить сам всю пригодность или непригодность того или другого проекта для городского хозяйства. Замечательно, что во время управления его Одессой – в качестве городского головы, совершились все реформы по городскому хозяйству и что все эти реформы совершены были удачно и с большим интересом для пользы граждан. Один упрек можно сделать Н. А. только разве в том, что все городские сооружения, как то: газовое освещение, конная дорога, водопровод – отданы в руки иностранцев. Но что же мог сделать Н. А. ввиду тупого равнодушия одесских капиталистов? Им нужна нажива рубль на рубль, хотя и конная дорога, и водопровод могли бы давать доход сто на сто. Когда один из первых предпринимателей конно-железных дорог О.О. Чижевич по исходатайствовании от города концессии на устройство конных дорог обратился к банкиру М. с предложением вступить в товарищество, последний ответил: «Я гроша не дам на ваше предприятие, это журавль в небе». Оказалось, что знаменитый богач-пессимист горько ошибся. Одесская конно-железная дорога, если бы концессия ее не была перепродана анонимной компании за безобразно высшую сумму, – давала бы 200% на затраченный капитал. Концессия Одесского водопровода таким же образом перепродана за баснословно высокую сумму; на этой последней концессии поживились сперва одесские аферисты, выманив у предпринимателей в виде комиссионных сотни тысяч (прим. – один гласный Г. (Гурович. – **Авт.**) в качестве комиссионера получил 180.000 рублей), затем сами концессионеры передали права свои английской компании, показали последней дутую доходность водопровода и продали

концессию по такой цене, что водопроводное общество и поныне еще не получает с водопровода 5% на свои паи».[8]

После «водопроводного скандала» Новосельский подал в отставку. 17 июля 1878 г. исполнявший должность городского головы О.О. Чижевич получил от Н.А. Новосельского заявление из Петербурга, в котором тот сообщал, что «вследствие расстроенного здоровья» он отказывается от должности городского головы Одессы, а в отдельном письме на имя Чижевича Николай Александрович поблагодарил его и Штапельберга как своих помощников в городских делах, а также секретарей: личного, городского и управы за исправную службу. По случаю расстроенного здоровья Новосельский выехал из Петербурга в Киссинген для лечения минеральными водами.[9] В заседании Думы 19 июля председательствовавший Чижевич зачитал прошение Новосельского об отставке, в результате чего было принято решение о выборах нового городского головы.[10] 20 июля Дума выразила благодарность Новосельскому за труды на посту городского головы. Как писал сам Новосельский в книге, изданной им в 1881 г., «Сложив с себя звание одесского городского головы после заключения мира с Турциею и по расстроенному здоровью проживая часто за границею, я стал приводить в порядок заметки мои о возможности проявления в России социальной революции…»[11].

После отставки с поста городского головы Одессы летом 1878 г. Н.А. Новосельский поселяется в Петербурге, при этом он избирался гласным Думы и почетным мировым судьей по г. Одессе. Дважды, в 1885 и 1889 гг., он выставлял свою кандидатуру на пост городского головы Одессы. В первом случае он проиграл выборы Маразли, а во втором – снял свою кандидатуру (причем на тот момент, в 1889 г., ему исполнился 71 год, более чем преклонный возраст по меркам XIX в.). Несмотря на постоянное проживание в Петербурге, имена супругов Новосельских вплоть до их кончины в 1898 г. можно встретить на страницах одесских справочников. Так, в «Адрес-календаре Одесского градоначальства на 1895 год» Николай Александрович указан как почетный мировой судья[12], а его супруга – как одна из директрис Женского отделения Одесского комитета попечительного о тюрьмах общества и почетный член Одесского местного управления Российского общества Красного Креста[13].

2 июня 1859 г. Н.А. Новосельский получил чин действительного статского советника, а 28 марта 1871 г. – тайного советника[14]. Был награжден орденами: в 1856 г. – греческим Спасителя командорского креста, в 1859 г. – Св. Владимира 3-й ст., в 1869 г. – Св. Станислава 1-й ст.[15] В Петербурге проживал по ул. Николаевской, 74. Являлся членом Совета министерства финансов, что свидетельствовало о признании его заслуг. Был автором многочисленных печатных работ, в том числе: «Об установлении единства и стройности денежной системы», «Средства к подъему законодательных сил России», «Социальные вопросы в России», «Бедны ли мы?».

Н.А. Новосельский был дважды женат. В первый раз (вскоре после 1846 г.) – на дочери тайного советника сенатора Ивана Зиновьевича Ваценко – Екатерине Ивановне (скончалась не ранее 1858 г.), во второй раз – на дочери крупного государственного деятеля Павла Ивановича Дегая, сенатора, статс-секретаря и директора департамента министерства юстиции, Анне Павловне (1847 – 9 мая 1898 г., СПб.), брат которой, Павел Павлович Дегай, в 1860 г. был одесским прокурором. Восприемником одного из сыновей Н.А. Новосельского от второго брака – Александра, крещение которого состоялось 2 сентября 1869 г. в Архангело-Михайловской монастырской церкви г. Одессы, заочно выступил император Александр II[16]. Ненадолго пережив свою вторую супругу, Н.А. Новосельский скончался в возрасте 80 лет в ночь с 24 на 25 сентября 1898 г. в Ялте, куда прибыл на отдых к семье сына. Гроб с телом бывшего городского головы с большими почестями был доставлен 5 октября из Ялты в Практическую гавань Одессы пароходом РОПиТа и после панихиды в Кафедральном соборе – на станцию Одесса-Главная (Куликово поле), а оттуда – в Петербург. Н.А. Новосельский был похоронен в фамильном склепе рядом со своей второй супругой и ее родителями, а также рано умершим сыном Сергеем (1863-1880) на кладбище Новодевичьего монастыря.

После отставки Николая Александровича в июле 1878 г. городская Дума 2 августа того же года постановила («приговорила», как писали газеты) учредить при Новороссийском университете стипендию «имени бывшего одесского городского головы, тайного советника Н.А. Новосельского» за счет сумм, собранных по добровольной подписке. По другому приговору Думы предусматрива-

лось установить его портрет в зале городской Думы, для чего 19 апреля 1880 г. он был передан действующему городскому голове Г.Г. Маразли. Вскоре после кончины Новосельского, в ночь с 24 на 25 сентября 1898 г., на очередном* собрании одесской городской Думы 28 сентября того же года было принято следующее постановление (дело одесской городской управы за 1898 г. под заголовком «Н.А. Новосельский, об увековечении памяти его», хранившееся в Государственном архиве Одесской области, ныне утрачено[17]):

«Одесская городская Дума по случаю последовавшей 24-го сего сентября кончины бывшего одесского городского головы, тайного советника Николая Александровича Новосельского, высоко ценя великие заслуги покойного как просвещенного и энергичного общественного деятеля и его плодотворную работу на поприще службы городу, согласно предложению городского головы П.А. Зеленого, единогласно постановила:

1). Выразить семейству Н.А. Новосельского глубокое соболезнование городской Думы.

2). Принять на счет города расходы по пребыванию тела покойного в Одессе и перенесения в С.-Петербург.

3). Для увековечения памяти покойного переименовать Ямскую улицу, на которой находится принадлежавший ему дом, в улицу Новосельского и прибить на доме мраморную доску с надписью о том, что в нем жил бывший городской голова Н.А. Новосельский.

4). Предположенное Городскою управою к постройке центральное здание для четырех народных трехклассных училищ, необходимость которого выяснена в докладе Ревизионной комиссии, в случае его устройства наименовать центральным зданием народных училищ в память Н.А. Новосельского, устроить пред училищем сквер и поставить на нем бюст Н.А. Новосельского»[18].

Впервые с названием «Новосельского», но с оговоркой «бывшая Ямская», улица фигурирует в справочнике «Список недвижимых имуществ города Одессы по улицам, кварталам и номерам в черте бывшей Старопортофранковской улицы», изданном в 1899 г.[19] При этом в справочниках «Вся Одесса» (изданий В.К. Фельдберга и Л.А. Лисянского), с 1899 по 1906 гг. улица именовалась еще по-старому, как в списках домовладельцев, так и в рекламных

* Собрания Думы делились на очередные и внеочередные.

объявлениях*, хотя сведения о ее переименовании и были приведены в соответствующем разделе, в одноименном же справочнике Висковского на 1906 г. было оговорено: «Вследствие недавнего переименования Ямской улицы в улицу Новосельского… на первых страницах встречаются старые названия»[20], а в справочниках Лисянского вплоть до 1910 г. указывалось: «улица Новосельского (б.[ывшая] Ямская)». Любопытно отметить, что, например, в «Адрес-календаре Одесского градоначальства на 1915 г.» адреса указывались как «ул. Новосельская».

Как мы уже знаем, вскоре после кончины Новосельского, 28 сентября 1898 г., Дума постановила переименовать в его честь улицу Ямскую, на которой у Николая Александровича некогда был собственный дом. Где же находился этот дом, названный в газетной статье за 1 октября 1898 г. «вторым историческим домом» Одессы? Его упоминания можно встретить в одесских газетах конца сентября – начала октября 1898 г.

Так, в большой статье «Памяти Н.А. Новосельского», опубликованной вскоре после его кончины в газете «Одесский листок»** за 27 сентября (9 октября) сообщалось: «У него (Новосельского. – **Авт.**) также был собственный дом, по Ямской ул., рядом с зданием ремесленной управы, бывш. Прушинского. Тут же была домовая церковь. Н. А. жил на широкую ногу, дом его был открытый. Любопытно отметить, что разные думские комиссии занимались большей частью на дому у гор. головы, так что Н-ский имел возможность лично следить за ходом каждого более или менее серьезного гор. дела»[21].

В отчете о заседании Думы 28 сентября «В Думе. Памяти Н.А. Новосельского» в газете «Одесский листок» от 29 сентября (11 октября) 1898 г. приводились слова городского головы П.А. Зеленого, который отметил, «Что нельзя ступить и шага по нашему городу, чтобы не вспомнить о деятельности Н.А. Новосельского». Далее сообщалось, что «В Одессе останки покойного будут занесены в Кафедральный собор, где перед гробом будет

** Например: «Бакалейная, чайная и табачная торговля на Ямской улице (угол Гулевой), д. Шпарца…» (Вся Одесса на 1901 г., с. 125).

*** Необходимо отметить, что долгие годы эта газета, со временем ставшая одной из самых влиятельных в городе, относилась крайне критически к Маразли, избранному в 1878 г. городским головой, и его делам на этом посту, и неизменно доброжелательно – к Новосельскому.

отслужена панихида по покойном. Ямскую улицу, где покойный имел дом во время пребывания своего в Одессе, назвать именем Н.А. Новосельского, а на доме, где он жил, прибить мраморную доску с надписью: «Здесь жил Н.А. Новосельский»[22].

В репортаже «К прибытию тела Н.А. Новосельского» газета «Одесский листок» от 5 (17) октября 1898 г. сообщалось: «Тело усопшего Н.А. Новосельского в 11 часов утра с парохода будет перевезено в город. Процессия направится по Военному спуску, Гаваной и Дерибасовской улицам в Кафедральный собор, а затем после панихиды, как мы уже сообщали, проследует по Гулевой и Ямской улицам, причем здесь, у дома, где жил Н.А. Новосельский, будет отслужена краткая лития. После этого по Троицкой и Пушкинской улицам тело будет перевезено на вокзал»[23].

В репортаже «Последнее «Прости» Одессы Н.А. Новосельскому» из газеты «Одесский листок» от 6 (18) октября 1898 г. сообщалось: «...началась панихида (в Кафедральном соборе. – **Авт.**). При пении «Вечная память» гроб был вынесен на руках и процессия в том же порядке направилась по Гулевой на Ямскую улицу. У дома, где жил

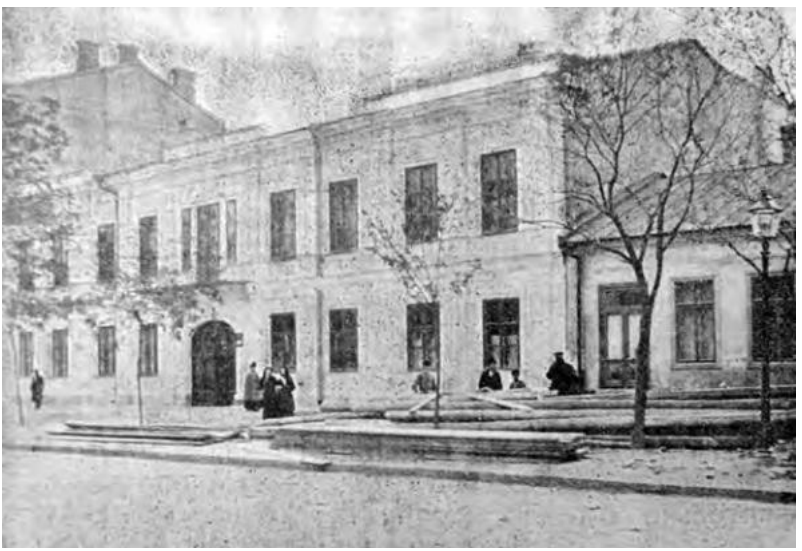

Иллюстрация из газеты «Одесские новости» от 4 октября 1898 г.

покойный (ныне Доре), отслужена была краткая лития, и затем процессия направилась по Троицкой на Пушкинскую улицу, к вокзалу»[24].

В газете «Одесские новости» за 1 октября 1898 г. журналистом, подписавшимся инициалами «И. Г-к», был помещен большой репортаж о доме Николая Александровича, полностью приведенный ниже, а в иллюстрированном приложении к этой же газете от 4 октября[25] была помещена фотография дома с подписью «Дом Н.А. Новосельского на Ямской (По поводу постановления Думы об увековечивании памяти покойного Н. А.)».

Итак, «Одесские новости» за 1 октября 1898 г. писали: «*Дом Н.А. Новосельского*. Как известно, городская Дума в ознаменование памяти скончавшегося бывшего одесского городского головы Н.А. Новосельского постановила повесить мраморную доску с надписью: «Здесь жил Н.А. Новосельский» на дом, в котором жил покойный. Вчера мы имели возможность подробно осмотреть этот дом и квартиру, которую занимал покойный. Дом этот 2-этажный, помещается на Ямской улице, между Гулевой и Спиридоновской под № 80-м. Краткая история этого дома такова. Первым владельцем его был одесский полицеймейстер Клейгельс (родственник нынешнего петербургского градоначальника). Когда Клейгельс вышел в отставку, дом его был куплен Н.А. Новосельским, тогда уже одесским городским головой, который роскошно отделал сперва свою квартиру, а затем уже и весь дом. В этом доме Н.А. Новосельский жил во все время своего служения в должности головы. Оставив службу в Одессе, Н.А. Новосельский продал свой дом Рафаловичу, который, в свою очередь, продал его быв. директору земского банка Мазаракию. Затем дом перешел в собственность прис. повер. Прушинского и всего несколько месяцев тому назад продан за 80 тыс. руб. г-же Т.В. Доре. Громадная квартира, которую занимал Н.А. Новосельский, имела 16 комнат и теперь разделена на две квартиры, которые занимают г-жа Доре и прис. повер. Прушинский. Некоторые комнаты имеют по 14 арш. длины и 6-8 аршин ширины, очень высоки и роскошно отделаны. Особенно хорошо были обставлены приемная и рабочий кабинет Николая Александровича. Все окна квартиры выходили на улицу, что давало прекрасное ос-

вещение. Кроме этой квартиры Н.А. Новосельский занимал еще квартиры в новом флигеле во дворе. В правом флигеле была сооружена церковь, ныне перестроенная в жилое помещение. Дом совершенно не изменился со времени пребывания в нем Н.А. Новосельского. Во дворе лишь построен новый флигель. В квартире, которую занимал Новосельский, нас вчера любезно встретила домовладелица Т.В. Доре. «Я охотно соглашаюсь на то, чтобы на воротах моего дома была повешена доска с надписью о том, что здесь жил покойный Новосельский, – заявила нам г-жа Доре. – Я очень рада, что мой дом приобретает историческое значение». Хозяйка любезно повела нас по всем комнатам. Дом этот, продолжала она, построен с редкой прочностью, словно крепость. Теперь такие сооружения очень редки. Посмотрите толщину стены, и вы убедитесь, как прочно выстроен дом. Покойный Николай Александрович все любил так делать: прочно, крепко и основательно. В настоящее время домовладельцы стараются строить как бы подешевле да повыгоднее. Не так смотрел на это Николай Александрович. Дом, как видите, большой, а квартир всего в нем – 10, но за то все отличаются большими удобствами. Над воротами дома кстати имеется очень удобное место, куда можно повесить мраморную доску. Это будет в Одессе второй исторический дом: первый дом Сикара, на Пушкинской ул.*, на котором красуется дощечка с надписью «Здесь жил Пушкин»[26].

Окончание следует

Примечания

[1] Н.А. Новосельский [Некролог] // Одесский листок. – 1898, 26 сентября (8 октября), № 223.

[2] Список гражданским чинам первых четырех классов по старшинству на 1860 г. – СПб., б. г., с. 176.

[3] Де-Рибас А. Старая Одесса. Исторические очерки и воспоминания. М, 2005, с. 204.

* О К.Я. Сикаре, владельце указанного дома, см. статью: Решетов С. Французский негоциант Карл Яковлевич Сикар и его внебрачное потомство // Дерибасовская – Ришельевская: одесский альманах. – Одесса, 2004. Кн. 19, с. 28-35.

[4] Памяти Н.А. Новосельского // Одесский листок. – 1898, 27 сентября (9 октября), № 224.

[5] Известия Одесской городской думы. – 1895, № 1. Сентябрь. Часть I. – Одесса, 1895, с. 6.

[6] Памяти Н.А. Новосельского. У Гр. Гр. Маразли // Одесский листок. – 1898, 28 сентября (10 октября), № 225.

[7] Еще о Н.А. Новосельском. У А.И. Вейнберга // Одесский листок. – 1898, 29 сентября (11 октября), № 226.

[8] Столетие Одессы. С портретами административных и общественных деятелей и с видами Одессы / Изд. Н. Федорова. Одесса, 1894, с. 55-56.

[9] Одесский вестник. – 1878, 18 июля, № 160.

[10] Одесский вестник. – 1878, 21 июля, № 163.

[11] Новосельский Н.А. Социальные вопросы в России. – СПб., 1881, с. 3.

[12] Адрес-календарь Одесского градоначальства (далее – АКОГ) на 1895 г. Одеса, 1895, с. 135.

[13] Там же, с. 50, 261.

[14] Список гражданским чинам третьего класса по старшинству. Исправлен по 10 сентября 1873 г. СПб., 1873, с. 433-434. Сообщено М.Ю. Катин-Ярцевым.

[15] Список гражданским чинам четвертого класса. Исправлен по 15-е сентября 1870 года. – СПб., б. г., с. 87.

[16] Запись о крещении А.Н. Новосельского в метрической книге Архангело-Михайловской монастырской церкви г. Одессы на 1869 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 3а, д. 76, л. 59об. – 60.

[17] Н.А. Новосельский, об увековечении памяти его // ГАОО, ф. 16 (Одесская городская управа), оп. 74 (1898 г.), д. 148 (утрачено).

[18] Известия Одесской городской думы. – Одесса, 1898, № 19, октябрь, с. 861. Сообщено Т.Н. Ивановой.

[19] Список недвижимых имуществ города Одессы по улицам, кварталам и номерам в черте бывшей Старопортофранковской улицы. Одесса, 1899, с. 10.

[20] Вся Одесса на 1906 г. К. Висковского. Примечания, с. 95.

[21] Одесский листок. – 1898, 27 сентября (9 октября), № 224.

[22] Одесский листок. – 1898, 29 сентября (11 октября), № 226.

[23] Одесский листок. – 1898, 5 (17) октября, № 231.

[24] Одесский листок. – 1898, 6 (18) октября, № 232.

[25] Одесский новости. – 1898, 4 октября, № 4417. – Илл. прил., с. 8: илл.

[26] Одесские новости. – 1898, 1 октября, № 4415, с. 3. Сообщено Т.Н. Ивановой.

Алена Яворская

«Зеленая лампа» в консерватории

«Зеленая лампа»… В советские годы любой школьник знал, что это название петербургского литературного общества двадцатых годов девятнадцатого века, членом которого был великий поэт Александр Сергеевич Пушкин.

Начиная с 1984 года любому школьнику, попавшему в Одесский литературный музей, объясняли, что так назывался литературный кружок времен гражданской войны века двадцатого, и входили в него известные писатели и поэты Валентин Катаев, Юрий Олеша, Эдуард Багрицкий.

Трудно сказать, разгаданы ли все тайны петербургской «Зеленой лампы», но история одесской, вроде бы исследованная и московскими, и одесскими филологами и краеведами, остается загадочной.

Неяркий свет из-под зеленого абажура освещает не все детали, многое теряется в темных углах.

Почему «Зеленая лампа»? Два ответа. Возвышенный – «Конечно, в честь пушкинской», и приземленный: «Перед первым собранием в консерватории поставили на стол лампу с распространенным тогда абажуром зеленого стекла. Потом мы ее разбили и даже платили кому-то. Отсюда и пошла «Зеленая лампа». А про Пушкина уже потом придумали литературоведы»[1]. Учитывая, что вторая версия принадлежит Валентину Катаеву, которого практически все мемуаристы называют организатором кружка, в нее как-то больше верится.

Когда возникла? Программка с сообщением о первом интимном вечере датирована 1 (14) февраля 1918. В первый день февраля (по старому стилю) 1918 года одесская пресса писала: «Первый ин-

тимный вечер музыки, поэзии, пластики с участием одесских поэтов. Между вторым и третьим отделениям будет конкурс стихов для публики»[2]. Выступали: Б. Бобович, А. Гамма, И. Мунц, З. Шишова, В. Катаев, Ю. Олеша. Конферансье – Петр Ершов. «Сосредоточенный пасьянс молодых надежд и упований – в зеленом кругу интимной лампы. Кто из них избран, кто обречен? Как сложатся карты их поэтической судьбы? Трудно предсказать»[3]. «Из семи поэтов, читавших свои произведения, ни об одном по совести нельзя сказать, что на произведениях его не лежит печать одаренности. <…> Но более сильное впечатление на нас произвели г. Юрий Олеша, г. Иван Мунц и г-жа Зинаида Шишова. <…> А талант г-жи Зинаиды Шишовой грациозен, мил и женственен и отражает даже самые последние события вплоть до обысков и налетов»[4], – вторит другой рецензент.

Почему «Зеленая лампа» существовала параллельно еще с двумя объединениями – «Бронзовым гонгом» и «Студенческим литературно-художественным кружком» – и на 98% состояла из членов последнего? Очень просто. Студенческий кружок возник раньше, а потом вернувшийся с фронта В. Катаев решил немного заработать на поэзии. Георгий Долинов, вспоминая о постановке пьесы Ю. Олеши «Маленькое сердце», писал: «Пьеса была поставлена и разыграна силами того же студенческого литературного кружка и частично членами организованного тогда же Валентином Катаевым на коммерческих началах кружка «Зеленая лампа»[5]. В другом тексте он уточняет: «После студенческого кружка была организована по инициативе Валентина Катаева «Зеленая лампа», проводившая свои публичные вечера в консерватории. <…> Беспристрастно говоря, Катаев в свою «Зеленую лампу» отобрал действительно лучшие силы, и поэтому «Бронзовый гонг» вскоре скончался с печальной славой побежденного конкурента»[6].

Судя по всему, вначале все же поэты «Зеленой лампы» встречались узким кругом, и только потом вышли на сцену. Борис Бобович: «Два слова о Зеленой лампе, душой которой были Багрицкий, Олеша, Катаев, Шишова, Адалис. Собирались мы обычно в квартире «бразильского консула» Мунца, сын которого также был членом Зеленой лампы и писал застенчивые новеллы».[7]

Почему выступали в консерватории, почему именно по улице Новосельского вечерами, в не такое уж и спокойное время спе-

шили на «интимные вечера» молодые поэты и их восторженные слушатели? Скорее всего, благодаря братьям Долиновым, серьезно занимавшимся музыкой. Так, Георгий был известен не только как композитор и пианист, но и автор ряда публикаций по теории музыки, а Вадим сочинял музыку для чтения стихов (столь модное в те годы искусство мелодекламации). К тому же, концерты «Зеленой лампы» не ограничивались выступлениями поэтов. Г. Долинов: «Интимные вечера «Зеленой лампы» устраивались по самой разной программе, т. е. литературно-музыкально-вокально-танцевальной. Причем литературной части уделялось большое самостоятельное отделение, в котором авторы читали свои произведения, интимно сидя у стола и по углам стены. Справа стояла кафедра для лектора, конферансье, которым был Петр Ершов, дававший краткие характеристики творчества каждого из выступающих. Вечера «Зеленой лампы» пользовались успехом у публики и у критики, и посещаемость их была весьма внушительной. Разнообразные программы отчасти лишали эти вечера стильности и сугубо литературной окраски, все же придавали им привлекательный развлеченческий оттенок. И нельзя было установить, что больше прельщало публику – общение ли с литераторами, пестрота ли остальной программы, или то и другое».[8] Сам конферансье Ершов описывал заседания так: «В зале Консерватории на протяжении всего смутного одесского 1918-го года (фантастическая смена «властей», неразбериха) «Зеленая лампа» стала устраивать открытые платные вечера под несуразным названием – «поэзо-концерты». Удивительно, но – в небезопасные на улицах вечерние часы – концерты собирали изрядное количество публики, и не только молодой. На сцене устраивалась уютная комната. В центре на столе – горящая лампа под зеленым абажуром».[9]

Кто же был членом этого кружка? Попробуем довериться мемуаристам. Состав «Зеленой лампы» в их воспоминаниях слегка отличается от заявленного в программках.

Петр Ершов: «За столом в непринужденных позах – поэты: Георгий Долинов, он же прекрасный пианист, Зинаида Шишова, Аделина Адалис (внешне – экзотика, египетский профиль, длинные острые ногти цвета черной крови), Бор. Бобович, Юрий Оле-

ша, Л. Файнберг, Эмилия Немировская, Валентин Катаев, изредка Эдуард Багрицкий и, само собой разумеется, «др.».[10]

По воспоминаниям Г. Долинова, «В «Зеленую лампу» Катаева входили: Астахов, Бобович, Багрицкий, Дитрихштейн, Гамма, Долинов, Мунц, Катаев, Кесельман, Олеша, Шишова, т. е. группа поэтов из студенческого кружка и группа работавших в Одессе еще раньше».[11]

Самый большой перечень у Сергея Бондарина, который членом «Зеленой лампы» не был и, в лучшем случае, посещал вечера. С большинством членов «Зеленой лампы» он стал общаться через два года, в 1920-м, но его роль негласного архивариуса юго-западной школы заставляет внимательно рассмотреть список, составленный в 1964 году, тем более что он существует в двух вариантах. Согласно второму, дополненному, в «Зеленую лампу» входили: «Валентин Катаев, Юрий Олеша, Адалис, Атис (Серг. Гольденфельд), Биск, Владимиров Эмиль, Гитерман Михаил, Долинов Георгий, Долинов Вадим, Бобович Борис, Бобович Исидор, Соколовский, Эд. Багрицкий, Анатолий Фиолетов, Бабаджан, Лопатто, Ставропуло, Шишова, Соколова Соня, временно: Ал. Толстой, Н. Крандиевская, Леонид Гроссман, Ив. Бунин, Макс. Волошин».[12] В списке этом достаточно неточностей. Так, Михаил Гитерман был членом «Бронзового гонга» и ни в программках, ни в статьях в связи с «Зеленой лампой» не упоминался. Не замечены на вечерах Анатолий Фиолетов, Михаил Лопатто и Перикл Ставропуло (Ставров). Александр Соколовский на вечерах, несмотря на дружбу с Багрицким, тоже не выступал. Эмиль Владимиров упоминается лишь однажды, в связи с организацией гастролей в Балте. В перечне «старших», выступавших вместе с «Зеленой лампой» – А. Толстого, Н. Крандиевской, М. Волошина, – забыт Михаил Цетлин (Амари). Возможно, потому что был достаточно известной фигурой в эмиграции. С Иваном Буниным и Леонидом Гроссманом молодые поэты, скорее всего, встречались в Литературно-артистическом клубе, где и сами выступали. «Мы особенно чутко относились к молодым… Из нашего кружка (имеется в виду «Среды» Литературно-артистического клуба. – **А. Я.**) вышли на широкую литературную улицу Эдуард Багрицкий, Юрий Олеша, Валентин Катаев, Адалис, Анатолий Фиолетов, который умер совсем молодым. Мы работали с ними, выслушивали их первые вещи…»[13] – писал Александр Биск.

Согласно сохранившимся программкам и рецензиям, на вечерах «Зеленой лампы» выступали Л. Астахов, В. Бабаджан, Э. Багрицкий, Б. и И. Бобовичи, А. Гамма, В. фон-Дидрихштейн, В. и Г. Долиновы, В. Катаев, С. Кесельман, Л. Нежданов, Э. Немировская, Ив. Мунц, С. Соколова, М. Шапиро, З. Шишова.

Семнадцатого марта прошел второй вечер. Вот что предлагалось зрителям:

«Второй Интимный вечер «Зеленой лампы». В воскресенье, 17 марта 1918 г., при участии арт. Гор. театра г. Горчакова.

1. Игорь Северянин, лекция Георгия Долинова, при участии артистки Р. Заречной. Аранжировки. Долинова: Шопен – Северянин, Чайковский – Северянин.

2. Ритмическая мелодекламация. Слова Северянина, муз. Эм. Соминского, исп. Вадим Долинов, у рояля автор. Романсы Рахманинова исполняет Л. Скрынникова. Пластические импровизации. «Осенняя песнь» Чайковского исп. Т. Летягина. Мелодекламация – исп. В. Долинов. «Белое боа», расск. Тэффи – исп. М. Шапиро. Романсы Глиера – исп. Кс. Ширяева. Рояль и скрипка – г-жа Ройзман и г. Ройзман. Собственные фортепианные произведения исп. композиторы И.Л. Розенцвейг и Г. Долинов. Романсы – исп. арт. Городск. театра г. Горчаков. Комическая полька – исп. М. Баржан и С. Соколова. Conferencier Бор. Бобович.

3. «При свете Зеленой лампы» новые стихи прочтут поэты Леонид Астахов, Эдуард Багрицкий, Бор. Бобович, Вл. фон-Дитрихштейн, Семен Кесельман.

Conferencier Валентин Катаев. (Любопытно, что все эти фамилии набраны крупным шрифтом, а следующие, исключая конферансье, мелким. – **А. Я.**)

Анат. Гамма, Георгий Долинов, Ив. Мунц, Юрий Олеша, Зинаида Шишова

Conferencier Петр Ершов.

4. «Ералаш Зеленой лампы» «Полторы минуты ужаса», драматический этюд в 1 д. в стихах, сюжет заимствован Вал. К. Заняты М. Шапиро, Г. Долинов, Б. Бобович.

Инсцениров. расск. Тэффи «По дружбе» заняты: София Соколова, Петр Ершов. «Пьеро, Пьеретта и Арлекин», оживленная гравюра Бор. Бобовича, заняты: София Соколова, М. Шапиро, Вадим Долинов и автор.

Песенка Зеленой лампы

Conferencier Вал. Катаев

5. «Бал Зеленой лампы» – танцы под рояль до утра, дирижер танцев Ив. Мунц

Начало в 5 часов

Анонс: Готовится Третий интимный вечер с лекцией о Чайковском и Четвертый интимный вечер постановка пьесы Юр. Олеши «Маленькое сердце» в сукнах».

Билеты желающие могли приобрести как в магазине «Одесских новостей» на Дерибасовской, так и в консерватории у швейцара. «Одесские новости» отмечают особо из выступавших в зале консерватории Шишову: «Хрупкие строфы Зинаиды Шишовой нежны и женственны. Приятны ее реминисценции из дней золотого, вероятно, недавнего детства – «Карта Атлантики».[14]

Апрель 1918-го для «Зеленой лампы» ознаменовался двумя событиями: была поставлена пьеса Юрия Олеши «Маленькое сердце» и вышла газета «Яблочко» – результат тесного общения молодых поэтов и художников. Как говорилось в заглавии, это был «Юмористический бюллетень, издаваемый корпорацией студентов, руководимых лозунгом: «Живи пока живется! Смотри на все юмористично и презирай бездарь! В журнале принимают участие поэты и беллетристы: С. Фазини, С. Олесевич, Продаевич и др. Художники Эд. Багрицкий, Бор. Бобович, Юрий Олеша, Анат. Фиолетов, Леонид Тредьяков, Зинаида Шишова и др. Листок выходит еженедельно».[15]

Публика недоумевала, кто же пишет статьи и стихи: «поэт» Фазини или «художник» Фиолетов? Недоумение усиливалось, когда в первом же номере читатель с изумлением читал стихи художника Фазини. Возможно, обещанный (да и опубликованный в следующем номере) роман «Всегда снаружи» «известного беллетриста Сигизмунда Олесевича», приятеля Фазини, действительно будет сопровождаться «иллюстрациями маститых художников Анатолия Фиолетова и Ставропуло»?

О том, что «Яблочко» – дитя «Зеленой лампы», свидетельствует реклама на первой странице первого номера: «Вы еще не посетили «Зеленой лампы»? Ах, ведь это непростительно! Отчего продовольственный кризис? Отчего жутко на душе? Отчего вам

жена изменила? Все оттого, что вы так долго собираетесь на вечер «Зеленой лампы». Там Вал. Катаев, там пылкий Юрий Олеша, там влюбленный в Блока Бор. Бобович, там кокетливая Зинаида Шишова, там огненный и свирепый Э. Багрицкий. Идите и да будет мир над вами…».[16]

Третий интимный вечер состоялся 14 (1) апреля. На этот раз в программке, значительно более скромной по оформлению, указано «Зал консерватории, Новосельского, 63. С участием артистки Драматического театра Н.М. Ермаковой и артиста Городского театра г-на Горчакова». В программе «1. Доклад Г. Долинова «Мирра Лохвицкая». 2. «Поэт снежного очарования» – слово об Александре Блоке скажет Бор. Бобович, стихи Блока прочтет артистка г-жа Ермакова. 3. Музыка-пластика-мелодекламация, участвуют г-жа Ермакова… София Соколова… г-да Горчаков… Гордеев (цикл собственных стихов), Вадим Долинов, Георгий Долинов (композитор), Федор Рабинович, И.Л. Розенцвейг».

В четвертом отделении «При свете «Зеленой лампы» «читает стихи почти та же компания, кроме Астахова и Кесельмана», который на вечерах больше не выступал. Но зато появляется Александр Биск. Начинается вечер позже, в 7 часов. И опять анонсируется пьеса Олеши.

«Зеленая лампа» Одессой ограничиваться не собирается. И пусть «Студенческий кружок» издал свой альманах, «Первый альманах студенческого литературно-художественного кружка», зато у них будут гастроли! «На второй день Пасхи в Балте по инициативе Л. Нежданова состоялся первый поэзо-концерт с участием артиста Од[есского] Гор[одского] театра г-на И.Л. Вергини, свободного художника М.Л. Казневского и одесских поэтов клубов «Бронзовый гонг» и «Зеленая лампа». Поэзо-концерт вызвал в спящем городке большой интерес».[17]

«Большой успех, большой интерес и шумные аплодисменты» вскружили головы. 20 мая в журнале «Южный огонек» появляется объявление: «Антрепризой г-на Владимирского и Л. Нежданова организовано поэзо-концертное турне по Югу России. В состав ансамбля вошли артисты Городского театра г-н Горчаков и Де-Нери, m-lle Д. Лившиц и поэты одесского литературного кружка «Зеленая лампа» Г. Долинов и Юрий Олеша (сотрудники нашего

журнала), затем m-lle Эмилия Немировская и Леонид Нежданов. Конферансье – сотрудник нашего журнала Петр Ершов. <…> Маршрут турне: Елисаветград, Екатеринослав, Кременчуг, Киев, Харьков и др.».[18]

В сохранившейся у Г. Долинова программке за 24 мая указано: «второй и последний поэзо-концерт». Приводятся данные об артистах. Фернандо Де-Нери, оказывается, был тенором театра «Ла Скала», Николай Горчаков – баритон, Д. Лившиц – лауреатка Одесской консерватории. Кроме музыки: доклад Ершова «Рыцарь английского слова» о Джером Джероме и «Зеленая лампа» в указанном выше составе. Обещан турнир поэтов (дуэль на эпиграммах), пародии, экспромты, почтовый ящик поэтов (ответы в стихах-экспромтах на письма публики). Именно второй концерт критика признала «особенно удачным». Но все же громко заявленный маршрут не был осуществлен. Оба концерта состоялись в Елисаветграде, в зимнем театре Элкинда.

После возвращения отмечали, что «Поэзо-концерты прошли с большим художественным и материальным успехом. Особенно горячий прием оказали одесситам в Елисаветграде. В ближайшем будущем состоится новое турне в Киев, Харьков и др. гор. Вместо заболевшего Петра Ершова едет поэт Вал. Катаев»[19].

Вдохновленные успехом поэзо-турне, «зеленоламповцы» даже собирались открыть театр. Театральный журнал «Фигаро» (благоволивший «Зеленой лампе», часть поэтов даже входили в состав редакции) сообщает в июне: «Литературным клубом «Зеленая лампа» в августе открывается оригинальный театр, посвященный творчеству Пушкина, Метерлинка, По, Блока и др. символистов. В театре «Зеленой лампы» будут также ставиться пьесы молодых авторов. Приглашен видный режиссер и артисты. Финансирует «Зеленую лампу» меценат К.»[20].

Четвертого июля (соотношение старого и нового стиля не указано в программке) состоялся уже не интимный вечер, а «поэзо-концерт» с участием де-Нери. «Зеленая лампа» представлена более полным составом – Багрицкий, Гамма, Долинов, Катаев, Нежданов, Олеша, Шишова. Запланирован и турнир поэтов (пародии, экспромты, эпиграммы). Конферансье – Катаев. Этот вечер окончился скандалом.

«4-го июля в клубе «Культура» должен был состояться поэзоконцерт при участии главным образом поэтов «Зеленой лампы» по инициативе клубной администрации.

Однако, по словам «Одесской мысли», неожиданно вечер закончился таким странным скандалом, что, без вины поэтов, главными участниками концерта явились многочисленные лица из публики, а концертанты обратились в безмолвных и удивленных зрителей и слушателей.

Публика «интеллигенция» клуба «Культура» вдруг резко проявила склонность к занятию более реальному, чем слушание эфемерных стихов, – затосковали о «лото». Заявления о желании немедленно играть слились в шум в лотошном зале, соседнем с зрительным, и под этот шум поэты выступали крайне взволнованными. Меркантильные стремления публики заставили ее забыть об элементарном приличии. Целая толпа зрителей поднялась вдруг, и осыпая бедных поэтов незаслуженными упреками в неуважении к интересам публики(?), устремилась в лотошный зал. Один миг – и «интеллигенция» за столами. Мелькают карточки лото, сверкают глаза, – занятие, видимо, «деловое», приятное и полезное. Поэтому осталось только уйти. Вряд ли после произошедшего кому-либо можно рекомендовать выступать в качестве жрецов искусства в приюте азарта».[21]

«В летние месяцы встречи поэтов проходили зачастую в квартире певицы Софьи Соколовой, выступавшей в «Зеленой лампе» с исполнением жанровых французских песенок. В этом гостеприимном доме, расположенном в живописнейшем Обсерваторном переулке, недалеко от моря, собирались по вечерам поэты, усаживались на полу стеклянной террасы, в углу которой в зелени оранжерейных растений стоял мрачный и загадочный водолазный костюм-скафандр, и начинали читать. Здесь Багрицкий упоительно читал стихи любимых поэтов, а чаще всего свои «О Персии» или своего излюбленного Диделя…»[22] – вспоминал Г. Долинов.

Как ни странно, при дружбе с возглавлявшим издательство «Омфалос» Вениамином Бабаджаном, книги свои поэты не издавали. За одним исключением – вскоре после убийства Анатолия Фиолетова вышла книга стихов З. Шишовой «Пенаты». Сама

она писала позднее: «В «Омфалосе» в 1919 году вышла книжечка моих стихов «Пенаты». Стихи плохие, и я бы не поддалась уговорам Олеши и Бабаджана, и сама бы их в печать не отдала. Но после смерти моего мужа Фиолетова я очень болела, и все это было проделано без моего согласия»[23].

Кроме серьезных рецензий сохранилась и язвительная, в сатирической газете «Перо в спину»: «Общество «Зеленой бутылки», известное под именем «Зеленой лампы», считаясь с продовольственным кризисом, решило заменить спирт керосином. Одним из последствий вышеозначенной меры явился выход книги поэтессы Шишовой. Книга эта, по отзывам компетентных лиц, является великолепным горючим материалом. В связи с этим дрова сильно упали в цене. Впрочем, не думаем, чтобы издатели нагрели на этом деле хотя бы руки»[24].

Двадцать третьего марта 1919 года «Зеленая лампа» устраивает в Камерном театре «камерное чтение поэтов». Среди выступающих: Багрицкий, Бабаджан, фон-Дитрихштейн, Катаев, Шишова, Олеша и приезжие знаменитости – Амари, М. Волошин, А. Толстой, Н. Крандиевская. Критика была строга. «Вчера кружок местных поэтов «Зеленая лампа» устроил камерное чтение поэтических опытов. Из наших одесских поэтов мало кому следовало бы выступать со своими стихами перед широкой публикой»[25], – писал журналист газеты «Вечерний час». Впрочем, он же отметил: «Хорошо владеют стихом Юр. Олеша, В. Бабаджан и В. Дитрихштейн».

Отношение к «Зеленой лампе» было неоднозначным. То же «Перо в спину» с завидной регулярностью помещало тексты примерно такого содержания: «Календарь писателя. А.М. Федоров будет принят в число молодых поэтов «Зеленой лампы» – при условии усиленной работы над собой и упорного чтения стихов Бабаджана и Катаева. Академик Бунин завидует! <…> Известный поэт В-р Дитрихштейн закончил новую 11-ю кавалерийскую книгу стихов под названием «Стихи с войны» или «Почему нас побили немцы». В стихах маститого гвардии поручика явно чувствуется экзотика и стихийность. Максимилиан Волошин, на днях избранный в «Зеленую лампу», опасно заболел меланхолией. Эх, Макс, Макс. Нам передают, что местный поэт – при-

сяжный поверенный Ставропуло, уступая настойчивым предложениям греческого командования, решил компенсировать себя чтением «защитных» стихотворений в зале одесского окружного суда. Ряд подсудимых был вынесен из зала в истерике, чего нельзя сказать об оправдательных приговорах»[26]. В своих воспоминаниях Эммануил Соминский писал, что Б. Флит (редактор «Пера в спину») «неохотно пускал в печать молодых, тогда еще неизвестных авторов», и чуть ли не объявляет это косвенной причиной возникновения «Зеленой лампы». «Им пришлось самим заявлять о своем существовании. Объединившись в кружок «Зеленая лампа», молодые поэты выступали в кафе Либмана, в университетской аудитории юридического факультета».[27] В 1960-е годы Соминский уже не делал различия между Студенческим кружком и «Зеленой лампой». Но сроки их существования разнятся. Примерно в марте 1919 «Перо в спину» помещает нечто вроде некролога: «Хроническое. Зелень. «Зеленая лампа» тихо скончалась»[28]. Как ни забавно, но после этого никаких печатных следов деятельности кружка не обнаружено. В апреле 1919 пришли большевики, и о литературных вечерах пришлось на время забыть. А осенью, когда возродился Студенческий литературно-художественный кружок, организатор «Зеленой лампы» Катаев уже воевал на бронепоезде «Новороссия» (в белой армии). Второй раз «Зеленая лампа» не зажглась. Впрочем, в повести Георгия Шенгели «Черный фургон» есть эпизод, описывающий первую встречу его с одесскими поэтами в октябре 1919 года: «Красовский (Соколовский. – **А. Я.**) приглашает меня в будущую среду на собрание «Зеленой лампы», где Юрий Ардаши [Олеша] будет читать «знаменитую поэму» «Онегин в 1918 году»[29]. Что это? Ошибка, желание заменить длинное название «Студенческий литературно-художественный кружок» более звучным, привычная оговорка завсегдатаев? – остается неизвестным.

В программках «Зеленой лампы», в отличие от «Студенческого литературно-художественного кружка», не указывались названия произведений. Мы не можем точно знать, что именно читали поэты на интимных вечерах. Но ведь они еще и печатались. И на страницах одесских журналов можно найти имена многих членов «Зеленой лампы».

Валентин Катаев

* * *

Средина августа. Темно и знойно в доме.
На винограднике сторожевой курень.
Там хорошо. На высохшей соломе
Я в нем готов валяться целый день.

Лежу и слушаю. Шум моря ясно слышен.
Как из норы мечтательно гляжу
На хуторок в тени сквозистых вишен,
На жнивье, на далекую межу.

Я опьянен душистым виноградом,
Я морем ласковым, я солнцем опьянен.
И спит душа, и сердце жизни радо,
И клонит зной в тяжелый, сладкий сон.

Склоняю голову. Вокруг лепечут листья,
Сердито щелкает вдали пастуший кнут,
И золотисто-розовые кисти
Дрожат от тяжести и жадно солнце пьют.

«Жизнь» № 19, октябрь

Юрий Олеша

Вступление к поэме «Пушкин»

Сказать не можем: был или не был,
Был мудр, смеялся иль грустил –
Но только видим: выше небо
Да зеленее мох могил,
И знаки темные понятней
На предначертанных годах,

И весны в розовых садах
Благоухают благодатней.

Светло быть мудрым и простым
И хорошо не верить книгам –
Его не знали. Вечность мигом
Хотели мерить. Сны – земным.
И не заметили: передний
Услышал крылья в облаках.

Был день чудесный, день последний,
неповторяемый в веках.

Одесса, июнь 1918
«Фигаро» № 7, 20 (7) июля 1918

Эдуард Багрицкий

* * *

Ал. Соколовскому

Февральский волчий день торжественен и тих,
И сосны смольные застыли строгим строем;
Блаженные скиты в лесах заповедных
Твоим, о Господи, спасаются покоем!
И к Богородице суровой и простой,
Чтоб сладкий дар возжечь страстей и упований,
В путь, озаряемый раскольничьей свечой,
Ползут крестьянские раскрашенные сани.
О люди грешные! На сладостном огне
Крохою ладана ваш скорбный дух сгорает,
Над вами Иисус божественно сияет
Лучистым голубем в лазурной вышине.

«Южный огонек» № 12, 1918.

Аделина Адалис

Из цикла «Афродита–Аддалис»

Короткое письмо зарёю раб принес,
И дали позади несмело улыбались…
«Привет любви твоей, веселая Аддалис!
Уже грядущий день алеет в росах роз».
Сад светом налился… Я пела и пряла,
Тревожно помнила о зорях и о дали,
О том, что ты живешь, о том, что ты смугла…
На солнечной траве кружочки тени спали.
Янтарный свет уплыл; тогда мой раб отнес
Письмо короткое в даль тающего луга –
«Привет любви твоей, печальная подруга!
Еще ушедший день алеет в розах рос».

А–с.

«Южный огонек» № 12, 1918

Фавн

Спрятавшись вдвоем,
Милый, незаметно
Сад, твой сад заветный
Вместе обойдем.

Медленно пойдем.
В рощице запретной
Скрытый неприметно
Темный водоем.

Цепью зазвеня,
Нам навстречу встанет
Фавн твой злой – и глянет

Жадно на меня.
Ах, как сладко станет
Ускользнуть, дразня.

Вероника Айя (Аделина Адалис)

«Жизнь» № 3, июнь

Вениамин Бабаджан

Трубка

О долгий путь! В усталой позе
Сидишь и куришь натощак.
Как ароматен на морозе
Медовый английский табак!

Голубизна дымка и снега
И пасмурная эта даль –
Такой покой, такая нега,
Такая долгая печаль…

Дорога круто убегает
За побелевшие холмы,
Голодный конь едва ступает, –
Устали мы, иззябли мы…

Седло, в какой ни мерзнуть позе –
И бьет и давит – все не так.
И только тешит на морозе
Медовый английский табак.

13 дек. 917. Дойна

Клементий Бутковский (Вениамин Бабаджан) /
Омфалитический Олимп, Од., 1918

Крест

В революционном жалком торге,
Меж политических забав
Один лишь ты, святой Георгий,
Остался ясен, чист и прав.
Войной замученные люди
(Где счет страданий и потерь?)
Свои простреленные груди
Тобой украсили теперь.
Теперь лишь ты – одна твердыня,
России нет, она мертва!
Свобода, равенство отныне
Пустые, горькие слова…
Есть только бледный призрак славы,
Воспоминанье бранных мест –
Простой и скромно-величавый
На желтом с черным белый крест.

«Южный огонек» № 10, июль 1918

Александр Биск

* * *

И что осталось мне от встречи,
Когда прошла твоя гроза?
Как эхо – смолкнувшие речи,
Как зарево – твои глаза.

А помню молнии и громы,
И взрывы, звавшие гореть,
И чей-то голос незнакомый,
И веток спутанную сеть…

И яркий день, и вечер дикий,
И сок раздавленных гроздей,
И две махровые гвоздики
Твоих египетских грудей.

А ты что помнишь? – Мой обманный
То полувздох, то полузов,
И только, может быть, туманный
Обрывок тлеющих стихов.

«Фигаро» № 12, 24 (11) августа

Борис Бобович

Романс

Серебряная ночь! Моих томлений сага!
В лазурной мгле молчат цветы ночей,
И плещется луны серебряная влага,
И светел водоем полуночных лучей…

И там, где плющ узором бледнотканным
Обвил оград застывшую гряду,
Я жду, чтоб Вы пришли за голубым обманом
Любви моей… Я жду Вас… жду…

«Театр и кино» № 8, 25 февраля 1917

Исидор Бобович

Шахматы

Безмолвный раб чертит священный стих Корана
Зеленым острием речного тростника.
Недвижим ряд фигур. Шахматная доска.

Над выцветшим ковром струится дым кальяна.
Шафраном крашены ладони игрока,
И башен грозный строй – у вражеского стана,
И легкий бег коней в объятия тумана
Готова бросить вновь спокойная рука.
О, мудрый перс. Уж в небе серп рогатый,
Задумчиво с полей проходят табуны.
На пальмовой доске начерчены квадраты,
И кони ржут, и движутся слоны.
И близится к концу свирепая игра.
Так медленно плывут над нами вечера.

«Фигаро» № 6

Эмиль Владимиров

Девушка полей

Ты девушка полей. Ты песен знаешь много,
Простых и девственных, как белые цветы.
И в бесконечности проселочной дороги
тебе знакомо все: и почки, и кусты.

Где яркие огни манящи и фальшивы,
Из знойных городов пришел в простор полей,
Чтоб отдохнуть душой. Текут неторопливо
Здесь дни мои. И жизнь становится светлей.

Из синих васильков внимательной рукою
ты мне сплела венок. В квартире городской
Он вянет на стене, где блеклые обои
Измяты грубою небрежною рукой.

Пугливые мечты твои, как легкий шорох,
Как тихая вода – прозрачны и просты.

О девушка полей. В маячащих просторах
Тебе знакомо все: и кочки, и кусты.

«Жизнь» № 7, июль 1918

Анатолий Гамма

Carmen romae

Благословенны те, кто в Риме был рожден,
Чей посох Путь обрел в затерянной святыне!
Я вновь пою тебя, о ржавый небосклон,
где боги древние молились по-латыни.

Я здесь один брожу. Продымленный закат
Сгорает медленно, игре часов послушен,
И степи римские торжественно молчат,
И сердце позднее молитвенней и глуше.

Да глянут в душу мне глаза былых веков,
да будет небо мне волчицей благосклонной,
чтоб, вспомнив Августа, молиться на врагов
Слезами мудрыми седого Сципиона.

«Жизнь» № 7, июль 1918

По следам богов

«Здесь лирой северной пустыни оглашал».
Пушкин

Тревожны крылья дальней птицы.
Спит богомольная Земля.

Проходит август смуглолицый
И метит ржавчиной поля.

День побежден в неравной розни,
Ползущим сумраком томим…
Влеки ж меня, мой посох поздний,
Дорогой древнею на Рим!

Как сладко здесь скитальцу жизни,
Где ночь суровей и темней,
Молиться сладостной отчизне,
Благословлять следы тех дней,

Когда, от жажды пламенея,
Под скрип дряхлеющих шагов
Седой Вергилий пел Энея
В толпе кочующих богов.

«Жизнь» № 10, август 1918

Владимир фон Дитрихштейн

Веселый хмель

1

Порой беспричинно веселье!
О молодость, утро и смех,
И старое пьяное зелье –
Влюбленность в беспутство утех.

Пусть встреча минутна, случайна,
Расстаться нежданно легко;
Но в этом волненье и тайна,
И пьяная влага клико!

2.

Милый мелькнувший обман,
Призрачный час.
Был как-то весело пьян
Вечером раз.

Глупо ревущий авто
Яростно мчал,
Все было то, да не то…
Ждать не устал…

Дымная мгла фонарей,
Лента толпы.
Женщина, греза о ней,
Сладость алчбы.

Милый мелькнувший обман,
Призрачный час.
Крепкий и терпкий дурман…
Страсти экстаз!

«Жизнь» № 2, июнь

Иматра

Над злобно ревущим потоком
Задумавшись, долго стоял.
В гранитах, в порыве жестоком,
Ломался вскипающий вал.

Как страшен чуть зримый, безликий,
Мятущийся в беге воды.
Ведь голос звериный и дикий,
И хаос безумия – ток!

«Жизнь» № 8, июль 1918

* * *

Не надо слов о скорби безысходной,
О смертных муках горестной страны.
Бессмертна слава в ликах старины,
Изящен стиль эпохи благородной!

Родимый север… нежностью холодной
Березки веют, рощицы бледны.
Там детство наше… радужные сны
Еще живут в усадьбе старомодной.

И вод белеет ветхий монастырь.
В вечернем звоне – канувшие были,
Хлебов несжатых дрогнувшая ширь…

И степь, и море грезу напоили:
Душа России – песня от земли.
Неведом путь. Сгорели корабли.

«Жизнь» № 28, декабрь 1918

Вадим Долинов

* * *

Прошла единственная, смутная, как тени.
Прильнула к сердцу нежным острием любви…
О прошлая моя, могли теперь бы вы
Моими мыслями прожить одно мгновенье?..
Не отзвучал еще аккорд последний счастья,
В нем скрытый чудится мне скорбный диссонанс,
Не разрешен во мне, не разрешенный в нас;
В романе нашем нет страниц последней части…
Как в дни сосновые, опять, как прежде, вами

Сегодня вечером я снова вдохновлен…
Я, кажется, люблю, я, кажется, влюблен,
Но вырос – говорю не прежними словами.

«Южный огонек» № 13, август 1918

Георгий Долинов

Странное

Из цикла «Паутина»

Я о любви писать сегодня не могу.
Я разлюбил вас, вы далекая чужая…
Вчера я понял, что в стихах я только лгу,
Словами нежными ваш образ окружая…

Вчера я понял: вы совсем, совсем не та,
Какой лелеял я вас в творческие ночи.
И снова в сердце зазвучала пустота,
Но только в этот раз больнее и жесточе.

И как-то странно… как-то вдруг… не уловлю:
Мелькнули дрожки и исчезли за кварталом,
А я вдруг понял: я вас больше не люблю,
И стало пусто в сердце скорбном и усталом.

Я, расставаясь, грустно руку вам пожал…
Поникнув, медленно побрел по переулку.
И почему-то мне припомнился кинжал,
Которым утром серб какой-то резал булку.

А в голове бродил навязчивый мотив
Романса «Бойся мне в любви своей признаться».

...Вдали протяжно прогудел локомотив
И где-то с башни глухо пробило 12...
...Я не могу писать сегодня о любви.

«Жизнь» № 3, июнь 1918

Семен Кесельман

Крестоносцы
(Отрывок)

Когда мятежный дух еще дерзал
Во имя гнева дальние походы,
Корабль отшельников – так повествуют оды –
К Святому Городу однажды отплывал.
Сверкал лучистый крест на пышных парусах,
И не было числа хоругвям золоченым,
и волны быстрые в серебряных венцах
Стремились чередой за кораблем священным.
Внезапно яркий свет блеснул в надводной тьме,
И корабельщики упали на колени:
там в шлеме солнечном и спешном опереньи
Стояла Богоматерь на корме.

«Южный огонек» № 2, 1918

Святой Николай

Где чудеса на синем море
Цветут – не Твой ли светлый лик,
Среброволосый Чудотворец,
В тумане водит корабли?

Когда застынет над водой
Луны печальная икона,
Не Ты ли волн текучих склоны
Смиряешь тихою рукой?

В седом евангельском просторе
Разбросаны Твои суда.
Но над звенящей зыбью моря
Кочует древняя звезда.

Она плывет в разрывах тучи –
Старинный знак морским волхвам, –
И волнами ковчег скрипучий
К родным выносит берегам.

И утром синим и туманным
Рыбачий прозвучит псалом
Тебе, с Господним фонарем
Парящему над океаном.

«Южный огонек» № 5, 1918

Леонид Нежданов

Великий Немой

Как всегда – четыре части
(Бег недремлющей мечты).
«Рок». «Порок». «Ушел от счастья».
А в «конце»: «Любви цветы».
Перелеты, снова драма.
Снов и видов длинный ряд:
Берега широкой Камы,
Альп сверкающий наряд…

Безучастный звук рояля.
Зачарованный экран,
Где сплелись в туманной дали
Правда, шутка и обман.
Забываешь силу слова
В беге сказочной мечты…
От «Великого Немого»
Веет тайной Красоты…

«Театр и кино» № 8, 27 (14) июля 1917

После бала

Посвящ. Г. М.

В предрассветных обманах бесшумно моторы
Ускользают, как тени, в небесной дали.
Неуверенны клятвы, изменчивы взоры,
И от губ опьяняющий запах «Шабли».
С Ваших пальцев летят лепестки туберозы,
В них погасли огни недопитой мечты…
А в глазах Ваших круглых расплесканы грозы
И тупая, щемящая боль суеты.
Занавесив в себе предрассветные думы,
Наклоняюсь к руке и целую кольцо.
Ночь не кончилась. Дремлют докучные шумы.
Мы – ночные. Дай плечи! Лицо!
Но усталые руки не просят объятий.
Мы – чужие – встречали в заученный день.
Нет ни жалоб, ни слез, ни угасших заклятий.
……..
Одиночество… Скука… И лень!..

«Фигаро» № 4, 1918

Александр Соколовский

* * *

Опять возвращены глухие вечера
И красный щит луны, и крепкий чай, и скука.
И то, что нравилось, то все еще вчера –
Сегодня кажется непревзойденной мукой.
И скучны Ливия забытые листки,
Не нравится вино, и дым табачный горек,
И утомительной, отравленной тоски
Не в силах победить излюбленный историк.
Но все же сохранен пленительный уют
Давно забытого, покинутого лона:
Ночные улицы, как встарь, меня зовут,
И ночь глубокая, как прежде, благосклонна.
И вот возвращены, возвращены, как встарь,
Часы излюбленные холостых прогулок,
И страстная луна наводит свой фонарь
На губы юноши, чей шаг ленив и гулок…

«Южный огонек» № 8, 1918

Лев Файнберг

Сонет

Как остров, брошенный меж четырех морей:
С высот кавказских круч до царства вечной вьюги –
Простерлась ты, как Сфинкс в чешуйчатой кольчуге,
О Русь, могучая по прихоти царей!..

Ударил красный шквал – и род богатырей
Восстал, как Муромец – могучий и упругий –

В кровавые мечи перековавший плуги
И в пламень мстительный – огниво алтарей.

И рухнул старый мир… Как дикий рой зверей,
Над пажитью сцепилась свора злая…
Распятый на Кресте, в объятьях палачей –
Твой вечный дух, о Русь, вещал нам, умирая:

Как Феникс царственный, залог грядущих дней,
Ты возродишься вновь, распятая, святая!..

«Жизнь» № 28, декабрь 1918

Зинаида Шишова

Карта Атлантики

Я помню, мы в детстве с тобою склонялись над этим листом,
Наш путь был отмечен пунктиром, а гавани – красным крестом,
Эахо, Табаско, Чиэпес – и много таинственных стран,
И много таинственных знаков готовил для нас океан.
Мы, помню, пропахшие краской, любили спускаться в камбуз,
Любили следить под водою движенья гигантских медуз…
Мы видели в узком проливе остатки старинных галер,
А после мне ночью приснился в смешном парике кавалер,
Как он, окруженный врагами, в порыве бессильной тоски,
Швырнул свои судна на скалы движением узкой руки.
Мы много видали с тобою, мой маленький, глупенький брат,
И после таких приключений так скучно вернуться назад,
И в чинной огромной столовой со старшей сестрой и отцом
Сидеть над немецким спряженьем с усталым потухшим лицом.

«Южный огонек» № 5, 2 (20) мая 1918

Spleen

Радикальное средство от скуки
Ваш мотор – небольшой landanlet…
Я люблю Ваши смуглые руки
На эмалевом белом руле.
Ваших губ утомленные складки
И узоры спокойных ресниц…
– Ах, скажите, ну разве не сладко
Быть как мы, быть похожим на птиц.
Я от шляпы из старого фетра
Отколю мой застенчивый газ…
Как-то душно от солнца, от ветра
И от ваших настойчивых глаз.
Ваши узкие смуглые руки,
Профиль Ваш, отраженный в стекле…
Радикальное средство от скуки
Ваш мотор – небольшой landanlet…

Альбом Долинова (ОР РНБ, ф. 260, ед. хр. 2, л. 10)

Примечания

[1] Александров Р. Прогулки по литературной Одессе. – Одесса, 1993, с. 104.

[2] Интимный вечер // Огонек. – Одесса, 1918. № 23, 1 февраля, с. 4.

[3] Spectator. Консерватория: интимный вечер молодых поэтов // Одесские новости. 1918, 5 февраля.

[4] В-рь. Зал консерватории: «первый интимный вечер» // Блокнот Г. Долинова.

[5] Долинов Г. Литературный путь Юрия Олеши. ОР РНБ, ф. 260, ед. хр. 11.
Цит по: В лабиринтах романа-загадки, с. 138.

[6] Долинов Г. «Зеленая лампа» / Одесский вестник. – 1994, № 166, 4 ноября, с. 5

[7] Бобович Б. Натура Юрия Олеши… / Воспоминания о Юрии Олеше. – М., 1975, с. 25.

[8] Долинов Г. «Зеленая лампа», с. 5.

[9] Ершов П. Одесская литературная колыбель: Страницы воспоминаний // Опыты. – Нью-Йорк, 1957. Кн. 8, с. 96-97. Цит. по: А. Устинов. Из истории лите-

ратурной жизни Одессы конца 1910-х годов / В.Я.Брюсов и русский модернизм: Сборник статей. – М, 2004, с. 253.

[10] Там же.

[11] Долинов Г. «Зеленая лампа», с. 5.

[12] Бондарин С. Зеленая лампа. Рукопись, ОЛМ.

[13] Биск А. Одесская литературка // Дом князя Гагарина… Вып. 1. – О., 1997, с. 149.

[14] Spectator. Зал консерватории: Зеленая лампа // Одесские новости. – 1918, 20 (7) марта, с. 4.

[15] Яблочко. – Одесса, 1918. № 1, апрель, с. 1.

[16] Там же.

[17] К. Р. Одесситы в Балте (от нашего корреспондента) // Мельпомена. – Одесса, 1918, № 8, 12 мая, с. 17.

[18] Южный огонек. – 1918, № 5, 20 мая, с. 16.

[19] Вернулись с поэзо-концертного турне… // Мельпомена. – Одесса, 1918, № 11, 22 июня, с. 13-14. В елисаветградской газете «Голос юга» была помещена развернутая рецензия Н. П. «Поэзо-концерт» // Блокнот Г. Долинова, ОЛМ.

[20] Фигаро. – Одесса, 1918, № 5, 23 июня (6 июля).

[21] Театральный день – Одесса, 1918. – № 50-51, 24 (7) – 25 (8) июля.

[22] Долинов Г. Встречи с Эдуардом Багрицким: Одесса 1917-1920 гг. Машинопись [ок. 1947]. ОЛМ. Р-224, с. 8-9.

[23] Письмо З. Шишовой Е. Голубовскому 24 марта 1965.

[24] Календарь писателя // Перо в спину. – 1919, № 7, с. 3.

[25] Як. П. [Яков Полонский]. «Зеленая лампа» // Вечерний час. – Одесса, 1919, № 54, 29 (16) марта, с. 4.

[26] Календарь писателя // Перо в спину. – 1919, № 6, с. 4.

[27] Соминский Э. Рожденные бурей (воспоминания одессита) / Где обрывается Россия: Художественно-документальное повествование о событиях в Одессе в 1918-1920 гг. – О., 2002, с. 191.

[28] Календарь писателя // Перо в спину. – 1919, № 7, с. 4.

[29] Шенгели Г. Встреча с Багрицким: Мемуары // Вечерняя Одесса. – 1973, 19 июля, с. 3.

Екатерина Ергеева

Златоцвет Мариинской гимназии – А.В. Нежданова

Для одессита каждая улица родного города обладает особым, только ей подвластным очарованием, за которым скрывается богатое культурно-историческое прошлое, пусть даже это не всегда подвластно взгляду с первых мгновений. Да и вообще, в культуре бытует мнение, что истинная красота начинает говорить с нами не сразу, а то, что сразу бросается в глаза, как правило, быстро разочаровывает. Возможно, к улицам с такой сдержанной красотой и относится улица Новосельского… Островидова… Ямская… Лютеранская… Немецкая. Из этого перечня «имен» видно, что улице выпадала честь неоднократно быть переименованной; одни названия увековечили людей, чья активность повлияла на развитие Одессы, другие же отражали характер улицы и ее место в истории города. Когда сквозь призму почти двух столетий окидываешь взглядом улицу, создается впечатление, что это была улица учебных заведений, причем по преимуществу женских: женская гимназия С.И. Ввидинской, гимназия А.И. Малиновской, женская гимназия С.А. фон-Гирш-Брам, Мариинская гимназия. Надо заметить, что Мариинская гимназия стала первой женской гимназией в Одессе и одним из самых достойных учебных заведений: «Мариинская гимназия снабжена вполне достаточным количеством учебных пособий по всем предметам для успешного хода преподавания и совершенно обеспечена материальными средствами… по своему устройству есть одно из лучших учебных заведений».

Пожалуй, почти каждое здание нашего славного города таит за своими стенами имена выдающихся писателей, композиторов, художников, артистов.

А.В. Нежданова –
ученица восьмого класса Мариинской гимназии

Так, в Мариинской гимназии на протяжении шести лет училась «чудесная, удивительная Антонина Васильевна Нежданова». Антонина поступила в гимназию, когда ей исполнилось десять лет. Будучи дочерью учителя, она легко выдержала вступительные экзамены и обучалась в гимназии бесплатно. Учение длилось семь лет, последний, восьмой класс, был педагогическим. Обладая подвижным живым характером, от природы богато одаренная, девочка быстро становится одной из лучших учениц, хорошо успевает по многим предметам: «Учение мне давалось легко, особенно по тем предметам, которые я любила: по литературе, физике, истории, географии, зоологии, ботанике, рисованию и по языкам, французскому и немецкому. Математику не любила». С детства у Антонины обнаружились способности к рисованию: «С особенным увлечением занималась я рисованием. Мои рисунки были настолько удачны, что учитель рисования, хороший художник, находил у меня большие способности и советовал поступить в Одесскую рисовальную школу». Нежданова вспоминает, что умение рисовать очень пригодится ей в будущей артистической деятельности – поможет хорошо гримироваться, оценивать правильность расположения декораций и степень освещения на сцене.

Конечно, вокальные данные начали проявляться еще с детских лет. В гимназии Антонина пела в хоре. Часто устраивались литературно-музыкальные вечера, на которых Нежданова декламировала стихи Гете и французских поэтов-песенников. Сольные

партии она начала исполнять лишь в старших классах. В восьмом классе вместе с Неждановой училась Варвара Врубель, младшая сестра М.А. Врубеля (как известно, семья Врубелей проживала в Одессе), с которой на музыкальных вечерах они пели дуэты. Часто после подобных вечеров устраивались танцы, в которых и мужские, и женские роли исполняли девочки. Поскольку Антонина была высокого роста, мужские роли доставались ей.

Отец не мог не заметить тяготения дочери к музыке и вокалу и параллельно с обучением в гимназии отдал ее в музыкальное училище: «С этого времени гимназия отошла у меня на второй план, всю любовь свою я отдала музыке. Хотя я посещала аккуратно занятия в гимназии, но они меня стали интересовать гораздо меньше, и я больше думала о музыке». Здесь отчетливо проявилась яркая черта характера Неждановой – способность быстро и сильно увлекаться, потому неудивительно, что музыка полностью увлекла девочку. Занятия в гимназии с этого момента отошли на второй план, хотя по-прежнему Антонина оставалась прилежной ученицей.

Мариинская гимназия

Спустя четыре года семья переехала из города на Куяльницкий лиман, отца Антонины перевели на должность заведующего в народное училище. Поскольку к училищу примыкала церковь, школьный учитель должен был выполнять еще и обязанности священника: «В новом училище, в новых условиях жизни, отец мой, как всегда, не жалея своих сил, так же усердно и честно работал, исполняя свои многочисленные обязанности». Антонине приходилось каждый день ездить в гимназию, путь был в несколько верст. Тихая размеренная жизнь на лимане, по воспоминаниям самой Неждановой, помогла открыть ей в себе удивительную способность – восхищаться красотой, казалось бы, обыденных вещей, мимолетными мгновениями окружающего мира: «Я однажды была поражена красотой заходящего солнца, его необычайными лучами и красками неба… я стала кланяться солнцу до земли».

Тонкое трепетное отношение к окружающему миру и искусству формировалось в Антонине Васильевне с детских лет, и подобно цветку раскрывалось с течением времени; здесь и природная одаренность, и бесконечная усердная работа над собой, и окружение. Годы спустя К.С. Станиславский скажет: «Дорогая, чудесная, удивительная Антонина Васильевна!. Знаете ли, чем Вы прекрасны и почему гармоничны? Потому что в Вас соединились серебристый голос, талант, музыкальность, совершенство техники с вечно молодой, чистой и наивной душой».

Александр Юрченко

Овидий. Письма к Августу

Письма, брошенные в мраморную урну для грязного белья

В 8 году нашей эры, по римскому времени в 741 году от основания «вечного города», широко известный в Риме поэт Публий Овидий Назон, аристократ, эстет, любимец женщин, баловень судьбы, внезапно высылается императором Августом в небольшой город Томы на западный берег Черного моря, где проводит последние девять лет жизни.

Ссылка Овидия прогремела в Риме как гром среди ясного неба. Никто не знает истинной причины изгнания великого поэта.

Овидий не смиряется с решением Августа, он пишет письма в Рим, надеясь на оправдание или хотя бы смягчение приговора.

Часть I. Год первый

Письмо первое. Овидий императору Августу

Спасибо, божественный Август,
за любезно предоставленную тобою

как владыкою небес
возможность
преодолеть все
сопротивления природы.
Все громы и молнии,
оглушающие и
ослепляющие нашего
кормчего так, что бедный
не знал, в какую сторону
ему править руль; все
волны, доходящие
величиной до десятого вала,
бьющие в борта
нашего корабля, словно камни
из катапульты,
выпущенные непримиримым
неприятелем; все ветры,
перепутавшие свои
исконные направления –
так что Борей не отличишь
от Эвра, а Зефир от Нота, – скомкавшие и сорвавшие
парус, сломавшие мачту и руль.
Слава богам, мы добрались-таки до Коринфа и
зимуем теперь в Кенхреях в холоде и голоде
греческой зимы в ожидании теплого времени и
нового корабля, который ты вышлешь нам в помощь.
Это ожидание лучше ожидания гибели в морской
пучине. Не знаю, что лучше, стать кормом для рыб
или потерять уютный дом, любимую жену и друзей?
Во всяком случае, благодарю тебя, божественный
Август, что за мою провинность ты, по крайней мере,
сохранил мне жизнь, тем самым не дал моей жене
умереть от горя и оставил ей надежду мечтать о моем
возвращении.

Коринф. Коринфские Кенхреи.
741 г. от основания Рима (8 г. н. э.).
12 декабря. В 5-й час после захода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет.
Сколько раз я брался за это письмо и
столько же раз беспомощно отбрасывал в сторону
стилус!
Навощенные дощечки расплавили свою
лицевую сторону – так старательно я стирал
написанное, чтобы с жаром снова излагать свои
спутавшиеся от душевной боли мысли. Когда,
довольный собой, я брал, наконец, в руки чистый
папирусный свиток, еще пахнущий полуденной
свежестью полноводного Нила, то полировал
пемзой
его растрепанные волокнистые края, натирал
тыльную сторону благовониями и наносил
киноварью
обращение к тебе, а потом и весь текст с дощечек
переписывал обычными чернилами набело.
Бывало,
прочитав письмо еще раз, несколько раз рвал
свиток на куски и кричал от боли потому, что слова
в нашем языке так пусты и никчемны, что не мог
выразить я страдания, на которые ты обрек меня
своим решением выслать меня из Рима
на край Ойкумены, в геттские степи, где будет
ходить неприкаянным призраком моя тень.
Будь здоров.

Коринф. Коринфские Кенхреи.
741 год от основания Рима (8 г. н. э.).
12 декабря. В 7-й час после захода солнца.

Письмо второе. Овидий императору Августу

Ты будешь удивлен, божественный Август! Но
есть у меня желание продолжить стихотворный ряд.

А одиночество, в котором я буду пребывать, не знаю, сколько времени, может быть, поможет мне преуспеть в этом так, чтобы ты почитал меня, как любимого тобой Горация. Ведь, согласись, любовь к нему и Вергилию застила твои глаза и ты не мог найти сил, чтобы открыть их в достаточной степени, чтобы прочесть мои скромные элегии. А так ты только слушал, что говорят о них другие. Но каждый видел в них то, что хотел видеть, ведь мера испорченности позволяет заглянуть гораздо дальше сказанного.
О, наше коварное время!
О, продлись Золотой век Августа!

Коринф. Коринфские Кенхреи.
741 год от основания Рима (8 г. н. э.).
24 декабря. В 5-й час после восхода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет.
Пусть, Август, не первый поэт я в настающем Золотом веке твоем, но и не последний. Четвертый по силе я после Корнелия Галла, Проперция и Тибулла.
Скучное педантичное время Вергилия и Горация уж кануло в лету. Легкое дуновение любовной элегии тешит теперь утонченный слух римлянина. Так Проперций восславляет любовь свою к Гостии под именем Кинфии, стыдясь измен ее постоянных.
Корнелий Галл воспевает лукавое жеманство красавицы Ликориды, в которой все признают тень мимической актрисы Киферидыы.
Альбий Тибулл тем себя утешает, что Плания, которую любит он безответно, взаимностью ему отвечает, но в образе Делии славной.
О своем восхищении Корины пленительным обликом и я говорил, не раскрыв перед

глазом чужим ее имя, может быть, потому,
что любил не одну.
Но, в отличие от новых поэтов, все ж отдаю
для себя, как и ты, дань уважения предкам,
что в поэмы вошла в превращениях чудных богов
и людей, воспеваю богов, что вошли в
римский наш календарь.
Не хватило лишь нескольких месяцев,
чтобы то, что я написал,
в совершенстве представить для услады твоей.
Вызвал ты меня на холм Палатинский
сообщить ужасное нечто.
Не потому ли дал на сборы всего лишь
три дня, чтобы не смог отойти я от ослепления
первых обид и оправдаться перед тобой?
Как мог обвинить ты мой стих в растлевающем
влиянии на римских матрон и их дочерей, если ничего
скабрезного не было сказано мною, а сам ты
допустил излишнюю вольность
в эпиграмме против Антония и в таком грязном виде,
что у меня завял бы язык, если бы
попробовал сказать такое о женщине?
Если я по молодости лет был легкомыслен, так и
ты молодым не пропускал ни одной женской
туники, а сейчас Ливия поставляет в твое ложе
юных наяд. Я же, сменив двух жен, верен остаюсь
последней – до мраморной доски с эпитафией.
В гневе сейчас сжег я «Метаморфозы» и «Фасты»,
хотя ходят они уже в списках и живут отдельно
жизнью своей, на которую мне не повлиять уж
никак. Но одно я сделать смогу – убрать
посвящение тебе, предваряющее «Фасты»,
и вписать в титул вместо твоего – цезаря Германика
светлое имя. Пусть, узнав о моем намерении,
ты пошлешь наемного убийцу, который
зарежет меня как овцу в темной подворотне
в Томах, или передашь в подарок якобы

от друга отравленный перстень, или прикажешь
рабу, обслуживающему меня, пообещав за это свободу,
подсыпать яда мне в пищу.
Ты – всемогущ и всесилен, как Зевс. Что можешь ты
сделать мне хуже того, что уже сделал? В праве ли
рассчитывать я на справедливость твою?
А что до бурь, которые, как ты знаешь, трепали мой
корабль без устали, не потому ли ты назвал
декабрь временем нашего отправления в столь
долгое и опасное плавание, что был уверен –
не доплыть ему в такое время года
до места назначения никогда?
Однако знай, мы уже в Коринфе, хотя без паруса и
руля и с трещинами по обоим бортам, и ждем твоего
дальнейшего «благоволения».
Будь здоров.

Коринф. Коринфские Кенхреи.
741 г. от основания Рима (8 г. н. э.).
24 декабря. В 8-й час после захода солнца.

Письмо третье. Овидий императору Августу

Мои сандалии ступили на землю Понта.
Ну что я могу сказать?
Проще мне было не родиться, чем увидеть такое.
Земля – плоская и голая, как море во время
послеобеденного сна Борея. Никакого намека на
наши сады и виноградники. Что уже говорить о
моем капитолийском саде, полном цветущих
яблонь! В это время они уже осыпали белым и
розовым цветом зеленые аллеи, а тут едва набухли
почки у одиноко стоящего дерева, кажется, липы.
Это недалеко от моего нового дома.
Не хочу называть унылую хижину, крытую
дунайским тростником, словом «дом». Липа,
растущая неподалеку, кажется, единственное
дерево на весь город. Теплится мысль, что в

жаркое лето, надеюсь, здесь, на краю земли, тоже есть оно, буду находить под ним спасительную тень, а осенью – одаривать себя напитком из липового цвета. Конечно, если у меня будет болеть горло, а будет болеть непременно, так как здесь очень холодно.

Кстати, о колодезной воде. Она здесь с привкусом соли. Попробовал – и тут же выплюнул. Иметь такую воду почитаю за счастье – ее тоже можно использовать для полосканий, а также омывать руки перед обедом. А пить придется молоко буйволиц, поскольку вино здесь не производят. Мирные геты (воинственные, говорят, тоже есть, живут за Дунаем) пасут их вместе с молодняком в степи за городом, зелень едва проклюнулась, и они еще кормятся прошлогодним сеном.

Вот чего здесь много, так это сена, которое хранят под навесом, создавая из него целые холмы.

Я, кажется, сказал слово «город»? Тебе не послышалось, Август. Да, здесь есть две улицы, казарма Скифского легиона и небольшая дорожка из булыжника до казарменных терм. Офицер сказал, что я тоже могу там мыться, когда пожелаю.

Улицы в «городе» не мостят камнем, а посыпают песком от ракушечника, из которого местные жители строят дома. Поэтому в период дождей в Томах царит непролазная грязь – для буйволиц, конечно, раздолье, – а в сухую погоду пыль клубится столбом, как дым и благовония в храме Юноны.

Живут здесь греки, и, кажется, уже давно, с того времени, как волчица нашла Ромула и Рема на Капитолийском холме. Именно тогда они приплыли сюда из Милета. Но к настоящему времени ничего греческого от них не осталось, так как ходят в кожаных штанах, а плечи покрывают овечьими шкурами, женятся на гетских женщинах и уже

говорят на их языке.
Мне их речь непонятна, режет слух варварскими звуками. Говорить не с кем. Солдаты несут службу, греки разводят детей, больше здесь нечем заниматься.
Говорят, сюда иногда заходят корабли.
Буду ждать. Может, услышу родную речь.
На глаза наворачиваются слезы.
Зачем мне все это?
Если я в чем-то повинен, прости меня, божественный Август.
Повинен, конечно. Прости.

Томы. 742 г. от основания Рима (9 г. н. э.).
Время мартовских ид.
В 7-й час после захода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет.
Благодарю. Корабль пришел вовремя.
Как только стихли суровые коринфские ветры.
От Коринфа до Самофракии плыли долго, так как снова попали в бурю, правда, не в такую жестокую, как в Ионическом море.
Прости, Август, я снова пишу стихи. Это здесь и случилось, на Самофракии, где я пересел на третий корабль со шлемом Минервы на носу. Это хорошее предзнаменование, оно больше мне сказало, чем печень овцы, полет орла и все остальное. Не нужно было ходить и к Самофракийскому оракулу.
Минерва указала мне путь и способ по нему идти.
Наша богиня любит применить крепкое словцо, правда, всегда к месту. Но я не могу последовать ее примеру, чтобы сказать, что я чувствую сейчас.
Да и твой слух, Август, не достоин улавливать такое.
Потому-то я и перешел на язык поэзии.

Чем ближе к Понту Эвксинскому, тем дальше от берегов Авзонии. Это убивает меня. За что наказан я, Август? Сам-то ты знаешь это? В стихах я высказал одно предположение. Как только закончу, вышлю. Но будет это нескоро. Корабли здесь проходят редко, за все время пути ни одного не встретил.

А что делать в море? Жевать сухари и смотреть на горбатых дельфинов? От скуки можно сойти с ума. Что еще ждет меня в гетской пустыне, страшно подумать.

Нет, есть еще одно занятие: можно выворачивать желудок наизнанку. Как сказал бы ты: «меня мутит». Думаю, мой вариант точнее.

Видя мои страдания, капитан решил высадить меня на берег. Дальше проделал я путь в повозке на лошадях и, перешагнув через горы, встретил «Минерву» уже за Геллеспонтом в Одиссосе.

О том, что я еще не умер и нахожусь в Томах, ты можешь догадаться, так как, надеюсь, уже получил мое письмо. Не берусь описывать того, что увидел. Лучше бы тебе прочесть о них (о Томах) в «Географии» Геродота – сделать это нетрудно, так как Палатинская библиотека недалеко от твоего дома. Правда, тебе ближе ристалища в Большом цирке, который ты так надстраиваешь трибунами, что они не выдерживают наплыва толпы и рушатся каждый раз, когда проходят бега колесниц, унося больше жизней, чем битва
при Ации.

Как видишь, я уже ничего не прошу. Главное, ты сохранил мне жизнь. Только зачем она мне без римских садов, Фабии и любимых книг?

Будь здоров.

Томы. 742 г. от основания Рима (9 г. н. э.).
Время мартовских ид.
В 4-й час после захода солнца.

Одиноко брожу по пустынному берегу Понта.
Слушаю песнь ветра…
Она звучит не в шелесте листьев на кустарнике или скрипе разбуженных на заре оливковых деревьев.
Нет… Здесь нет ничего такого. Здесь песнь ветра проявляется в шуме волн и шуршании песка. Слышу обрывки слов. Тех, что ветер приносит с моря. Мои сандалии проваливаются в зыбкий песок, но следов я не вижу.
Горе мне!

Томы. 742 г. от основания Рима (9 г. н. э.).
22 июля. В 8-й час после восхода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет! Бужу тебя, еще не остывшего от теплой постели. Хранит она мягкий слепок твой. Утром раб принесет тебе мои стенания, а у самого дел по горло.
Что поделаешь? Побудь немного в моей шкуре.
Не утонул в море я, так чуть не поймал смерть на кончике отравленной стрелы.
Мне говорили местные греки, что воинственные геты атакуют Томы только зимой, когда жестокий холод сковывает Дунай так, что ледовый щит выдерживает не только пешего, но и воина на коне в полном снаряжении и даже повозку, запряженную двумя быками.
Но вот не далее как вчера стрела с горбоносым наконечником попала в котел с похлебкой, которую мой раб готовил в летней кухне на дворе.
Котел долго отмывали и чистили кедровым маслом, а я думал о том, как наша жизнь зависит от случая.
Ведь послушай я отца и отдай все силы в коллегии

децемвиров на поприще служения Риму, не
осталось бы времени на сочинительство,
заниматься которым в наш век не менее опасно, чем
участвовать в боях гладиаторов. Но, с другой
стороны, можно на улице споткнуться о камень,
разбить голову и умереть от ран. И ты ведь, Август,
не послушал отчима своего Филиппа и не отказался
от наследства Цезаря, борьба за которое могла
сулить неприятности, далеко идущие, – соперниками
тебе были зрелые мужи, а сам ты лишь два года
как надел тогда взрослую тогу. Вот примеры того,
как недолговечны власть и сила денег.
Крез Лидийский за деньги свои мог бы полмира
скупить, но однажды пожадничал и нищим рабом
стал у царя персидского Кира. И Дионисий, тиран
Сиракузский Младший, властью гордился своей,
покуда дни не закончил учителем школьным в
Коринфе.
Ты же не будешь спорить со мной, что
взлет на вершину так же чарует, как и падение в
пропасть.
Теперь послушай, Август, что я опять вытворяю.
Вины в том, как буду писать тебе дальше,
в себе я не вижу.
Не вина, а беда моя в том, что я стихи слагаю даже
здесь, где изгнанником был Орест, где Медея
стрелы пускала в отца, убегая от погони.
«Мог бы я ряд аналогий подобных продолжить,
места не хватит на скромном свитке моем.
Видишь, кажется мне, будто я на стихи перешел,
льются они из меня рекой полноводной.
Гнева боюсь твоего,
Видно, на этом прощаться пора.
Словом ритмичным в тебе я боюсь пробудить
сожаленье в мягкости кары, что выбрал тогда
для меня.
Что говорить? Может, стрела косматого гета

выберет путь свой точнее… и в следующий раз
дело закончит твое, что ты совершить не успел
или неверно задумал».
Будь здоров.

Томы. 742 г. от основания Рима (9 г. н. э.).
22 июля. В 6-й час после восхода солнца.

Письмо пятое. Овидий императору Августу

Вот и первую зиму, божественный Август, я
пережил на чужой мне земле, где вино
превращается в лед, топором хоть руби его, где
Дунай промерзает до дна, так что рыбы живьем
застывают, где очаг день и ночь так дымит, что я
воздух как рыба ловлю, рот разинув в дымящейся
стуже.
Душат слезы… Не дымный очаг вызвал их и не
гетов горящие стрелы, что на Томы летят, сея
слезы и плач за стеной у соседей. Просто свиток
«Скорбных элегий» я достаю из ларца, где хранятся
все письма мои, и кладу его в прочный из кожи
футляр, алым соком от ягод вакцинии спелой он
пропитан, так что бури ему нипочем и соленые
слезы морские.
Пусть жена прочитает его и друзья. Пусть поймут,
как мне тягостен жребий тяжелый. Может, строки
мои и к тебе попадут. Среди свитков других и не
менее, может, достойных, обрати на него свой
божественный взор и ответить мне не забудь.
Может, гнев свой сменишь на милость.
Ты плыви, моя книга, тем же путем, что поэт
отправлен был в ссылку. Знаю, судно другое до
Рима ее донесет – долгий путь одному кораблю
не под силу. Как же люди сюда, на край света
пришли, как живут здесь? И я между ними…

Томы. 742 г. от основания Рима (9 г. н. э.).
15 декабря. В 5-й час после восхода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет.
Вспомнил сегодня я день свой отъезда из Рима.
Мягкий римский декабрь! Не сравним он ни с
гетской зимой и ни с летом! Почему же такие
зарубки на сердце моем он оставил? Даже дротик
германца свирепого большего сделать не смог бы.
Помнить долго я буду те крики и стоны, что изо всех
раздавались углов.
В доме моем все опечалены были, плакали слуги,
жена к домашним богам обращалась с мольбой.
Никак объяснить им не мог я, что послужило
причиной опалы суровой такой.
Август, лишь мне и тебе, как считают, известны
те страхи и беды, что тайною стали для всех и
и для меня самого.
Спорят друзья, меж собою поспешные строят догадки,
в письмах с тревогой вопросы мне задают. Что им
отвечу, если сам до сих пор я в сомненьях: верно
понял ли, Август, я силу упреков твоих?
Будь здоров.

Томы. Берег моря. 742 г. от основания Рима (9 г. н. э.).
15 декабря. В 3-й час после восхода солнца.

Часть II. Год второй

Письмо шестое. Овидий императору Августу

Я часто думаю о твоей жизни, божественный Август.
Да, не удивляйся, не о своей, а твоей.
Как и любой другой, кто мог оказаться на
моем месте, если бы захотел выяснить причину
ссоры, взаимных непониманий и недоразумений.
Можно возразить: какие ссоры могут быть между
нами?

Ведь мы находимся на разных планетарных орбитах: ты – государственный муж, отец отечества, я – поэт, не снискавший ни славы, ни государственных наград. Но ты не был бы божественным Августом, и не находился бы столько времени на вершине власти, если бы не ломал общепринятые традиции и был таким же, как все.

Ты первый из властителей Рима придал столь высокое значение не только деяниям своим, но и слову, которым о них будет сказано.

Когда впервые ощутил ты вкус к слову?

Не тогда ли, когда у фамильного склепа в присутствии Цезаря и членов сената двенадцатилетним мальчишкой произнес речь в память бабки своей Юлии? Или три года спустя в школе ритора Эпидия, где молодой Вергилий прочитал тебе свои первые стихи? Или когда уже зрелым тридцатидвухлетним воином, уединившись в Брундизии после победы при Акции, ждал первых хвалебных од в свою честь, но услышал лишь ропот солдат, не получивших обещанное жалованье?

Как близко ты встал вровень с поэтами Рима, но не лицом к лицу, а посредством друга своего Мецената, в саду которого собрал ты лучших из лучших, не глядя на статус их, будь то всадник или плебей, или даже вольноотпущенник – тебе безразличен их признак сословия.

Но как легко ты даришь свое расположение, так легко можешь забрать его и обратно. Приблизиться к тебе и сгореть в один день, как мотылек, упавший в масляную лампу? Что может быть проще?

Томы. 743 г. от основания Рима (10 г. н. э.).
Время мартовских ид.
В 1-й час после захода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет.
Раз ночью бессонной, когда Плеяды на небе
блистали, грозной Медведицы ковш опрокинув
случайно,
вспомнил о друге твоем, о божественный Август,
о поэте
великом Корнелии Галле, верой и правдой
служившем тебе.
Юношей знал ты его. И в Эпидия школе с Вергилеем
вместе
все вы втроем риторству там обучались. Думал я,
давняя дружба такая станет залогом жизни
успешной вполне.
Так и сложилось вначале…
Кто мог подумать, что Галлу печальный конец
уготован? Как мог я подумать, что тот, кто подарит
Риму Египет, кто пленит для тебя Клеопатру, кто
талантом с Горацием может поспорить, станет тебе
неугоден? Да так, что судьбу его как наместника
Рима в Египте ты вверишь коллегии децемвиров.
Бедный Галл, сладкозвучных элегий отец, жертва
злых наущений, клеветы и доносов, такого позора
ты не выдержал бремя, не дождавшись суда, сам ты
стал судьей для себя и на меч бросил тело свое.
Будь здоров.

Томы, 743 год от основания Рима (10 г. н. э.).
Время мартовских ид.
В пятый час после восхода солнца.

Письмо седьмое. Овидий императору Августу

Вспомнил я, божественный Август, тот день, когда
вместе со всеми праздник Римом любимый встречал –
день, когда улицы все в цветах утопали
в честь нами любимых домашних богов.

То первый год был, в котором ты повелел изменить этот праздник, народом любимый веками. К пенатам и ларам ты «Августа Гений» добавил,
дабы имя твое в доме каждом встречали,
с постели вставая с солнечным первым лучом и перед сном вспоминая. Отныне: и в праздник, и в будни гений твой в доме каждом должен быть над очагом поминаем.
В год этот памятный, когда «Августа Гений» мы первый раз отмечали, ты на носилках велел себя пронести по улицам всем и кварталам. И, осыпаем цветами, меня в римской толпе заприметил. Я, как и все, с головою склоненной стоял.
Вдруг отдаешь ты приказ носилки на землю поставить и твердой походкой ко мне ты подходишь. «Овидий, – ты говоришь, руку ко мне простирая, – чем стоять преклоненным, в шумной толпе растворяясь, ты бы лучше в стихах голову предо мною склонил. Было бы это намного заметней народу». Так ты сказал, и дальше тебя понесли. Я же наутро об этом забыл, к ларам, как прежде, у очага припадая.
Как я наивен был, слова твои счел пожеланием. Ты же, как ясно теперь, мне приказ отдавал. Был это первый звоночек, звенящий, как у овечки звенит колокольчик, но никак не звон колокольный, что звенит как набат. Звуку его я простодушно не внял. Каюсь, теперь был бы гораздо умнее: славил бы тебя до небес.
Но боюсь, из Том мои восклицания ты не услышишь – ветер заглушит их звон или морская волна.

Томы. 743 г. от основания Рима (10 г. н. э.).

25 июня. В 8-й час после восхода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет! Могу ли поверить,
что не в Риме я возле своих виноградников
или в беседке с книгой в руках,

или с женой в белых туниках
в театре сидим на лучших местах.
Больно мне видеть во сне, как я с друзьями
пирую в саду.
Может, за это я пострадал? Ты ведь, Август, не
пьешь, знаешь меру в вине. Отец тебя с детства
готовил не отвлекаться на малое, чтобы достигнуть
большого.
Слушай, вот только что я
сочинил:
«Так говорят, или придумали льстивые слуги,
из колыбели младенцем ты выбрался и на
высокую башню заполз. Там и нашли тебя.
Спал пухлый малый, к солнцу повернут лицом».
И еще говорят, позволь перейти мне на прозу,
что молния ударила в городскую стену, знаменуя о
твоем рождении. Правда ли это?
А то, что едва говорить научившись, засыпая в
качалке у деда на вилле, ты приказал замолчать
лягушкам, квакающим в болоте, и те замолчали.
Чем не легенда? С Гераклом сравнима лишь,
подобно тебе, унявшему стрекот цикад. Или еще
говорят, что однажды в рощу у Кампанской
дороги к четвертому милевому столбу – надо же,
как место отмечено точно – завтрак тебе
принесли. Тут с неба орел камнем упал, вырвал
хлеб у тебя из маленьких рук, быстро набрал
высоту, но внезапно вернулся, хлеб твой вернув.
Чудо такое лишь Тарквинию царскую власть
предвещало.
И еще говорят…
Хватит. Довольно с меня славословий.
Зная все это, о тебе никогда не
писал я ни строчки. Да и не было в этом нужды.
В твою честь Вергилий слагает эклоги. Вторит
Гораций ему, тебе посвящая стихи.
Здесь пора бы поставить мне точку.

Нет. Я скажу тебе все же.
Третьим я быть не могу, ты уж за это прости.
Будь здоров.

Томы, 743 г. от основания Рима (10 г. н. э.).
25 июня. В 4-й час после восхода солнца.

Письмо восьмое. Овидий императору Августу

Теперь я думаю, божественный Август,
как народ научился так почитать тебя, как не чтил
никого со дня основания Рима: ни во времена царей,
ни во времена республики! Но не все же подвластны
стихам! Кому-то роднее творение Лонга «Дафнис и
Хлоя», другому – Платон с Аристотелем ближе, а
третьим – Геродот отец истории дорог. Из тех, кто читает
стихи, не всем Гораций с Вергилием ближе Катулла.
Но есть ведь такие, что и вовсе стихов не читают.
Разумно ты поступаешь, что в Колизее по праздникам
сам бои открываешь, а в цирке взмахом платка
возвещаешь начало бегов колесниц.
Запомнится больше такое, чем тысячи прославлений,
Горация сделанных твердой рукой. Ведь сколько на
римских холмах хранилищ для книг ты ни строй,
папируса сколько ни режь вдоль зеленого берега
Нила, и кожи с быков для пергамента сколько ты не
снимай, для зрелищ всегда больше места в душе
у народа найдется. А к зрелищам хлеба бесплатно
во время триумфа раздашь, победу над персами
или тевтонами всю ночь отмечать будет
славный народ.
А к памятным датам ты деньги
раздашь всем гражданам Рима, прольется рекою
вино, нетвердой походкой пройдет мимо храма отец
многодетный, за строгой матроной нырнет
в подворотню юнец, потянется раб за туникой
хозяйки, пока заблудил ее муж с сабинянками в
термах Агриппы.

Ну, как не кричать перед домом твоим
возбужденно:
«Как весело, Август, живется нам в городе вечном!
Пусть славятся, Цезарь, вовек твои времена!»

Томы. 743 г. от основания Рима (10 г. н. э.).
7 сентября. В 6-й час после захода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет! Я обещал выслать тебе свои соображения по поводу моей ссылки. Причем в стихах. Скажу тебе, что поторопился. Стихом хоть и владею по-прежнему, но не в такой степени, как ранее, когда писал три книги о таинствах любви, или даже когда совсем недавно переписывал набело последние свои поэмы.

Те несправедливые слова, что ты бросил мне в лицо в своем палатинском дворце, и твое решение устроить мне показательную порку, дабы устрашить других, кого угодно выбьют из колеи. Что тут говорить о стихах!

Но теперь, после долгих раздумий на чужбине, куда ты выслал меня, начинаю понимать, что ты действовал не сгоряча в порыве эмоций, а обдуманно. И не случайно ты расправился со мной!

Я нахожу аналогии подобно этой и другим жестокостям, которые ты прикрывал благими мотивами и намерениями.

Начать хотя бы с той ретивости, которую ты выказал, чтобы отблагодарить ветеранов Цезаря, усилиями которых ты победил республиканцев, а позже был приведен к власти. Я не приветствую ее. Прежде всего, меня возмутили проскрипционные списки, в которые ты вместе Антонием и Лепидом внес жителей Кремоны и Мантуи, поддержавших Брута и Кассия. Я понимаю твои чувства, которые охватили тебя после убийства божественного Юлия.

Но нельзя строить счастье одних на несчастии других.
Ты отнял земли, дома и другое имущество у тысяч состоятельных людей по всей Италии. Более того, отнял у них жизни. Но они не убивали Цезаря, а только сочувствовали республиканскому способу правления и выступали против диктатуры единовластия.
Ты поощрял доносы и двурушничество, обещая сохранять в тайне имена доносчиков и давая им богатое вознаграждение за наушничество.
Ты дал право убивать неугодных каждому, кому это заблагорассудится. Головы убитых, сказал ты, пусть приносят к нам за вознаграждение в 25.000 аттических драхм за каждую, если приносящий свободнорожденный. Если же раб, то получит свободу, 10.000 аттических драхм и гражданские права своего господина. Те же награды назначаются и доносчикам.
Итак, в добрый час, написал ты в обращении к к римлянам. Тем самым ты разбудил в душах и сердцах самые низменные чувства, какие только могут встретиться в нашей жизни: зависть, обман, подлость, предательство, страсть к деньгам и наживе.
Сын поднял руку на отца, брат на брата, сенатор на сенатора; плебей стал отнимать состояние у всадника, должник деньги у ростовщика, раб жизнь у хозяина. Плоды вопиющей несправедливости и беззакония ты пожинаешь теперь.
Хаос охватил Рим! Никто не мог знать, что случится с ним завтра. Потому народ решил: будем жить сегодня – кутить, развратничать и прелюбодействовать – ведь завтра меня может не быть.
А ты говоришь мне: «твоя «Наука о любви» всему виной».
Будь здоров.

Томы. 743 г. от основания Рима (10 г. н. э.).
7 сентября. Во 2-й час после захода солнца.

Как время летит быстротечно,
словно стрела из гетского лука. Вот и
лето второе прошло, как ни стало.
И луга, цветущие всюду, превратились в пестрый
персидский ковер, но через месяц он выцвел
и оказался обычной степью, серой и неприглядной, как
старая подстилка у портика возле нимфеума.
Часто теперь прохаживается по ней жадный до сухой
травы «красный петух», оставляющий после себя
лишь черные стерни.
Сколько хватает взора – все эта степь, без конца и
края: унылая, горькая, как жена, потерявшая мужа.
Потому и не выхожу за стены, а если иду, то в
сторону моря, ждать корабли из Рима.
Жара заставила греков снять меховые штаны, а
вместо сапог надеть плетеные из ивы сандалии.
Крутобокие гречанки в розовых туниках до
колен проходят мимо, не замечая меня. Что это,
старость? Нет, они снова влекут меня. Значит ли это,
что мне самому пригодится книга моя, за которую
ты так укорял меня, Август? Как ты уже понял,
«Лекарство от любви» намереваюсь я перечесть.
Портят весь вид косматые геты, но куда от них
деться – ведь молоко буйволиц покупаю у них.
В Томах, поначалу казавшихся мне деревушкой
ничтожной, оказалось, есть форум, рынок и
три храма в придачу: Зевсу, Афродите-Кибеле и один,
совсем новый, посвященный Юноне.
Летом, как только высохли набухшие от дождей
дороги, сюда, как кажется мне, потянулись все
жители Мезии. Вся жизнь здесь сплошной базар,
каждый продает что-то и почти никто не покупает.
С первым кораблем из Рима привезли вино.
Выпиваю за обедом, как и ты, Август, не
более трех бокалов, иначе, боюсь, что сопьюсь.

Пью за твое здоровье!
Писем из Рима почти не было. Пишут мне только жена, дочь и пара друзей. А остальные? Боятся?
В эдикте о высылке ничего не сказал ты о запрете на переписку со мной.
Когда накрывал я стол хлебосольный, дом мой ломился от лишних людей. Где вы сейчас, эй, отзовитесь? Может, ты, Август, соберешь нерадивых?
Ведь как печешься о добрых старых традициях!
Восстанавливаешь честь и нравы отцов и дедов наших, превозносишь те деяния, что сейчас не в чести: верность семье, роду и племени.
Так восстанови и честное имя мое. Ведь ничего не сделал дурного. Ни тебе, ни Риму.

Томы. 743 г. от основания Рима (10 г. н. э.).
11 декабря. В 3-й час после восхода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет.
Я часто спрашиваю, себя, божественный Август, – сейчас, как никогда, у меня есть для этого время: «Как изменится Мир, если служить не правителю, а идее»?
Тебе, Август, как никому будут близки мои слова, так как, получив власть из рук Цезаря, ты призадумался о жизнеустройстве Рима и стал сверять время новое, когда Рим стал республикой, и старое, когда нами правили цари, первым из которых, разумеется, после Ромула, был величественный Нума.
За семь столетий, что прошли с того времени, мало что изменилось внешне в устройстве Рима: и календарь, и ремесленные коллегии, и понтифики, и даже весталки – все те же. Но что-то изменилось. Наверное, много раз ты спрашивал себя: что?

И не сразу находил ответ.
Меняет ли время людей? И да, и нет.
Верность и предательство, честь и бесчестие, вера и неверие были всегда. Они соседствуют в человеке, как река соседствует с берегом, как Солнце соседствует с Луной, реки с морями, а звезды с небом.
Ты вознамерился возродить то старое, доброе, что было при Нуме Помпилии, но есть и сейчас, возможно, в меньшей степени. И взялся искоренить, то «новое», злое, что есть сейчас, и есть, наверное, в большей степени, чем было в старое время.
Но оно было. И не может исчезнуть, как все другое, что было: как радость жизни, любовь, вино, измены, игра в кости, тяга к переменам и нелюбовь к новому.
Падение нравов, Август, как ты его понимаешь, нельзя излечить законами и твоими эдиктами.
Нельзя заставить гражданина надевать строгую тогу, если он хочет носить легкий плащ.
Невозможно законом о прелюбодеянии заставить женщину любить мужа, за которого ее выдали помимо ее воли, или мужчину – быть верным жене, если он полюбил другую.
Как нельзя заставить граждан любить правителя только за то, что он предоставляет им хлеб и зрелища в неограниченном количестве, отнимая у них другие права.
Каждый сам вправе решать эти вопросы морали и чести, согласуясь со своей совестью и честью, а не твой личный суд, Август, который ты поставил выше коллегии судей, и не твое слово, которое ты противопоставил слову каждого.
Будь здоров.

Томы. 743 г. от основания Рима (10 г. н. э.).
11 декабря. В 1-й час после восхода солнца.

Часть III. Год третий

Письмо десятое. Овидий императору Августу

Приснился мне сон. Я знаю, какое значение ты снам
придаешь, божественный Август. Значит, поймешь ты
меня и мои опасения. Так слушай рассказ мой:
«Отец седовласый, в белую тогу одет, с лентой
пурпурной, как всаднику быть надлежит, и
мать – в тунике просторной цвета небесной лазури –
с тревогой подходят ко мне. Отец к изголовью
кладет холодную руку, а мать, причитая, руками
держась за подол, встает на колени.
Я с ложа холодного тщетно пытаюсь подняться
и с ужасом понимаю, на это мне сил не хватает.
– Не нужно, сынок, – мне мать говорит. – Мы
знаем, не можешь ты встать.
И оба, плащи накинув на плечи, в темноте
растворились». Тут в ужасе я просыпаюсь.
Что думаешь ты по этому поводу, Август?
Сдается мне, сон, увиденный мною, о том говорит,
что выйти из ссылки уж мне никогда не придется.

Томы. 744 год от основания Рима (11 г. н. э.).

15 января. В 6-й час после восхода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет.
Третий год пошел моей ссылке.
Каждый день – это муки, поверь мне,
а что говорить о неделе, месяце, годе?
Вопросы, что тебе задаю,
то ли теряются среди волн бескрайних
Понта Эвксинского,
то ли сдуваются суровым Бореем во Фракию,
где дикие даки и геты, что там обитают,
слышат меня и не понимают ни слова.

Но не им предназначено…
Если долетит до тебя хоть словечко,
дай знать, божественный Август.
Будь здоров.

Томы. Берег Понта.
744 год от основания Рима (11 г. н. э.).
15 января. Во 2-й час после восхода солнца.

Письмо одиннадцатое. Овидий императору Августу

Десять писем тебе отослал, о божественный Август.
Вот еще один свиток, не медля, к отправке готовлю. В нем
я выражу мысль, которая, возможно, покажется тебе
странной,
но изволь до конца выслушать тезу мою.
Как волей Гомера Улисс в царство теней был отправлен,
так и я волей твоей с ним нахожусь по соседству.
Вот, проверь эти строки слепого поэта. Как к Улиссу,
так и ко мне они отношенье имеют.
«Там киммерийцев печальная область была,
покрытая вечно туманом и мглой облаков;
никогда не являет там оку людскому лица своего
лучезарного Гелиос, землю ли он покидает,
всходя на обильное звездами небо,
или с неба обильного звездами сходит,
к земле обращая свой взор. Искони ночь безотрадная
всех живущих там окружает».
– Мы дошли до края земли, –
устами Гомера Улисс сообщает. –
Здесь река-океан протекает по равнине безлюдной.
Чем это не Дунай полноводный, что весной растекаясь,
подобен бескрайнему морю? Стоя у кромки воды,
берега на другой стороне ты не увидишь.
Здесь Сизиф обречен
вечно свой камень катить на невысокую гору.
Холм этот рядом с домом моим расположен.
А несчастный Тантал,

что в озеро погрузился по горло,
жажду не может озерной водой утолить.
Вижу частенько его из окна моего на закате.
Стрелы летят. То не скифы и не киммерийцы,
то Геракл свой лук натянул, тетиву отпуская.
Здесь, в царстве теней, с матушкой грустной
Улисс говорил. Там же и я видел во сне свою мать.

На этом сходство наше кончается, Август.
Улисс царство теней благополучно покинул.
В дом к Пенелопе своей он успешно вернулся.
Для меня же, я знаю, Аид родиной вечною станет.

Томы. 744 год от основания Рима (11 г. н. э.).

22 февраля. В 8-й час после восхода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет.
Опять зима. Не люблю ее, Август.
Ворочаюсь во сне, а тело словно примерзло к
постели. Вот встану сейчас, разведу очаг, согрею
озябшие руки и напишу тебе письмо.
И вот уже пишу его.
Я придумал себе такое занятие, Август. Делаю
что-нибудь, и наблюдаю за собой со стороны. И
кажется мне, что в комнате не один, а двое нас.
Один – делает, другой – смотрит. И уже веселее.
Хотя иногда хочется заплакать. От тоски, от
бессилия, от злой судьбы, что ты уготовил мне.
Но, как увижу мои слезы, еще не родившиеся,
сразу глаза высыхают, так и не выпустив слезу.
Вот если бы было так: стрела, выпущенная диким
сарматом, легла бы обратно в колчан со стрелами,
еще не успев сорваться с тетивы, и он ускакал бы
за Дунай, подминая копытами коня выцветший
ковыль, обнял молодую жену, народил детей и
пахал бы всю жизнь поле и сеял пшеницу.

Или весталка в Риме, которую наказали за
распутство, не успев быть заживо погребенной
в холодном склепе, оказалась бы вновь в храме
Весты – чистой и непорочной. Может, подумала,
бедная, что зря обратила свой взор на румяного
юношу, встретившегося ей на Аппиевой дороге.
Я, как та весталка, Август… Знал бы, что «Наука
любви» послужит предлогом убрать меня так далеко,
не грешил бы писанием стихов.
Знаешь, чем я от нее отличаюсь?
Когда ее опускают в подземный склеп, она
кричит, что невиновна.
Когда натыкается на еду, что ей оставил палач,
замолкает, ест мясо, запивая его вином.
Когда слышит, что ее замуровывают заживо,
тихо плачет.
Отвечу вместо тебя, Август. Отличаюсь лишь тем,
что ты не оставил мне еды.
Тебя ведь не заботит, на что живу я, что ем,
что пью, и кто стирает мне грязное белье,
которое я бросаю в урну,
как и это письмо, что тебе написал.
Ну и крепко замуровал ты меня,
Август! Будь здоров.

Томы. 744 год от основания Рима (11 г. н. э.).
22 февраля. В 3-й час после восхода солнца.

Письмо двенадцатое. Овидий императору Августу

Вспомнил я портик в саду у Валерия Мессалы.
Пронзительный запах цветущих гортензий и
олеандров проник в мою комнату вместе с шумом
ручья и пением птиц и навеял то счастливое время,
когда в чтении книг и декламации стихов
мы весь день упражнялись без устали.
Чем потчевал нас твой друг Мессала,
божественный Август?

На утро – стихами Тибулла, на обед – рифмами
Проперция, под вечер – образцами Александрийской
поэзии.
Не раз и не два и я приносил угощенья.
Что могу позволить себе теперь?
Кочанчик салата – вместо стихов Корнелия Галла,
три улитки – заменяют десяток эклог Горация,
свекла – соперничает с любовными похождениями
Тибулла,
икра морского ежа – благодарю богов, что не колючки, –
вторит нежным элегиям Проперция.
Таков мой обед сегодня. Без любимых книг и друзей,
без колонн портика, ослепительно белых.
Холодные стены внемлют стихам, и то лишь
только моим, родившимся у остывшего очага.
Жаль, тебя не было с нами, божественный Август!
Может, и не лишил меня скромной пищи моей,
будь очевидцем ты наших прочтений. В то
счастливое время приходил ты лишь в дом
Мецената, и то ненадолго, только чтобы
послушать песни Горация и Вергилия,
что сложили они о тебе.

Томы. 744 год от основания Рима (11 г. н. э.).

14 мая. В 5-й час после захода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет.
Послушай, Август, ты и впрямь уверовал,
что восстановленная республика, о которой ты
объявил сенату и народу, является республикой,
более того, тобой восстановленной?
Позволь спросить, не является ли создание
при твоей особе Совета по выработке предложений
сенату признаком твоей диктатуры?
Ведь предложения вносят лишь члены совета после
твоего одобрения, а сенаторы только безропотно

голосуют за них. А как может быть иначе, если
ты присвоил себе статус «принцепса», имеющего
право выступать первым на любом заседании?
Давай перечислим права, которыми ты облек себя.
Ты не раз избирался народным трибуном,
хотя по всем положениям трибун
выбирается из плебеев, но не из патрициев,
каким являешься ты по праву наследования.
Ты имел честь быть консулом и проконсулом –
многократно и лично руководил провинциями
и легионами, что в них расположены.
Ты облачен верховной властью «imperium maius» и
тебе принадлежит контроль над армией и
преторианской гвардией, префектов которой ты
назначаешь лично.
Ты вместе с другом своим Агриппой являешься
цензором с правом проводить чистки в сенате.
Не потому ли он так послушен тебе?
Ты после смерти Лепида стал и верховным
Понтификом. Теперь только ты вправе следить
за культом наших любимых богов…
А говоришь, что просто имеешь у римлян авторитет?
И не более того?
Да ты властью такой обладаешь, что царю Тарквинию,
свергнутому Юнием Брутом, и не снилось!
И ты простодушно еще заявляешь: «Власти у меня было
при этом не больше, чем у многих товарищей,
занимавших государственные посты».
Будь здоров.

Томы. 744 год от основания Рима (11 г. н. э.).
14 мая. В 3-й час после захода солнца.

Письмо тринадцатое. Овидий императору Августу

Вот строки, божественный Август, которые я
передаю с кораблем Марцелла Руфа,

вопреки обещанию больше стихов не высылать тебе.
Прости, что нарушаю слово мое, но ты поймешь меня, прочитав письмо до конца.
«Благая Венера в римский явилась сенат и, незрима никем, похищает Цезаря душу.
Не дав ей в воздушном распасться пространстве, в небо уносит и там помещает средь вечных созвездий.
И, уносясь, она чует: душа превращается в бога, рдеть начала; и его выпускает Венера; взлетел он выше луны и, в выси, волосами лучась огневыми, блещет звездой».
Я писал тебе, божественный Август, что сжег на костре все пятнадцать книг «Превращений». Вчера случилось чудо! Разбирая старый сундук, я нашел этот свиток, последний из моей книги, где описал, как отец – твой и всех римлян – Юлий Цезарь, становится богом.
Не был на зрелищах я, что устроил ты в честь Венеры Прародительницы после прощания с Цезарем. Только лишь на свет появился тогда я, но знаю, что во время них в небе явилась комета и поняли все, что душа Цезаря обрела бессмертие. Стих мой был навеян скульптурой Цезаря со звездой на голове, что поставил ты в храме Венеры.
Скоро тот день наступит, когда ты с триумфом вступил в Рим после победы над Антонием и Клеопатрой, избавив отчизну не только от убийц Цезаря, но и от коварных врагов отечества.
Пусть мой скромный стих навеет тебе память о любимом наставнике твоем, дело которого ты продолжаешь столь успешно.

Томы. 744 год от основания Рима (11 г. н. э.).

25 июля. В 5-й час после восхода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет.
Я бы никогда не ставил статуй живым людям, божественный Август. Думал, и ты того же мнения. Ведь ты возмутился, когда узнал, что друг твой и наместник в Египте Корнелий Галл поставил свои статуи, как божеству, рядом с египетскими богами и начертал свои деяния на египетских пирамидах.
Будь здоров.

Томы. 744 год от основания Рима (11 г. н. э.).

25 июля. В 3-й час после восхода солнца.

Окончание следует

Женя Голубенко

Animal planet

– Жена у меня говно, но собака меня любит.

Сосед алкаш

Собака такса весело бежит по аллее парка. Собака такса весело упала в открытый канализационный люк. Она с высоты своего малого роста увидела отверстие слишком поздно. Зверю крупно повезло: люк до середины засыпан мусором, а сверху еще и ветку кто-то бросил. Конечно, собака на своих лилипутских ножках по ветке бы не выбралась. Случайному прохожему пришлось лечь на живот, свеситься вниз и вытащить ее наружу. Гораздо раньше, чем подошла хозяйка и успела испугаться, – понять, что произошло.

Цепные собаки, которых я помню: Рекс, Тузик, Пальма, Бобик, Мухтар, Босая, Пират, Жулька, Маричка. Как попасть в дом, если во дворе вдоль длинной проволоки на цепи бегает собака? Надо, приоткрыв калитку, докричаться до хозяина, затем бочком, бочком, вдоль стеночки за его спиной дойти до угла и в самом опасном месте подождать, когда пса загонят в будку и закроют своим задом. И только потом, пока он рычит и возится в темноте, – быстренько сигануть на крылечко и проскочить в дом. Цепные собаки почти никогда не нападают вне охраняемой зоны. Если собакам удается изредка сорваться с цепи на прогулку – никакой опасности для людей они не представляют. За исключением печальных эпизодов удушения соседских кур. Своих кур они никогда не трогают.

Адольф Гитлер, великий мистик, верил, что если затопить Берлинское метро – можно спровоцировать всемирный потоп. У него

не получилось. А я, темный в оккультизме, купил кофр для фотоаппаратуры, хотя и не думал заниматься фотографией – просто сумочка удобная приглянулась. Из толстой кожи, очень прочная и вместительная. А вскоре я неожиданно «подсел» на фотографию, вернее, товарищ меня совратил, подсунув свою фотокамеру, когда я ехал в путешествие. В другой раз я купил для кошки собачий поводок-сбрую – хотел приучать ее к прогулкам во дворе. Удивительно было наблюдать, как ловко кот Кицман из него выбирался: становился на задние лапы, извивался, вывинчивался, как змей, подпрыгивал, «козлил». До прогулок дело так и не дошло, но через пару недель в доме завелась собака, и снаряжение оказалось ей как раз впору.

В раннем возрасте по ошибке мне купили набор масляных красок – совсем не детский, а для профессионалов. А лет через семь я поступил в художественную школу, потом в училище. Всю жизнь запах масляных красок меня волнует физиологически.

Как легко обмануть ребенка. Пятьдесят лет назад старичок кучер посадил меня на козлы рядом с собой, дал в руки вожжи и научил понукать лошадь. Я кричал: – Вье!! И она шла вперед. Когда старичок узнал, что я не выговариваю букву «Р» и не могу остановить лошадь криком: – Тпрруу!!! – он меня страшно огорчил – сказал, что я никогда не смогу управлять лошадьми, карьера извозчика для меня заказана. Я научился выговаривать ненавистную букву, но, как ни странно, он оказался прав – извозчиком я так и не стал.

Не каждому случается лечь на амбразуру, отличиться на пожаре, даже посадить дерево удается не всем. А в далеком советском детстве нам говорили, что в жизни всегда есть место подвигу. Но, как правило, в быту сплошное «мелкотемье» – теория и практика «малых дел»: не испугать голубя, перевести слепую старушку через дорогу или, например, помочь щенку, выскочившему за пределы своего РСУ, вернуться обратно – хотя ворота уже заперты и вахтера нет на месте. Он, несчастный, пытается пролезть между створками и, очевидно, еще недели три назад легко это делал, бегая на улицу и обратно, но… вырос. Вырос, и голова

не проходит в щель. Бросать собаку через ворота опасно – высоко. Я отошел, пригнулся, изучил расстояние под воротами и увидел, что в одном месте на почве углубление. Потом оценил параметры животного: в нем было что-то от левретки, схватил собаку, резко опрокинул ее на бок и, как лист бумаги, просунул под ворота в самом широком месте. Она весело помчалась на свою «историческую родину».

Интересно, что некоторые кошки легко решают такую задачу по геометрии своего тела, заползая под шкаф, лежа на боку.

Я люблю рыбу. Ее вид мне очень по душе. Но как еда… Нет, рыбу я не ем – ее вкус мне неприятен, поэтому я считаю, что рыба мой тотем. Мой предок. Это поэзия. А проза – это детский сад, рыбий жир и тетя Люба повариха. Огромная бабища, фиолетовая, как ее борщи. Она мелко крошила селедку, которую я не хотел есть, смешивала с картофельным пюре и насильственно запихивала мне в рот. Приговаривая при кормлении: – Зараз як дам по пыску! (в смысле, угрожала избиением лица). А вот были ли кошки в детском саду, я не припоминаю.

Собака Каштан в прошлой жизни была инспектором ГАИ. Когда по Успенской мчалась машина с превышением скорости, Каштан бросался наперерез и лаем пытался остановить нарушителя. Реагировали не все, и в результате несколько раз он получал ушибы и переломы передних конечностей. По случаю очередного увечья на «службе» был приглашен для временного проживания в парадное старого дома по месту получения перелома. Остался насовсем. Дом взял под охрану и был очень лоялен к приходящим в гости, исключая посетителей с алкогольной зависимостью. Женился на Каштанке и прописал на своей жилплощади (подстилке на площадке последнего, третьего этажа). Жили они хорошо, но была одна странность – несмотря на наличие собственной парадной, теплой и довольно пустынной, совокуплялись они на улице перед домом, прямо на трамвайной колее, часто разрушая график движения подвижного состава. В какие ролевые игры при этом они играли, разобраться мог бы только Фрейд с учениками, но им, к сожалению, этот случай не известен.

Общежитие отряда ВОХР. Идет интеллектуальная дискуссия среди лимитчиков: стрелков, собаководов и кочегаров, они же – живописцы, скульптора и философы, иногда технари. Посредине комнаты, путаясь под ногами спорщиков, игнорируя высокий градус затронутой вселенской проблемы, старый сибирский кот Василий, потомок кошек, завезенных из русской глубинки в город на Неве взамен съеденных блокадниками, насилует мать тридцати уже взрослых детей Чернушку. И никакого эксгибиционизма в этом нет и в помине, ведь и люди мало тяготятся присутствием своих домашних животных в аналогичной ситуации. Кому придет в голову стесняться своей кошки?

Аналогичный случай, кстати, был в Крыжополе, пардон – в Монреале на центральной улице Шербрук. Прямо на асфальте тротуара мужчина белка схватил девушку белку за холку и взгромоздился на нее, не обращая внимания на прохожих. До этого «белк» долго мчался за суженой по зеленому газону парка, а когда

она выпрыгнула на улицу сквозь ажурную решетку – последовал за ней. Поток машин испугал «девушку», она замешкалась, и «парень» без прелюдий овладел ею.

Студенты во время добровольно-принудительных сельхозработ на болоте нашли дикую утку-подранка. Их очень тронул вид покалеченного животного. Они принесли утку в общежитие, окружили заботой и были возвышенно горды своей добротой. Забота продолжалась день, два и три, но не ветеринары быстро поняли, что зверя им не вылечить. Погоревав, они приготовили из нее жаркое – не пропадать же добру. Тем более что кормили студентов кое-как.

Хэмингуэй советовал: если хочешь получать удовольствие от корриды, не зацикливайся вниманием на распоротом брюхе лошади пикадора. Я же советую не рассматривать крысиные хвосты, а сосредоточиться на довольно симпатичных физиономиях этих тварей. На кухне общежития кошка играет с полуживой окровавленной крысой – не для потехи собравшихся жильцов мужского пола, а для обучения своих детей. Котята робеют, они раньше не видели крыс. Зрители возбуждены, как футбольные болельщики, подбадривают молодняк и веселятся. Крыса стоит в углу на задних лапах – она нутром знает, что кошка хватает только сзади и за холку. И тут я первый раз в жизни убил крысу, ударив ногой по голове, прекратил аттракцион – от стыда за наши дикие первобытные инстинкты. Кошка не поняла, и конечно, сильно обиделась.

Открытие собачьего приюта в Одессе. На деньги немецких благотворителей. Праздник. Гостей водят по территории, показывают помещения и рассказывают о назначении каждого. Все новенькое и нарядное, как детский конструктор «Лего». Но какая-то смутная тревога от этих веселеньких сооружений – и вдруг догадка-воспоминание: где же я видел подобное? Ну конечно! Это же почти точная копия лагеря в Освенциме! Те же длинные бараки, та же немецкая рациональность планировки. Только цель постройки совсем другая – минус поменялся

на плюс. В голову лезут дикие пугающие мысли. Немца, любого человека, можно только переориентировать, а характер, натуру, изменить нет никакой возможности. Бедный Карл Маркс и верующие в возможность создания «Нового человека»…

Собаку с серьезным именем Шар я не встречал никогда. Впрочем, и Тузы мне не попадались. Тузик Анны Ивановны – симпатичный брюнет, довольно мелкий и коренастый – нес службу у курятника. Конец цепи был надет на лезвие немецкого штыка, а штык по рукоятку воткнут в землю. Похожим штыком Костенчиха – соседская тетка, мать хронического вора, колола всех свиней в округе. После войны прошло шестнадцать лет. Дядя Тосик, живший в домике под скалой, чистил сортир немецкой каской, прибитой к длинному шесту, – эдаким здоровенным уполовником, а дедушка моего друга Шпындыка приспособил колеса от станкового пулемета к ручной тележке, и все вместе это можно называть «эхом прошедшей войны». Как мне хотелось вытащить из земли штык Анны Ивановны, привязать Тузика к ножке кроличьей клетки и бегать с настоящим, не игрушечным оружием по улице, размахивая, как мечом!

– Гав! Гав! Гав! – маленький мальчик тычет пальцем на кошку, лучезарно улыбаясь своей матери.

– То нэ гавко, то нявко! – поправляет его любящая украинская мать.

В городском парке монашки повадились пасти своих коз. Породистый пес – истинный горожанин, смотрит на диковинку с любопытством. Он только все время поворачивает голову к своему хозяину с выражением на морде: «Я не понял? Что за звери?». Хозяин, загадочно улыбаясь, отшучивается: «Собаки это. Рогатые собаки, что, не веришь? Бывают и такие». Конечно, слова хозяина – закон, но пахнет же козлом!

Он бросил на нее задорный оценочный взгляд, наклонил голову и прищурился. Не ухоженный, но веселый и нахальный, он подмигнул ей и отвернулся, как бы равнодушно, искоса поглядывая из-под своих длинных собачьих ресниц. Она разволновалась,

завиляла хвостом и посмотрела в глаза хозяину. Хозяин сделал вид, что ничего не заметил, и отвернулся. Шавка Белова смотрела на кобелька восхищенными глазами. «Обыкновенное чмо, – подумал хозяин. – Что она в нем нашла?» Песик глянул на сучку и кивнул головой в сторону кустов – «Ну что, слиняем потихоньку?». Она не могла. Она не могла без разрешения. Она должна была получить его от хозяина, а он делал вид, что ничего не происходит. Кобель подбежал к сучке и обнюхал-освидетельствовал свою избранницу, как китайский врач, во все главные места. Девушка покраснела от смущения (под шерстью этого не видно), высунула язык и тяжело задышала. Кавалер нарочно отбежал подальше, делая вид, что уходит совсем. Но не ушел, а опять призывно кивнул ей головой: «Ну что же ты? Решай быстрее, пока я не передумал!». Шавка ринулась за ним и испуганно остановилась, оглянувшись на хозяина. Хозяин погрозил ей пальцем. «Казанова» отбежал еще дальше и оттуда стал звать за собой «в даль светлую». Сучка разрывалась на части: она хотела любви и не могла ослушаться-огорчить хозяина. Хозяин выругался, плюнул и отпустил ее. Не жестом, не словами, а как-то внутри себя телепатически смирился: да катитесь вы оба нафиг!

Она пришла домой вечером виноватая, усталая и счастливая. Но, как ни странно, не беременная, что выяснилось через некоторое время.

Парадная хрущевской пятиэтажки. Черная с седой мордой, толстоватая на коротких ногах и ужасно злая собака тащит свою хозяйку на прогулку. Жуткий лай и хрип: сама себя душит, натягивая поводок. А следом с виноватым выражением на лице – ее хозяйка. Женщина краснеет от стыда за свою невменяемую собаку. Встречный бомж, на которого бросилась собака, успокаивает великомученицу: – Ничего, ничего, не беспокойтесь, со мной все в порядке – а собачка ваша не злая, это она от страха сама себя подбадривает.

Научные сотрудники, работающие с подопытными животными, утверждают, что участившиеся случаи нападения на лаборатории и последующий выпуск несчастных животных на свободу абсолютно неприемлем потому, что на воле эти кролики, крысы и т. д. все

равно сдохнут. Однако в Одессе в парке им. Шевченко под ларьком для продажи футбольных билетов долго жила популяция гибридных крыс. Попадались образцы совершенно белые, лабораторные, много было обыкновенных серых и масса потомков от смешанных браков – пятнистых, как кошки. Встречалась и кошка с электродами на голове, но вот она действительно вряд ли долго протянула.

Тузик, очаровательный обаяшка, самоуверенный бодрячок, и Шарик-Димка – печально робкий, как Пьеро, – друзья не разлей вода. Все как у людей: Тузик – лидер, Шарик-Димка – преданно любящий друг. Всюду вместе. Тузик открывает лапой дверь в комнату монтажного цеха и стоит на пороге с выражением: «Ну, вот он я, не ждали? Встречайте! Не вижу восторга в глазах! Что там у нас на ужин?». А из-за спины за мельтешащим хвостом просматривается эрделеобразная морда друга. Тузика отравили (как до этого еще три десятка собак киностудии), а через неделю после его смерти Шарика-Димку сбила машина, прямо напротив проходной. Он даже улицу не умел самостоятельно переходить.

Когда я выхожу на балкон в белом костюме (или черном, или в одних трусах), на шум открывающейся двери сбегаются кошки со всего двора, рукоплещут мне и таращат глаза, как солдаты на своего генерала. Вот что такое настоящая популярность, настоящая любовь электората. Почему объедки моей кошки им вкуснее, чем еда, которую они получают от своих хозяев? Не знаю. Я кормлю их далеко не каждый день, однако если бы выборы в президенты происходили только в моем дворе, вне всяких сомнений – у меня нет соперников. Им не нужны зрелища, мне не приходится им петь, танцевать и устраивать гладиаторские бои. Единственное, что немного обидно, когда я случайно встречаюсь с ними во дворе – кошки не узнают меня. Образ Бога на балконе и этот невзрачный немолодой человек в их сознании никогда не сливаются.

Чернуха как таковая. Хвост крысенка прижат пружиной мышеловки, но он спокойно доедает наживку, кусочек сыра, а в полупустой ванной на поролоновой мочалке, как матрос, плавает другая крыса.

Сюрприз гламурный: ваша собака притащила с прогулки кольцо дорогой сухой колбасы.

Сюрприз некрофильский: Вывалялась в какашках и принесла домой ногу полуистлевшей кошки.

– Дед, дед, смотри! Собаки твою ногу потащили! – вопят, выглядывая в окно, пациенты хирургического отделения Белокурец, Голубенко и Мацалышенко. Действительно, на задворках райбольницы возле зарослей камышей на помойке собаки что-то нашли и дерутся за добычу. Дед только что пришел в себя после ампутации и не реагирует на шутников.

У меня нет информации, я, к сожалению, никогда не слышал об исследованиях, посвященных воздействию собачьей или кошачьей мочи на автомобильные покрышки. Ну, допустим, на докторскую эта тема и не тянет, но для курсовой работы – вполне пристойно можно было бы изучить вопрос, снабдить рукопись фотографиями и схемами. Химический анализ провести, исходя из качества питания животных. Сравнить эффект в разных климатических условиях. В условиях Заполярья, например. А какая тема – собаки и велосипед! Сколько пострадавших могли бы дать показания, поделиться опытом и воспоминаниями! Лично меня всегда удивляло – насколько быстро собаки теряют интерес к поверженному велосипедисту.

Художник Давид Герард. Традиционная техника. Для его времени, разумеется. «Дева Мария кормит кашей младенца Христа» – аналогов не встречал, редкий образец индивидуального мышления. Его же «Бегство в Египет» – Иосиф на заднем плане дрючком сбивает с дерева плоды. Или картина «Царь Камбиз и судья Сизамн» – слева на переднем плане собака занята интимной гигиеной, говоря попросту, задрав лапу, вылизывает свои гениталии. Все эти работы и смелее, и глубже работ большинства современных эпатажников. Отдельная тема в искусстве – поиск блох на теле любимых животных. Изумительное выражение блаженства на лице собаки в картине Нуньеса де Вильявисенсио.

В кабинете географии висели муляжи из папье-маше. Они изображали разные виды эрозии. Красиво изуродованные скалы, торчащие из нарисованной воды, – с подписью: «Работа моря». Другое изделие иллюстрировало работу ветра – Кольцо-гора возле Кисловодска.

У меня дома есть интересный образец под названием «Работа Зигфрида». Три ножки кухонного стола, об которые вот уже семнадцать лет точит когти наша кошка. Именно кошка, а не кот, как может показаться из ее имени (мужское имя она получила по нашей ошибке при определении ее пола). Ножки стола по форме напоминают песочные часы – настолько они истончились посередине. Глубокие параллельные борозды от когтей волнисто, повторяя волокна древесины, тянутся почти до пола. Интересно, что четвертую ножку стола кошка почему-то игнорирует.

На наших с женой глазах кавказская овчарка перекусила позвоночник уличной кошки. Собака вырвалась из рук хозяйки и бросилась на не успевшую спрятаться за мусорный бак жертву. Мы могли бы и не увидеть этот кошмар, могли не пересечься с ним во времени и пространстве, если бы не мое упрямое нежелание переплачивать таксистам в аэропорту. Я настоял на поездке автобусом, и вместо того чтобы ехать до самого дома на такси, мы доехали до конечной у ж.-д. вокзала, а дальше тащились с вещами на остановку трамвая, на пересадку, где и случился ужасный инцидент. Естественно, что всю оставшуюся жизнь меня мучает вопрос: жадность наказуема? Что я сэкономил, если учесть, что пришлось все равно ловить такси, парализованную кошку везти к ветеринару и платить за усыпляющий укол?

– Что это у тебя? – Коля Голюшев, учитель рисунка, смотрит мои натурные зарисовки на летней практике у берегов Волги. – Так, я вижу, свинья. Еще одна свинья. А это что? Групповой набросок. Еще свиньи. Да, понятно, а это? Целое стадо. Хорошо. Хорошо. Неплохо. Что еще у тебя есть? Вот это? Ну-ну, сейчас посмотрим. Опять свиньи? Сколько свиней! М-да! Может, хватит? Да ну их на…! Да ну их… к свиньям! Рисуй уже что-нибудь другое!

Дядя Коля инвалид войны. Дядя Коля гонял машины зимой через Ладожское озеро. Завистники и злые языки утверждают, что он сказочно разбогател, перевозя блокадников на Большую землю, – люди отдавали последнее, чтобы вырваться из осажденного Ленинграда, а именно: снимали с себя золото и драгоценности. У дяди Коли ночью боли и бессонница, поэтому он спугнул вора, застрявшего в его форточке. С тех пор мелкую истеричную собачонку по имени Пальма, целый день лаявшую на цепи у сарая, на ночь забирали в комнату. Врачи рекомендовали инвалиду кушать домашних голубей, но это ему не помогло – прожил он недолго. Фантазия дяди Коли была недюжинная. Один из образов, им созданных, живет во мне уже лет пятьдесят. Чтобы я не подбирал с земли и не тащил в рот незрелые яблоки, он уверял меня, что внутри плода живут крохотные зеленые лягушки. И представьте себе – я их видел!

Старая облезлая лиса провожает глазами поезд. И о чем она думает? Может, ей кажется, что внутри вагоны набиты молодыми сочными мышами?

Старик индус не стрижет ни волос, ни ногтей. Ногти вьются полутораметровыми спиралями и мешают при ходьбе. Но ему и незачем ходить – он демонстрирует прохожим дело своей жизни – отращивание ногтей, и его из уважения за это кормят. А собака жильцов лачуги возле средней школы № 13 ничего не демонстрирует, хотя ее когти на ногах, каждый в отдельности, уже похожи на бараньи рога, и ходить собаке нет никакой мочи – она мучительно ковыляет. Это глупые дети из любопытства остригли ей когти, и те разрослись до немыслимого размера.

В реке моего детства всегда плавала падаль. И мы всегда купались в этой реке Смотрич (левый приток Днестра) – другой у нас не было. Кто замечал первым – орал привычное: «Атас! Здыхота!». И все выскакивали на берег, переждать, пока проплывет разбухшее покрытое мухами тело. Чаще всего собаки, иногда свиньи, реже теленка. Плавали в Смотриче и трупы убитых людей.

Народная присказка, выражающая самую превосходную степень любовного отношения: она моет ноги, а он эту юшку пьет. Маленький кобелек Эдик, смуглый, армянской внешности, был безумно влюблен в Шавку Белову – действительно блондинку. Стоило ей присесть на минутку и пописать на асфальт – он жадно лакал ее мочу, хотя я уверен, что он и понятия не имел о модном увлечении уринотерапией. Конечно, он бы и воду помойную пил с удовольствием, но ей не случалось при нем мыть ног.

Лишние люди – модная проблема девятнадцатого века. Онегин, Печорин, Базаров. Лишние кошки – тоже вопрос не из простых. Куда их девать, что с ними делать? Сажать на клумбу, как делал один знакомый со своими подросшими котятами, в надежде, что добрые люди подберут? Нести на рынок и сидеть с табличкой: «Дарятся котята на хорошее содержание»? Или звать на помощь какую-нибудь знакомую тетю Валю – она мастерски утопит излишки в ведре с водой. При советской власти врачей-ветеринаров, специализировавшихся на домашних жи-

вотных, почти не было (котов с грехом пополам еще кастрировали, а кошек очень редко), а возня с не коровами и не свиньями приравнивалась к буржуазным пережиткам. Дамочка с любимой кошечкой – образ карикатурно отрицательный, квинтэссенция мещанства на фоне бравых и мужественных строителей коммунизма. Однако две плодоносящих три раза в год кошки (в расцвете репродуктивных сил) давали приплод приблизительно около тридцати особей в год…

Сорок лет назад в самом центре Одессы глубокой ночью я увидел странное существо. Размером с кошку, оно перебегало трамвайные пути. Было темновато, но очертание зверя, контур, освещенный сзади, был четкий и не характерный для кошачьих. Спина выгнута дугой, живот подтянутый и прыжки как бы ныряющие. И хвост – очень длинный и пушистый. Видение было слишком коротким, чтобы рассмотреть животное подробно. А когда исчезло, то и вовсе стало казаться, что мне померещилось. Но коренные одесситы совсем не удивились: «Да это куница, их тут по чердакам кишмя кишит!». Больше я их не видел, почти сорок лет меня мучила мысль: как же так, они живут рядом, а мне не встречаются? И вдруг в прошлом году на моей крыше в сумерках возле печной трубы я увидел темный силуэт. Странность была в том, что ни одна дворовая кошка на этом участке крыши не появлялась никогда. У них свои привычки и свои маршруты. Две ветки старой липы используются кошками, а третья почему-то им не интересна. И вот эта вроде кошка повернулась в профиль, и я увидел характерную змеиную головку на длинной шее: то ли горностая, то ли хорька, то ли норки. Куница каменная – так обозначено это существо в энциклопедии. Ведет ночной образ жизни, в городах питается крысами и голубями. Любит грызть провода кабельного телевидения. Звери (их оказалось трое) заявились, привлеченные запахом моего грача, он, как граф Монте-Кристо, уже четыре года долбил стену мансарды изнутри. Люсьен надеялся выбраться когда-нибудь на свободу, не понимая, что с поломанным крылом на воле он не жилец. В летнюю жару специфический аромат курятника через открытое окно моей мастерской распространился по округе. И вот эти три весе-

лые сволочи, как их окрестила моя жена, а я назвал Мария, Роза и Рая, устроили под окнами мансарды настоящее цирковое представление. «Ужимки и прыжки» редкой красоты демонстрировала эта группа. Но до окна добраться так и не смогли – высоковато даже для их проникающей способности. С этого дня, как только начинает смеркаться, они появляются на фоне еще светлого неба на крыше пристройки. Сначала смотрят по сторонам и на меня, сидящего напротив, этажом ниже, на балконе, как в ложе театра, – всего метрах в десяти от них. Потом подбегают к окну мастерской – проверить, нет ли для них чего-нибудь вкусного (все, что не доедает птица, я через форточку теперь выбрасываю на крышу для них). А дальше у куниц образовался один и тот же маршрут: по ветке огромной липы они спускаются вниз до основной развилки, а оттуда по другой ветке поднимаются на крышу противоположного дома. И там я их теряю из вида в густой листве дерева. Временами я слышу, как они возвращаются из соседнего двора: с характерным «щебетом» проносятся по дереву, молниеносно, куда там кошкам. Иногда на чердаке я вижу в пыли их следы. Даже если они не попадаются мне на глаза очень долго – я все равно чувствую их присутствие, и это меня радует.

Рисунки автора

Валентина Голубовская

Цвет «блохи, упавшей в обморок»

Наша речь становится простоватой. Может, это связано и со зрением? Анна Ахматова вспоминала, как ее мать, увидев, что дочь читает при двух зажженных свечах, выговаривала: «Что это ты иллюминацию устроила?!». Может, мы разучились замечать тончайшие оттенки и видим, в основном, синий, красный, зеленый и другие цвета без градаций? Пожалуй, только в профессиональной среде сохранились определения, неизвестные или забытые простыми смертными. Действительно, ну кто сейчас скажет, как Марья Антоновна: «Ах, маменька, вам нейдет палевое!». Восемнадцатый век увидел или выдумал все эти невероятные названия цветов и оттенков – «цвет блохи, упавшей в обморок», «задумчивой блохи», «раздавленной блохи»… Следующий век сохранил только общее название – пюсовый (блошиный) цвет. Читаешь Гоголя, Островского и погружаешься в фантастический цветной мир, где сотням оттенков даны свои имена.

Я выбирала помаду. Продавщица недовольным голосом спросила: «Женщина, что вам нужно?». Я, стерпев это «женщина», ответила: «Помада теплого цвета». Она с недоумением посмотрела на меня и спросила: «А что это за помада?». Очевидно, она подумала, что это какая-то новая помада, согревающая губы…

Аркадий Маргулис

Дилижанс для сумасшедших

В последние дни небосвод сердито льнул к земле, сжимая и без того чахлое пространство, зазор, примерявшийся исчезнуть со всем содержимым. Пропадет – что тогда?

Беспросветная сомкнутость туч порождала беспокойство – Гайк испытывал болезненную, сродни тоске, тягу забраться куда-нибудь подальше и поглубже. Темнеющая незавершенность океана, его набережная, почти безлюдная в это время, обретали черты вечернего оживления. Далеко раз за разом вспугивал сумерки маяк, мгновенно пробрасывая по воде яркое мерцание, прибрежные фонари, разом вспыхнув, впустую освещали тупики прогулочных маршрутов. Еще немного – и сюда съедутся велорикши, теснясь в стороне и притом исхитряясь помешать прохожим. Занимательная логика. Под любой хомут найдется шея: даже если заработок грошовый, за клиента предстоит побороться. Гайк ухмыльнулся, угрюмо пошелестел в кармане ассигнацией и взбодрил мелочь – так, чтобы звякнула. Все-таки у него дела обстоят чуть лучше, хватит и на чайничек чаю, и на пахлаву, липнущую ко дну блюдца, и на пачку сигарет, непременно длинных. Это всегда отгоняло унылые мысли. Но не утешало. Главное не грызть себя из-за горестей эмиграции – раздражающей повседневности и гнетущей разницы между «там» и «здесь». Милому душе «раньше»: школа-университет-служба – противостояла постылая новь, к ней не привыкнуть – нужда ишачить в погоне за трепаным центом на платежи. И все сначала, и без конца – отпетая нищета наемного таксиста. Пусть жаль расставаться с монетой, с ней веселее, и все же Гайк свернул к озерцу, всего с лужицу, где на камне изредка и блаженно покрякивали утки. Темнело.

Двери ресторанчиков, кафе, магазинов, галерей и салонов самоотверженно распахнулись, по запаху не заблудиться, и Гайк вошел в чайную напротив. Он любил это местечко – всегда садился к столику, откуда выглядывало озерцо. Что-то оправданное существовало в этой близости: в двадцати шагах бунтующая мощь океана и рядом, под рукой, наивно-домовитое пристанище. В действительности она – благодушная родственность – и составляла мир. Навсегда ли?

Стоило промолчать, но Гайк, пока симпатяга мексиканец выставлял на поднос чайник, блюдце и снимал с витрины привычно расцвеченную пачку, подсказывал:

– Зеленый чай… пахлаву… «Next», длинные…

– О-кей… О-кей… – поощрительно улыбался мексиканец. Примитивная хитрость – именно он когда-то подсунул идею, и Гайк наспех вымерил разницу между сигаретами в длине. Захотелось проверить. Впрямь выходило, что цена «длинных» по кругу все-таки отстает от «коротких». Немного, и все же Гайк по-ребячьи радовался, осознавая, что в сигаретной дозе выкуривает табаку больше и дешевле. Так не близнецы ли удовлетворение и самообман?

Чайная наполнилась посетителями, набрякла гамом. Гайк не торопился, смаковал пахлаву, пригубливая чай, прислушиваясь к беседе за соседним столиком. Армянская семья, говорили по-армянски. Не все понятно, неясно, из каких мест. Но на душе становилось теплее. Уходя, он приветственно попрощался с ними, они ответили, обрадовавшись ему, как знакомому. Вряд ли это изгои из родных мест, он распознал бы по акценту. Может быть, из Франции или Аргентины, путешествуют сами по себе?

У озерца с утками Гайк застал старого Шона, уже завершившего обход закоулков и в одиночестве переводившего дух на скамейке. Год за годом его, ветерана, все не увольняли из полиции – воздавая должное боевым заслугам. Поговаривали, что он геройски воевал в молодости, теперь униформа топорщилась на нем, выказывая никчемность бренного перед вечностью. В любом возрасте не грех помечтать – несмотря ни на что иногда сбывается. Недавно Гайку повезло снять квартиру вблизи Армян-

ской церкви, и недорого. «В субботу обязательно схожу в храм», – пообещал он себе, здороваясь с Шоном:

– Рад видеть! Как поживает гвардия? Какие новости?

– Пока ничего, мой друг, – ответил Шон, – но есть одна хорошая – тебя встретил. Больше ничего, кажется.

– Даже не припомню, когда виделись в последний раз, – поддержал Гайк с облегчением, – почему-то получается реже и реже.

– Как раз наилучшее из всего, что получается, – сказал Шон.

– Такое чувство, что на этом все держится, – согласился Гайк.

– Ну да, на нас с тобой, – улыбнулся Шон, – и на остальных таких же простаках, как мы.

И они расстались, преисполненные умиротворенности, может быть, благословенной Господом Богом. Рядом празднично светился салон, художественная галерея, – Гайка всегда тянуло сюда к полюбившейся картине. Выразительное полотно: посреди дороги, взлохмаченной проливным дождем, мчался, оттесняя автомобили, почтовый фургон. Стлались в бешеном беге кони. Судя по цене, ее создатель, художник с необычной фамилией Флойхр, уже знаменитость. Еще бы, нешуточная сумма. Консультант, мисс Криста, впервые рассказав о деталях, после всегда удалялась, оставляя Гайка наедине с романтичной загадочностью холста. Лишь изредка позволяла себе задержаться и как-то вручила Гайку визитную карточку, написав на обороте номер мобильного телефона. Вместе это вызывало в душе Гайка невнятное предчувствие удачи, тонкий росток, пробивающийся к солнцу. Разве не случаются в жизни и более редкие вещи? Он стал заходить в салон не только из-за картины, но и ради мисс Кристы. Но сейчас навстречу повеяло отчуждением. Плеснуло навязчивостью от направившейся к нему девушки. В салоне, кроме нее, никого не было. Он сразу же отвернулся – ему претило общаться с нею вместо мисс Кристы. Предвкушение встречи улетучилось, как мираж, – он вышел и побрел к стоянке, где оставил машину, такси бело-зеленой раскраски.

От дороги аллею ограждал забор, ажурное хитросплетение, за ним под клеенчатыми навесами и картонными коробами, насмерть притороченными к опорам, копошились бездомные. Убогое лежбище обездоленных. Казалось, ожившая сеть выловила

из гибельной пустоты отчаявшихся выжить и вытащила напоказ как предупреждение, укор или даже проклятие благополучию. Гайк выбрался на автостоянку, к машине. Мимо по аллее в серебристой сумятице огней пронеслась сцепка силуэтов. В одном из них Гайк узнал Лендмайна. В будни приходилось туго, клиентов на всех не хватало, Лендмайну же везло чаще. Вот и сейчас он в шальном, вовсе не для прогулки темпе увез седока, судя по абрисам, женщину. Лендмайна побаивались – не только коллеги велорикши, но и таксисты, официанты, воры-карманники, бездомные, кто ни попадался под руку. Обычно Лендмайн, вскипая по пустякам, бешено дрался, за что и получил свое прозвище, означающее «фугас». Врагов хватало, друзей, исключая Гайка, не находилось – к тому же оба оказались земляки, одинаково неистовые в ностальгии. Кто знает, отчего на пути у них возник этот город – мало ли их на тихоокеанском побережье Калифорнии? Весь на приютивших спальные околицы холмах, разделенных путепроводами с причудливыми лотосами развязок. Честью припасть к океану обладала лишь его административно-деловая часть, Нижний Город, выглядевший вечером или ночью таинственнее прочих.

Умостившись, Гайк запустил двигатель, вырулил на дорогу. Поехал медленно, поглядывая по сторонам, – мимо зданий, наряженных в рекламу и книзу непритязательных, мимо автомобилей, перекрестков, светофоров и прохожих, покорных вечернему ритму. Телефон не издавал ни звука, оставалась случайность – вдруг кто-нибудь подаст знак, тогда можно будет, выслушав заказ, отвезти клиента. Но чем глубже он внедрялся в дебри города, тем глуше становились улицы. Пришлось возвращаться. Гайк развернулся и пустился обратно, к набережной, иным маршрутом, но все-таки сомневаясь – не лучше ли старым? Поблизости от вокзала у двухполосной тусклости рельс Гайк услышал цокот – так шелестит о дорогу колесо, подцепившее занозу. Пришлось остановиться у обочины под фонарем, чтобы лучше рассмотреть причину. Вышел, присел на корточки, пошарил и вытащил из подкрылья прибившийся пакет. На душе посветлело. Смешная безделица. Достал примятую пачку, с желанием закурил. На скамейке под фонарем скорчился бродяга – кто другой

мог оказаться здесь? – склонился, несуразно прижав туловище к бедрам, так, что голова повисла ниже колен. Гайк подошел поближе, наклонился, прислушался – бедняга беспечно сопел сквозь сон. Разве не случается хотя бы во сне найти покой? Пусть. Гайк, выложив на скамейку пару сигарет, подумал: «Избавь, Господи… Но если придется… Смог бы так же?» – и не почувствовал в себе ни отклика, ни созвучия.

Маневровый локомотив, как в насмешку, вяло толкал караван вагонов, платформ и цистерн – что машинисту в его кабине застрявшие у шлагбаумов автомобили? Гайк возвратился в машину, в досаде повернул в сторону – не загорать же на переезде вечность. И чуть отъехав, увидел то, ради чего околачивался здесь, отчаявшись найти. Неправда, что Господь не слышит мольбы. На трамвайной остановке суетилась женщина, дорожная сумка на тротуаре. Нетерпеливость, жаждущая удовлетворения, не выглядела бы убедительней. В груди Гайка вздрогнуло ликование. И развернув машину, он подъехал.

– Славный вечер, мэм, – сказал, выйдя, – куда поедем?

– Умоляю вас… Поторопитесь… В аэропорт, куда же еще, – взволнованно обронила женщина голосом, никак не помещающимся в тишине, – мой самолет… времени в обрез…

Она хоть и выглядела посторонней в городе, но столько же исключением – настоящей жемчужиной среди тривиальностей, вот что не ускользнуло бы от внимания, даже от беглого взгляда.

– Не так уж мало, не так уж мало, – старался успокоить ее Гайк, помещая сумку в багажник, – мы обязательно успеем, уже ночной режим, взгляните-ка, все светофоры зеленые, красные – на секунду.

И дождавшись, пока она разместится на заднем сидении, прихлопнул дверцу, вернулся за руль и отчалил. Теперь добыча в руках, серьезный куш, рейсы в аэропорт в цене. Можно будет доверху залить в бак горючее, и еды на пару дней хватит. Даже отложить впрок, чтобы всучить хозяину окаянную сотню за его ржавый мотор. «Везет» – это когда вовремя оказаться в нужном месте, – пронеслось в голове Гайка, как всегда в таких случаях. – У этого заносчивого ашкеназа всего-то заслуг, что оказался здесь на год раньше. Начал с извоза, теперь у него двадцать

машин – с водителя сотня, за неделю пара тысяч в кармане». Он мельком взглянул в зеркальце над передним стеклом. Женщине не сиделось. «Суматошная девка», – подумал Гайк. Она, почувствовав его взгляд, приблизилась, положив руки на спинку переднего сиденья.

– Нельзя ли побыстрее, в самом деле? – спросила. – На спидометре всего семьдесят.

Чугунно налетел тоннель. В его залитой светом утробе, урча, мчались встречные и попутные машины. Таким обильным выглядел бы увеличенный во стократ игрушечный аттракцион.

– Видно, вы нездешняя, – ответил Гайк с видом знатока. – На самом деле это мили, что-то около ста пятнадцати километров в час.

– Нездешняя? Вот еще, – сказала она почему-то с пряной усмешкой. – Правда, жила в Амстердаме. Немного в Лондоне… Варшаве… Мадриде… Это все Европа.

– Приходилось и мне бывать в Амстердаме, – подхватил Гайк, стараясь поддержать разговор. – Удивительный город, там чувствуешь себя птицей в полете. Снова туда?

– Нет, сначала в Париж, и уж затем в Канны, – ответила она, – на кинофестиваль. Франция, Лазурный Берег, много солнца, море. Несомненно, я выиграю в своей номинации. Подпишу роскошные контракты. Вот почему важно не опоздать. Именно поэтому.

Гайк хотел ответить, но его всполошил красный спортивный «додж», хищно промчавшийся мимо. Вдруг показалось, что в его учуявшем погоню чреве унеслась мисс Криста, мелькнул ее абрикосовый профиль. И сразу же, впритирку сигналя, накатился «кадиллак» – зефирное облако с гремящей из опущенных стекол Аппассионатой. Машины некоторое время шли рядом, нос в нос, чужая светящейся капсулой чуть впереди. Внутри в уравновешенности ее мирка целовались двое мужчин, водитель в обнимку с пассажиром, нафаршированные равнодушием ко всему, что снаружи. Гайк украдкой взглянул в зеркальце. Женщина во все глаза рассматривала геев. Не просто с интересом, а с обнаженным сочувствием или, может быть, с соболезнованием. Гайк, всегда брезгливый к противоестеству, не удержался, нажал на клаксон и, когда оба любовника посмотрели в его сторону, не-

возмутимо сплюнул в окно. В худшем случае это выглядело двусмысленно, не более. «Кадиллак» сорвался и резко ушел вперед. Начатый разговор оборвался. Девушка сидела, задумавшись, склонив голову. Несомненно, что-то произошло, стало как-то темней и тише. Уже дробясь, пробились огни аэропорта. Гайк вырулил наискосок на свободную площадку, где можно было высадить клиентку. И вышел, чтобы достать багаж. Девушка тоже выбралась и стояла в ожидании рядом. Что-то случилось, но не настолько же бесповоротно. И когда она выпрямилась, поднимая сумку, Гайк забеспокоился:

– Мэм, я привез вас в аэропорт. Вот он.

– Да, правильно, аэропорт, – согласилась она, ступая на тротуар. – Спасибо, очень вам признательна, скоро посадка в самолет.

– Мэм, раз аэропорт здесь, и мы впрямь успели, осталось уяснить, как же с деньгами? – наклонился Гайк, чуть разведя руки в стороны, сокрушаясь, что она и не думает порыться в портмоне.

– С деньгами? – переспросила она так, будто речь шла о прошлогодних обносках, и настойчиво посмотрела ему в глаза. – Наличных у меня с собой нет.

Объявили посадку в Париж. Гайк почувствовал, как бесповоротно тоска расползлась в теле, во всех его извилинах. Не знал, что еще предпринять, не уезжать же ни с чем. С порожним баком, худым карманом и урчащим желудком. Как заплатить хозяину, что объяснять – ведь не поймет. Оглянулся, будто за помощью, словно кто-то мог подсказать, как быть. И сразу заметил, что сюда, к нему, направились двое полицейских. Женщина не уходила, оставалась на месте. Куда ей деваться перед лицом закона? Полицейские остановились рядом, рассматривая Гайка.

– Что-то не так? – спросил один из них. – Здесь долго стоять нельзя.

– Да, сэр, – ответил Гайк, – еще немного возьмет времени, пока получу свои деньги.

Второй полицейский скользнул лучом фонарика по ногам женщины.

– Боюсь, ничего не выйдет, – сказал он, – я знаю ее, она часто приезжает сюда и никогда не расплачивается. Бродит здесь, по-

том трэмпом добирается обратно. Обитает где-то возле набережной – там подобрал ее?

– Верно, у железнодорожного вокзала, – уточнил Гайк.

– Сочувствую, плакали денежки, – сказал полицейский, – могу составить протокол, но это пустышка… Кстати, как там старина Шон, все еще патрулирует набережную? Раньше мы с ним ходили в напарниках. Времена другие, я слышал, теперь он работает один. Передавай ему привет, если встретишь.

– Передам, когда встречу, – ответил Гайк, посмотрев на девушку.

Полицейские ушли. Женщина покорно оставалась на тротуаре. Первый порыв Гайка – уехать без слов. Он ясно понял, что говорить что-либо, убеждать, толку нет – эта первая вспышка погасла, в любом случае придется уезжать. В душе змеился червь сомнения и надежды, было не по себе оставить ее здесь. Вдруг никто не подхватит обратно?

– Возвращаюсь, – буркнул Гайк, – могу подбросить в город… до первой улицы. Дальше не по пути.

Верно, пора ехать, отсюда рукой подать к дому. Она кивнула согласно. Он поднял с тротуара сумку, сунул в багажник. Сел в машину, дождался, пока она захлопнет дверь, и рванул с места. Сегодня не удастся сберечь ни цента на оплату машины. Вспышка злобы пронзила его. Еще бы! У всех свои проблемы, не хватало взвалить на плечи чужие. Проучить надо эту овечку – на кинофестиваль в Канны вздумала кататься! Высадить на трассе между аэропортом и городом, пусть покукует, может, отучится бесплатно ездить. Посмотрел на нее. В полумраке виднелось, как хрустально блестели у нее глаза. Не поймешь – сухо или в слезах ресницы. Она плакала – бесшумно и одиноко. Спазм перехватил Гайку дыхание. Он сконфуженно закашлялся. Откуда истекает жалость, из каких тайников души?

– Хочешь, отвезу туда же, к вокзалу? – тихо спросил Гайк.

Она бессильно всхлипнула. Дальше ехали молча, электризуя немотой пространство, пока ее рука не тронула плечо Гайка.

– Знаешь, – сказала она, – те двое в машине, парочка голубых, они не виноваты.

Он посмотрел на нее в зеркальце.

– Какое мне дело до них? – безнадежно передернул плечами.

– Конечно, но я чувствую их, потому что они больны… И вряд ли меньше, чем я.

Ему вмиг стало все ясно о ней. Мало ли людей с психическими расстройствами? Видно, она – одна из них. Разве болезнь разбирает, чья вина навлекает беду?

– Дома не хватятся? – спросил Гайк вовсе не из любопытства, своих проблем не сосчитать.

– Нет, муж знает, – прошептала она. – Он отпускает меня. Провожает, если может. И встречает, всегда звоню ему на мобильный телефон, когда возвращаюсь.

И она принялась звонить. Экран мобильника высветлял очертания лица. Город дремал. Ничего странного, именно в этот час переплетение улиц казалось Гайку паутиной, представлялось, как ползает по ней паук, выбирающий поживу. Разве не гнусные паучата все эти владельцы и совладельцы, сосущие кровь и заедающие плотью? Разве они потрудились несравнимо больше, чтобы выхватить отборные куски? Оставляя остальным отбросы? Что-то не так в этом мире, что-то не так.

В час полуночного безмятежья мимо шлагбаума, вдоль тусклой раздвоенности рельс Гайк подрулил к трамвайной остановке. Остановился и открыл дверцу, выпуская наружу женщину, не улетевшую в Париж и потом в Канны. И может быть, не улетавшую раньше ни в Амстердам, ни в Лондон, Варшаву, Мадрид, ни в другие города. Кто знает, куда ей вздумается еще?

Вблизи на скамейке в прежней позе спал бездомный бродяга. Гайк достал из багажника сумку, поставил на тротуар у ног девушки.

– Удачи, – пожелал он ей сокровенное, легко желаемое и себе.

Она собралась ответить, но раздался упругий свист. Гайк обернулся. Железнодорожный переезд, его пограничное двухполосье пересекал велорикша. Казалось, шлагбаум, поднятый над ним, благословлял финальную историю человечества. Гайк всмотрелся и поразился повторяемости, умножившей очарование случаев, – ведь он снова узнал Лендмайна.

– Привет, Гайк! – воскликнул Лендмайн, подъезжая. – Тебе не отвертеться, на этот раз благодетель – ты.

– О чем это, не пойму что-то, – ответил Гайк.

Лендмайн улыбнулся, подошел к девушке.

– Леди, дилижанс подан, – сказал он ей, осторожно помогая взобраться.

– Вон оно что… – удивился Гайк.

На скамейке зашевелился бродяга. Очнувшись, обнаружил сигареты и, нашарив в карманах зажигалку, закурил.

– Какая чушь, – пропыхтел он, затягиваясь. – Весь этот мир – дилижанс для сумасшедших. Вагон дерьма. Все вы – чокнутые.

– Заткнись, чучело! Откуда ты взялся? Тебя спрашивали? – вскипел Лендмайн, сжимая кулаки.

– Так и есть, ты и взаправду фугас. Остынь, – попросил его Гайк. – За пару дней столько изменений…

– Ты прав, не обижайся, дружище, – ответил Лендмайн, – жизнь не стоит на месте, и верно, давно не виделись. Слыхал? Мисс Криста больше не мисс, теперь она миссис Флойхр, совладелица галереи своего мужа. Он у нее современный дедок, каким-то боком в игорном бизнесе и лихачит на спортивном «додже». Говорят, молодые отправились в свадебное путешествие во Францию, на какой-то Лазурный Берег. Мистер Флойхр напишет там свое лучшее полотно. А моя бесподобная леди, – снова улыбнулся Фугас девушке, – так и останется консультанткой вместо мисс Кристы. Спасибо, что ты не оставил ее в аэропорту.

Гайк молчал, нужно было переварить все отдельно, без никого.

– Ладно, все обошлось, – посмотрел на него Лендмайн. – Что делать, у нее иногда в голове шторм, недавно собралась вплавь до Лиссабона, старина Шон выловил ее из океана, попросил отвезти в больницу. Я подумал – зачем? Раз она осталась со мной.

Гайк кивнул, они разъехались.

Небосвод, льнувший к земле, стискивающий пространство над городом, вдруг разразился беспросветным ливнем. Гайк сквозь мельтешение стеклоочистителей, сквозь мутность и одновременно прозрачность окон видел, как по взлохмаченной дождем дороге уносится «дилижанс». Дай им Бог. Велорикша Лендмайн встретил вернувшуюся подругу.

Ливень прекратился стремглав, как и начался. Гайк оставил машину на стоянке, зашел в чайную, она уже закрывалась, подсчитал наличность. Оставалось впритык на чай, пахлаву и сигареты «Next», на этот раз короткие.

Щемящей брошенностью засветился окурок. Низкорослый маяк. Безлюдная набережная.

Артем Губарьков

Рассказ о дерзких персонажах, которых придумал автор

Он исчез, пропал, канул (как это было?). Его мало кто видел, он редко попадался на глаза (идеал) и друзей у него было (и будет ему) не много. В районной службе жалоб – от него ни одной, даже на местные жилищно-коммунальные структуры, из страхового полиса – он лечился на стационаре лишь раз. Служил в офисе: никаких конфликтов, с коллегами он не особо общался, френдов не добавлял, начальники его помнят смутно, исполком – неохотно, райком – безразлично. Группа психологов определила его реакцию как норму, исследование общественного мнения в отчете указывает, что его взгляды были обычны, а следовательно, классово надежны.

Я действительно не помню, как стал (впервые исчезать). Да и возможно ли такое выразить (описать или записать? Нет. Я не знаю, не знаю). Его приятель стоял в сторонке и курил (он, кстати, так и называл свой балкон – сторонка, «пойдем, покурим в сторонке», «нервно?» – парировал какой-нибудь остроумный гость, «ага, покурим и немножко нервно»). Его приятель стоял в сторонке, курил и не мог поверить в случившееся: – Возможно, все началось тогда (Когда все это началось? Однажды я решил зайти к одному моему приятелю по какому-то вопросу. Была, кажется, зима, да, у меня еще от холода сводило мысли, а на языке вертелось имя Аскольд, и действительно, какое холодное имя – Аскольд. И все было необычно, аскольдово вокруг, аскольдово на душе и все, все необычно – и это имя, и то, что оно вертелось на языке, что сложно вообразимо), когда Саня вдруг зашел ко мне по какому-то вопросу. Он был бледен, весь измерзший, но, кажется, холод не особо заботил его.

Он вошел в обычную панельную квартиру с обычным укладом и ковром на стене. Его приятель Андрей, простой кинокритик-богослов, трудился на то время в местном «газэтэ» (с ударением на последний слог, как он говаривал). Словом, личность знатная в узких локальных кругах местных субкультур. Когда кинокартина изобилует библейскими мотивами – вызывают именно его. Впрочем, он мог истолковать, говорят, любой фильм одним стихом Писания. Занятным в нем было и то, как он объяснял смысл мироздания и взгляд на трагедию человеческого бытия: – Штука в том, что, – начинал он с серьезным видом, а затем взрывался хохотом, оттого что внезапно вспоминал какой-нибудь убойный, по его словам, эпизод фильма и благополучно забывал, о чем шла речь до этого. Он был не один, когда я вошел, у него как всегда бывала местная богема, и когда он вошел, у меня как раз сиживал мой старинный приятель Тихон Никонович – известный литературовед-писатель, апологет собственного творчества. Так вот прославился он тем, что полностью разобрал свое произведение: написал несколько рецензий, защитил диссертацию, издал научную монографию, где «разложил» всех персонажей, вскрыл все смыслы, аллюзии, метафоры, сюжетные линии, конфликты, и только некоторое время спустя – может, забавы ради – написал наконец-таки это произведение! Вот это силища вымысла! А, Сань? Круто? Вот и знакомьтесь. Они стояли в дверях тесной кухни. Тихон Никонович восседал с левого краю стола у окна, затем подвелся и подался вперед, чтобы поприветствовать гостя. Седина на висках весело заблестела.

– Очень рад, – сказал он, вежливо вглядываясь в продолговатое и напряженное лицо Александра. – У вас весьма не запоминающиеся черты лица.

– Этим они многим и запоминаются, – отстраненно ответил Александр, когда он и Тихон Никонович присели за стол, а Андрей поспешил к вскипевшему чайнику.

– А чем вы занимаетесь? – не унимался литературовед.

– Ну, к примеру, множу пустоту (любопытна была бы таблица умножения пустоты, подумалось мне в тот миг).

– Какой одновременно самокритичный и пафосный молодой человек! – Тихон Никонович и Андрей весело переглянулись.

– Саня, не высокоумь, – молвил Андрей, присоединившись к ним. – Мы тут как раз с Тихоном Никоновичем спорим о том, что метафизика всегда была чужда соцреализму, а последний плодил исключительно воспевателей земли… А вот Тихон Никонович так не считает…

Плитка шоколада, которую я взял, чтобы не встревать в дальнейший спор, оказалась очень кстати и твердой. Слова собеседников перестали излучать смысл, гомон голосов ушел на второй план, меня охватил неожиданный страх: еще одно усилие – и плитка шоколада разламывается под натиском верхних зубов, но внизу беспомощно барахтался язык, который мог тоже стать жертвой. Тогда мне подумалось, что это любопытная грань человеческой падшей греховной природы: еще усилие и – сладость, и тут же – горечь и стенание. Но как тяжело отказаться от этого хоть и опасного, но сладостного усилия.

– Андрей, ну а ты-то как считаешь? – взгляд Тихона Никоновича и Александра были направлены на изумленного Андрея с шоколадом во рту. Хруст. Шумное пережевывание.

– Ну, как и до этого, – ответил тот после небольшой паузы. Понятно было, что он не попал в тему.

– Так вот, – обратился литературовед к Александру. – А не посещала ли вас такая мысль, что все наши реплики выдумывает какой-нибудь автор, что мы герои некоего произведения или рассказа?

– Саня, ты куда? – удивился Андрей, когда тот подвелся и направился к двери. – Ты так и не сказал, по какому делу пришел…

– Да неважно, – отмахнулся он и вышел, и это был последний раз, когда я его видел. А что он нервен и нелюдим – таков он был всегда. Может, романтик, а может, и сумасшедший. Все это не взаимоисключающие вещи, мне кажется.

Андрей стряхнул пепел и зашаркал на кухню.

После той реплики литературоведа я вышел, и мне стало както неловко, и неловко оттого, что эту неловкость приписал мне автор секунду назад, и вообще, есть какая-то неловкость, когда все твои чувства, ощущения, реплики вот так выходят из-под пера, как чернила растекаются в наведенных контурах стержнем ручки, тут прямо-таки зуд какой-то. Неприятно, в общем.

Да, давно, давно казалось, а то и мерещилось, что нечто такое мне виделось. Будто я составляю композицию кадра какого-нибудь «нового Брессона». Да, всего лишь часть композиции, вынырнувшего из-за угла фотографа. Зачем я приходил к Андрею, трудно сказать. Возможно, чтобы сказать, что побег мой удался. Но я не захотел разделять эту радость с кем-либо еще. Как же здорово, что в мире еще есть где (исчезнуть!). (Пусть даже в скобках, да, в скобках есть где прислонить голову.) (Скобки напоминают лук, а слова – стрела, которая натягивается на тетиву.)

Шик индустриализации и псевдохайтека, столпы стекла и бетона с одной стороны улицы. Через дорогу ветхие двухэтажные постройки с заколоченными окнами. В них, под ними, на пороге оседали и лежали нищие, увечные, калеки. И все это, всю эту улицу пронизали трамвайные пути. Я шел и ловил себя на мысли, что люди, которые сейчас едут в трамвае, пристально меня рассматривают. Быть может, это только мои домыслы, и я шел дальше, огибая нищих, увечных, пытаясь не озираться на трамвай, который будто нарочно замедлил ход и поравнялся со мной. Пассажиры прильнули к окнам и не сводили с меня глаз: кто-то изумленных, кто-то встревоженных и просто сочувственных. Мужчины глядели с неким самодовольством, женщины с состраданием, дети же, едва дотягиваясь до окон, поглядывали с приоткрытым ртом и трепетным любопытством. Все это продолжалось, пока я не свернул на другую улицу, куда благо рельсы еще не вели. Впервые я оценил по достоинству все эти железнодорожные пути – уже в самом наименовании некая железность и непоколебимость, удивительная четкость и слаженность. Тогда я пожалел, что человек не сразу находит свой непоколебимый, железный путь. И в то же время постоянное присутствие этого пути – неуклонное и железное следование к одной и той же конечной остановке. И только здесь не бывает опозданий. (Я больше не увижу их, они больше не увидят меня. Кто-то из нас исчез из наших жизней.) Я брел дальше, эта улица когда-то была мне знакома, но ничего не узнать, никого не узнать больше. Сужалась улица, мерцали лица, брела навстречу целующаяся пара, сумасшедший с бритвою в руке, развеселая свадьба, потусторонний с детонатором под сердцем. Я спокойно брел в беспокойное туманное утро,

в пространство улицы послепраздничной тишины, и подошвы собирали конфетти, разноцветные ленты, в пространство улицы, которая смыкалась, как тяжелевшие веки шофера-дальнобойщика. И балконы, они держали балконы закрытыми – об эту пору! – они держали свои балконы закрытыми.

Согласно какому-то древнему преданию, некий человек отправился на поиски края земли, а дошел лишь до края своего отчаяния. Преодолев это отчаяние, он вдруг вернулся туда, откуда начинал свой путь. И здесь он понял, что земля и отчаяние суть круглые или же шарообразные и, похоже, они имеют свой экватор. И здесь он заключил важную вещь: точки невозврата нет. Это первое. Второе – Земля, проходя дневной цикл, оборачиваясь вокруг своей оси, мало изменяется. Человек же, пройдя точку невозвращения, – может вернуться, а вернувшись – он совершенно иной.

Вставши ото сна, я поежился от холода и оглянул степи Монголии, которые раскинулись во всех направлениях. Еще была ночь, а к вечеру следующего дня мы должны перегнать скот на Алтай. – Как здорово, Баярту! – обратился я к своему напарнику. Он улыбнулся и кивнул в знак согласия, хотя и не понимал, о чем я говорю. Зернистые звуки варгана разлились в пространстве, мягкий свет бесчисленных звезд озарял наше сиротство и неизреченное счастье, мимо мчится табун диких лошадей.

Анатолий Контуш

Ноты

I. Z.

Ты появилась у меня внутри за несколько месяцев до нашего знакомства.

Я хорошо помню, как впервые почувствовал тебя прямо под сердцем, когда в очередной раз остался один; заканчивался октябрь, парки были засыпаны желтыми листьями, и я шел по широкой аллее, разглядывая голубое небо сквозь черные ветви каштанов. Вначале я не сообразил, что произошло, и мне понадобились несколько дней для того, чтобы понять, что ты уже здесь. Я долгое время не знал, что это именно ты, и мне пришлось неделями носить тебя по замерзающему городу, прислушиваясь к легким движениям. Первое время я не представлял, как ты выглядишь, хотя уже знал, что ты есть; проходя по бульварам, я вглядывался в лица идущих навстречу женщин, пытаясь понять, не похожи ли они на тебя; я заговаривал с девушками в барах и делал им комплименты, ощущая твои негодующие уколы в левом боку; я пытался найти тебя среди тех, с кем был знаком, сравнивая их голоса с тем, что слышал внутри, но звуки не совпадали, складываясь в диссонансы.

– Bonsoir Lucie. Ça va? – Ça va, ça va, et toi? – Merci. Un verre de rouge? – Tu m'invites? Oui, avec plaisir…

– Привет, Валерия! Ну, как насчет сегодня вечером? В восемь у Rhumerie? Уже договорились!..

– Paula? Quelle surprise! Je ne savais pas que tu sois à Paris…

– Ирка, солнце, – слушай, я прилетаю в Москву 17-го на три дня. Было бы здорово, если бы получилось встретиться. – Конечно. Приходи к нам на спектакль…

Я наконец увидел тебя вечером холодного зимнего дня, когда сырой воздух сгущался в темноту над рекой; ты стояла на краю тротуара, и ярко освещенные автомобили прокатывали мимо тебя и исчезали вдали за мостом.

– Ты знаешь, у меня машина за углом, – сказал я.

– Хорошо, – ответила ты.

Мы проехали по пустеющим улицам, пересекли широкую площадь и развернулись под эстакадой. Я смотрел на тебя, когда мы останавливались на перекрестках: твои волосы были гладко причесаны, тонкие губы сжаты, и блики фонарей дрожали на твоем лице. Ты вышла на узкой улице, которая уходила вверх по склону холма; я поцеловал тебя в щеку, пожелал спокойной ночи и поехал ужинать в Le Select.

Я наконец узнал, как ты выглядишь, и теперь можно было наконец рассмотреть тебя со всех сторон. Несколько дней подряд я пробовал делать это, когда оставался один, – в кафе, на улице, в постели перед сном, но быстро понял, что мне не хватает деталей; тогда я снова нащупал тебя под сердцем и стал ждать новой встречи.

В следующий раз мы встретились только через месяц в маленькой чайной на Сент-Андре-дез-Ар. Снаружи было морозно, от реки тянуло сыростью, и мы пили горячий чай из тяжелого чайника, запивая им густой арманьяк. Ты сидела прямо передо мной, улыбаясь в ответ на мою болтовню, и у меня было достаточно времени, чтобы рассмотреть и запомнить округлую линию твоего лица, мягкий наклон подбородка и ясный свет глаз.

В третий раз я увидел тебя на сцене во время концерта камерной музыки. Ты сидела за инструментом, затянутая в строгое черное платье, и мне был отлично виден твой четкий профиль в контровом свете прожекторов, ровная линия спины и излом коленей. После концерта мы пообедали в ближайшем ресторане и договорились увидеться через день. Вскоре мы начали встречаться чаще, вначале два-три раза в неделю, а потом едва ли не каждый день. Мы никак не могли остановиться и болтали без конца, пытаясь узнать друг о друге как можно больше; иногда мне удавалось прикоснуться к тебе, и тогда к моим уже накопленным знаниям прибавлялись другие – мягкость пальцев, гладкость

кожи, нежность рукопожатия. Теперь я уже хорошо знал, как ты выглядишь, но после каждой встречи добавлял к этому все новые детали – удивленный изгиб бровей, легкий взмах рук, глубокое звучание голоса. Когда мы впервые поцеловались, я увидел тебя совсем близко, так, как никогда раньше – серые глаза, длинные ресницы, влажные губы, родинка на щеке. Когда я впервые остался у тебя ночевать, список того, что я знал, пополнился такими пунктами – некоторые из которых вполне можно было назвать позициями, – что я отказался от дальнейших попыток его пополнения в вербальных формах. Прошло еще немного времени, мы стали видеться ежедневно, и наконец я приблизился к тебе настолько, что ты оказалась одновременно внутри меня и снаружи. Теперь я мог разговаривать с тобой, когда и как угодно; я рассказывал о себе, слушал твои истории о детстве, о больнице, о далеком северном городе; однажды мне показалось, что я знаю о тебе все, и в это момент ты зазвучала во мне музыкой.

Начиналась весна; в один из теплых ясных дней ты пригласила меня к себе, и мы долго сидели в густеющих сумерках у окна, открытого в маленький двор на авеню Мальзерб, а потом, когда совсем стемнело, любили друг друга на ступеньках деревянной лестницы в бледном свете уличного фонаря. Первое время я не мог понять, что это, но постепенно научился различать отдельные ноты, которые однажды сложились в мелодию. Это было что-то несложное и грустное, похожее на песенку Куперена или Перселла; вначале я не мог запомнить ее, но постепенно, встречая тебя снова и снова, выучил целиком и даже научился насвистывать несколько самых простых пассажей; мы гуляли по вечерним улицам и заходили в кафе погреться под газовыми горелками, ослепительно светящими синим. Через некоторое время эту мелодию сменила другая, тоже старинная, но уже не такая печальная, которую теперь наигрывала флейта; мы ходили в кино, прогуливались по набережной и время от времени обедали вместе. Стало совсем тепло; горожане сменили куртки на пиджаки, на улицах появились музыканты, и звучащая во мне мелодия стала похожей на что-то из Дворжака в исполнении скрипичного ансамбля. Наконец наступило лето; мы катались на пароходах, сидели до ночи в кафе и уезжали в прогулки в лес;

твоя музыка превратилась в безостановочный старомодный джаз середины пятидесятых, и труба то и дело будила меня по ночам, потянувшись за саксофоном. Темп ускорялся, звучание усиливалось, и нам было все сложнее обходиться друг без друга, потому что тогда музыка ослабевала, а нам уже было нельзя без нее. Целыми днями мы не могли оторваться друг от друга. «Не уходи», – говорила ты, когда я только направлялся к двери. «Не уходи», – говорил я, когда ты начинала собираться на работу. Музыка все убыстрялась, превращаясь в рок, а иногда в рэп, и мы постепенно выбивались из сил, утомленные этим невозможным ритмом.

Однажды вечером, пытаясь уснуть после очередного дня, до краев заполненного нашим изнурительным счастьем, я почему-то вспомнил, как был поражен, когда впервые оказался у тебя дома. Ты собирала старинные клавесины эпохи барокко, и они заполняли всю твою крошечную квартиру, стояли у стен, громоздились в проходах, висели под потолком. Иногда ты открывала один из них, быстро убрав на пол стопки книг, лежавших на его крышке, и начинала играть; я тогда садился рядом и следил, как ноты выскакивают из-под твоих пальцев, разлетаясь по комнате всплесками нежных мелодий. Все эти ноты, они жили в тебе, они появлялись откуда-то снизу, из глубины, понемногу поднимались вверх, собирались в аккорды, фразы, мелодии, дожидаясь момента, когда, наконец, можно будет пролиться музыкой. Когда это в конце концов получалось, ноты выплескивались из тебя, они разлетались во все стороны, когда ты играла, они разбрызгивались по полу, когда ты опрокидывала бокал вина, потянувшись ко мне через стол, они стекали у тебя по ногам в нашей спальне, когда мы стояли лицом к лицу, все еще вздрагивая, закрыв глаза и вцепившись друг в друга.

Проснувшись утром, я, как обычно, пошел в душ и по дороге случайно задел маленький украшенный росписью клавесин, который стоял у стены. Клавесин покачнулся, на мгновение застыл и упал, расколовшись на множество полированных дощечек. Полуодетая, ты вбежала в комнату, упала на колени и бросилась собирать дощечки, то и дело вытирая слезы. Я попытался что-то сложить из обломков, но ты так взглянула на меня из-под растрепавшейся пряди русых волос, что я отвел взгляд, быстро со-

брался и ушел по делам. Когда я выходил на улицу, примитивная мелодия рэпа стала совсем грубой, и мне послышался какой-то диссонанс; я перешел на другую сторону, остановился на углу и стал смотреть, как свежий ветер раскачивает колючие шарики каштанов. Прошло несколько дней; мелодия стала мягче и тише, напоминая Мишеля Леграна; вызванный по телефону мастер аккуратно склеил клавесин, но когда я возвращался домой под мелким дождем, в осеннем воздухе отчетливо прозвучала фальшивая нота, которую сыграл рояль. Я замер, но это не помогло; через несколько секунд за первой нотой последовала другая, потом третья, и я еще не успел снять мокрый плащ и оставить зонтик в прихожей, как мелодия рассыпалась на отдельные ноты, которые упали вниз, покатились по полу и исчезли в пыли под шкафами.

Несколько дней я бесцельно бродил по городу, прислушиваясь к каждому звуку, молча сидел в кафе, стараясь ничего не пропустить, и просыпался по ночам, вслушиваясь в шорохи за стеной, пока однажды утром, бреясь перед зеркалом, наконец не почувствовал, что музыки больше нет, что я снова один и что у меня внутри пустота.

Я закончил бритье, вытер лицо, оделся, поцеловал тебя, прикрыл за собой дверь, спустился по лестнице, вышел из ворот и полетел над усыпанным желтыми листьями бульваром, уносимый неизвестно куда холодным северным ветром.

Париж

Михаил Погарский

12 безумных точек

По безумным блуждая дорогам,
Нам безумец открыл Новый Свет;
Нам безумец дал Новый Завет –
Ибо этот безумец был богом.
Пьер Беранже, 1862

Многоточие

Безумие четвертого порядка,
Полетное дыханье первых строк
Поэтов выжигает без остатка,
Переплавляя жизнь и мысли в слог…

Какие первобытные причины?
Какие изначальные слова?
Будили их, живых наполовину
И помнящих вчерашнее едва.

Что заставляло с черного похмелья
Пить не вино, а крепкие стихи?
И за какой в дурном сознаньи дверью
Поэзии послышались шаги?

На этом сумасшедшем ритме жизни

Точка № 1

Безумие четвертого порядка
Меняет траекторию времен.
Стихами наполняется тетрадка.
И проза жизни переходит в сон,

В туманно нелогичную бескрайность,
В переплетение запутанных дорог,
И возвращает в новую реальность
Полетное дыханье первых строк.

На этом сумасшедшем ритме жизни

Точка № 2

Полетное дыханье первых строк
С безумной силой
Швыряет мысль в таинственный исток
В экстаз Сивиллы

И этот путь в тревожном полусне
В горячке шаткой
В каком-то внесознательном огне
Поэтов выжигает без остатка.

На этом сумасшедшем ритме жизни

Точка № 3

Поэтов выжигает без остатка,
Река речений…
На острове расставлена палатка,
В ней – пьяный гений.

Он удит рыбу, стоя на коленях,
Читает мантры, смотрит на восток
И тащит лодку против всех течений,
Переплавляя жизнь и мысли в слог…

На этом сумасшедшем ритме жизни

Точка № 4

Переплавляя жизнь и мысли в слог…
Меняя времена и направленья,
Меняя траектории дорог,
Он продолжает вечное движенье.

За Данте и Вергилием вослед
Он вопрошает с жизни середины:
Что породило этот дикий бред?
Какие первобытные причины?

На этом сумасшедшем ритме жизни

Точка № 5

Какие первобытные причины
Бросали капли неба на листы?
Что заставляло левый край картины
Не заполнять, не трогать белизны?

С какого дьявола и ветра, и восторга
Как пьяный дым кружилась голова?
Что увело тебя в просторы кривотолков?
Какие изначальные слова?

На этом сумасшедшем ритме жизни

Точка № 6

Какие изначальные слова,
Как музыка, взорвали настроенье?
Задвинув в ящик срочные дела,
Ты пишешь на стене стихотворенье

О том, как музы, с полу подобрав
Измятых строк разбитую корзину,
Поэтов пьяных еле растолкав,
Будили их, живых наполовину.

В том самом сумасшедшем ритме жизни

Точка № 7

Будили их, живых наполовину,
Поили свежевыпавшим стихом,
Стреляли ритмом и в упор, и в спину,
Закручивали мысли кувырком…

И расправлялись скомканные души…
Усталость уходила в никуда…
И приходили люди, чтоб послушать
Их, помнящих вчерашнее едва.

В том самом сумасшедшем ритме жизни

Точка № 8

Их, помнящих вчерашнее едва,
Шатало ветром.
Они качались, как осенняя листва,
И так же, как она, струились светом.

Как водится, смеялись над собой,
И как павлины, распускали перья,
И каждый день встречать как смертный бой
Их заставляло черное похмелье.

В том самом сумасшедшем ритме жизни

Точка № 9

Что заставляло с черного похмелья
Поставить Баха?
Под гром органа, лежа на постели,
От счастья плакать…

Когда в разбитом, оглушенном теле
Души порывы новы и легки,
И хочется уже на самом деле
Пить не вино, а крепкие стихи

В том самом сумасшедшем ритме жизни

Точка № 10

Пить не вино, а крепкие стихи
Пьянеть от строчек
Кружиться в ритме светлой чепухи
Тире и точек

Поставить знак вопроса на конце
Писать дождем, тревогой и метелью
Искать ответы в небе и в лице
За запертой в дурном сознаньи дверью

В том самом сумасшедшем ритме жизни

Точка № 11

И за какой в дурном сознаньи дверью
Поэмы заколоченная тайна?
Какие неизвестные поверья
Сошли в нее, как водится, случайно?

Быть может, в этот час немой отваги
Поэт пошел не с эдакой ноги,
Но все равно в его нетвердом шаге
Поэзии послышались шаги.

В том самом сумасшедшем ритме жизни

Точка № 12

Поэзии послышались шаги.
Гремят стаканы! Открывают бочки!
Когда б не жали строчек сапоги,
Давно дошел бы он до ручки и до точки

И перестал валять бы дурака,
С которого гладка любая взятка.
Но строчки жмут, и мнет его пока
Безумие четвертого порядка.

В том самом сумасшедшем ритме жизни

Москва

Марк Эпштейн

«Ты ведь знал, Господь, что я не солгу...»

* * *

В душном августе небо разъято,
И на даче лежишь нагишом,
Видишь звезды в четыре карата
В черном небе своем небольшом,

Бортовые огни самолета,
След туманный кометы, за ним
Ближе к полночи – ангелов рота
И трассирующий серафим.

Никогда головного убора
Не снимай. Не крестись. Вдалеке
Не ищи ту сосну, над которой
Небожитель заходит в пике.

Потому что я видел от века
(и рассказывал часто врачу),
Как слепая душа человека
Римскую вдруг давала свечу.

* * *

В секретере отца моего –
Ничего, но такая свобода,
Что, когда я курочу его,
Светлый ангел цинкует у входа.

Пустотою наполнивший рот,
Пробираюсь поближе к пределу,
Где Орфей свою арфу берет
Или Мэрилин М. – укулелу,

Но никто не пускается в пляс,
Ложками не стучит по колену.
Много света, но нет пары глаз,
Что могли бы заснять эту сцену.

Значит, я не умру на миру,
Что чрезмерной не кажется платой
Среди тех, кто ушел сквозь дыру
Из восьмерки бухой, дурноватой.

* * *

Дается город. Черная рука
чертеж чертила. Вызывает рвоту
зловоние гниющего белка.
Святых отсюда вынесли в субботу.

Теперь четверг. Куда же вы, куда,
златые дни? Уйдет еще не старым
мужик. Его заевшая среда
ему в затылок дышит перегаром.

Не стоит лгать, что дел невпроворот.
В костюмчике ли, в робе ли армейской,
ну с кем он станет биться на живот
в стране, где блядь – всему судья третейский?

Лазурь светла, тиха. Господь, взгляни:
он тоже не движение протеста,
когда сидит под деревом в тени,
где никому уже не хватит места.

Начертит круг и пот сотрет с лица,
в Писании совсем мышей не ловит:
здесь Вия он поймает на живца
и место вознесенья приготовит.

* * *

Говорю я, а в ответ – ни гу-гу,
А я к этому еще не привык.
Ты ведь знал, Господь, что я не солгу,
Оттого-то и не вырвал язык.

Что успею я еще намолоть,
Ты, пожалуйста, считай за оброк…
……
А в Сионе вечно славен Господь
И – с заточенною ложкой – пророк.

С легким треском перепончатых крыл
Я продолжу то, что выбрал из дел, –
Барражировать над тем, что любил,
Но быстрее, чем при жизни умел.

* * *

Если осень, то слякоть,
Зимою – метель,
И, конечно, смеется над нами
Брат, играющий в теннис, окончивший Йель
И не любящий водки с блинами.

Если будет беда, не подставит плечо,
Что ни слово – петля или яма…
Отчего он окрошку не любит, сучок,
Не болеет, говно, за Динамо?

Человек говорит. Опрокинет стопарь
Или пять за свои именины,
А уснет – станет Бог, или раб, или царь,
Или Штольц Среднерусской равнины.

Вот идет он по полю с барсеткой в руке,
А к нему с полустанка навстречу
Катерина, крестьянка в цветастом платке, –
Катерина, давай онемечу!

Снег лежит на деревне заброшенной, где
Тараканы согреются бегом.
Он выходит, накинув шинель, по нужде
В огороды, покрытые снегом.

* * *

Есть места, где сидел он, что твой зека,
Пострашнее московского кабака,
Но увидеть чертей не хватило денег.
И тонул, и думал – сейчас умру,
засыпал за нечистым столом, к утру
точно злой чечен выползал на берег.

И об этом стихи написал. Потом
их читал до рассвета жене с котом.
В сорок пять было слишком рано,
в сорок шесть – пора: отплавает он
поглядеть на чудовище скорпион
в дальних землях пресвитера Иоанна.

Есть моря, где играет морской монах,
нереиды, сирены и зверь Зидрах,
Божье небо, однако, близко.
И когда останавливается вода,
шестикрылый кричит – человек, сюда!
У меня для тебя записка.

Не пуститься вплавь, не взлететь орлом –
только посуху. Вот и ходи кругом,
так гуляют здесь, в Ultima Thule…
Человек замерзает, гортань саднит,
где Набоков с сирином говорит
и раскачивается на стуле.

* * *

Как сказал один уркаган,
не дает понять барабан,
чья на нем натянута кожа.
Захмелевшие на пиру,
с Кончаком князь Игорь – в буру,
половецких жен не тревожа.

Что я делаю? Говорю.
Изменившийся к январю,
разве я говорю с эпохой?
В благодарность за хлеб и кров
вон – ведет хазар Гумилев
на Отчизну, которой похер.

Для чего мутабор быка
в бога Зевса – приращением языка
вплоть до вырванного султаном?
Глянь – сидит кабан имярек,
не поднимет ленивых век,
за молчок награжден кафтаном.

Что же делать, пенять кому
с текстом, сделанным по уму,
и кому выносить парашу?
Это водки ночной прилив.
Слава Богу, я говорлив,
положил на легенду вашу.

Эрлен Бейлис

Переводы

Уильям Батлер Йейтс

Шутовской колпак

Влюбился шут в королеву.
Ночная пришла тишина.
Он душу свою заставил
Взлететь до ее окна.

У окна до утра говорила
В голубом хитоне душа
И стала мудрей, вспоминая,
Королевы бесшумный шаг.

Королева не стала слушать
Страстный душевный зов,
Встала в ночной сорочке
И закрыла окно на засов.

Летучие мыши затихли.
В лучах предрассветной зари
Сердце шута в пунцовых одеждах
Поет у ее двери

Песню о том, что локоны
Подобны розам в цвету.

Взяла королева веер
И песню развеяла ту.

«Пошлю свой колпак и умру я,
Прежде чем солнцу взойти».
И вот колпак с бубенцами
Лежит на ее пути.

Она тот колпак возложила
На грудь свою, скрыв в волосах,
И алые губы о страсти запели,
И звезды зажглись в небесах.

Свою дверь и окно отворила
И всех посадила с собой –
Справа – сердце в пунцовой одежде,
А слева – душа в голубой.

Они долго и страстно шептались,
Погружаясь в мечты вновь и вновь.
Ее локоны были подобны бутону,
А у ног притаилась любовь.

Роберт Браунинг

Слабая женщина

I.

Поскольку к концу наш подходит рассказ,
Кого вы жалеете больше всего? –
Хозяйку блудливых и ищущих глаз,
Иль друга, иль, может, меня самого?

II.

Был дорог мне друг, чтоб его потерять,
Она же, надеждам моим вопреки,
Со страстью охотничьей всех покорять
Умело расставила другу силки.

III.

Я знал, девяносто девятый трофей
Недавно был ею уже покорен.
Теперь, если друг мой склонится пред ней,
Обидно, что сотым окажется он.

IV.

И, прежде чем друг ею был покорен,
Сказал я, что ей докажу я сполна,
Что вместо того, чтоб орел был пленен,
Крапиву руками схватила она!

V.

О чувствах своих я шептал при луне,
Я песни ей пел, как поют соловьи,
Она воспылала любовью ко мне,
И дама упала в объятья мои.

VI.

Орел – это я, меня знает весь свет,
Крапива – мой друг с его детским лицом.
Вы взгляд отвели? Вам не нравится, нет?
Ну, что ж, потерпите до встречи с концом.

VII.

Мой друг свое горе не мог превозмочь,
Готов был убить меня, как василиск,

Как будто я день трансформировал в ночь,
Закрыв своей тенью сияющий диск.

VIII.

«Ведь так поступает мошенник и вор…»
«Он видел, горю я любовным огнем…»
«Он должен был дать своим чувствам отпор…»
«Он должен был думать о друге своем!»

IX.

Она же – тихонько свернулась у ног,
Как груша, что соком уже налилась;
Лишь тронь, и она упадет на песок,
Как можно позволить ей просто упасть?

X.

Ужасно, что мне не нужна эта снедь,
И мне надо выбрать решенье из двух,
Но если позволить ей с ветки слететь,
То сытыми будут две дюжины мух.

XI.

Спросите, кто я перед другом своим,
Кого наблюдает он перед собой,
Смотрите, кто я пред собою самим,
Отвечу, совсем не герой.

XII.

Причиной душевных страданий и мук
Я стал, не подумав о боли своей,
Но вспомните вы, что мой преданный друг
Руками касался горящих углей.

XIII.

Да, женщина эта, возможно, слаба,
И истину эту не стоит скрывать.
Нелегкая ждет ее, в общем, судьба,
И что же теперь я могу ей сказать?

XIV.

Ну, в общем, такой получился рассказ,
Не все однозначно в нем, я признаю,
И я, Роберт Браунинг, тему для вас
Как автору будущих пьес отдаю!

Встреча в ночи

I.

Залив, чернеющий мысок;
На небе желтая луна;
Разбуженных круженье волн.
Я веслами толкаю челн,
И слышится шуршанье дна,
И ног касается песок.

II.

А вот и ферма, наконец,
Всего три поля пересечь!
Скрип приоткрытого окна,
И спичка ярко зажжена,
И тихая от страсти речь.
И грохот бьющихся сердец!

Елена Боришполец

«На Пушкинской стоят дома...»

Боинг

Из цикла «Адрес – Одесса»

У того, кто меня хранит, есть тайный подземный ход.
В нем дышат: Боинг, Набоков, снегоход,
И столько всего от винта живет,
Что сердце его не выманишь и за високосный год,
Оно тоже летает и пишет про свой полет.

У них на двоих одно ремесло и стареньких два станка,
Ковер-самолет, иск, неявка ответчика,
Пропуск без отпуска, до звонка,
Красный октябрь и паспорт разведчика
С липким налетом и смятием уголка.

Море просит принять на ночлег с багажом и без,
Переспать без справки, без денег – за интерес.
Завязать глаза и выгрузить на развес:
Всякой всячины из-под заморских цветных небес
Или хоть на платьице Сарочке бы отрез.

Мы босые дети в его расписном дому,
Смотрим на вечного Дюка и переживем чуму,
Он предложит, и я у него займу,
По крови, на пристани, по уму.
Все, что он мне, как только смогу – ему.
Раздавайте. Удваиваю и сорву.

Адрес – Одесса

Я каждую ночь слышу, как на Пушкинской спят дома
И как им разрывает крышу на застывшие в них слова.
Как они уплывают в море и причаливают к утру,
И как старые чайки спорят и воруют у рыб икру.
Мне приходится быть дикой и маршруты свои менять,
Город, будь, и во мне тикай, разрывайся и будь опять.
Приходи по мою душу через сотни твоих лет,
Заплетать за мои уши то, чего у других нет.
Продавай мне свои карты, срок которым один день,
И фальшивь на чужих стартах, а на главном уйди в тень,
Под упавшие в ню платаны, забирая меня с собой,
Нарезать по обетованной навигатором сектор «зной».
Увеличивай мой трафик, отправляй меня факсом прочь,
Утверждай мой горящий график и жалей, как дурную дочь.
Продлевай для Привоза сроки и засаленный мой контракт,
Выжимай из меня соки и утесовский южный такт.
Город, не предавай меня, узнавай меня,
Будь моим голодом, пристанищем и Царем,
Рождайся день от дня и дождись меня,
Мы только вместе, друг в друге умрем.

Место под солнцем мертвых

Памяти Веры Инбер

В неповрежденной временем бухте
Песни ложатся погреться в солнечную петлю,
И на их волне я ловлю:
Город-море и тебя на коммунальной кухне,
Распростершего руки новому кораблю.

Мы – осадки, мы выпадем непременно,
За поворотом под стертые шины слов.

У смотрящего глаз готов,
Он видит и спотыкается одновременно
О шлифовщиков звуков и разных кривых углов.

Он запишет твои недостатки речи,
Совести, кроя платья и слога по временам.
Я, поэт, тебя никому не отдам
И в памяти путь твой и страхи отмечу,
Проложенные по пунктам и пристальным городам.

И если бы нам давали чужую кожу
И расставлять на ней позволяли знаки,
Я бы, как юнга, любила тоже –
Мертвую девушку на берегах Нагасаки.

Хранитель времени

Олегу Губарю

Ветошь к ветоши, половину тебя и меня
Собирай за флажками живых городских котлованов.
Свалки и штофы: пряничная родня,
Много и пусто, и никогда не рано.

Волка в степи сохраняют: собачий нюх,
Крепкие ноги и дикая печень с вороньей кровью.
Эти четыре – больше в два раза двух,
Кормят его и уносят всегда с любовью.

Тихо живет ключ тарабарского короля,
До городских ворот в шагреневой стертой шкурке.
Это его не сказочная земля
И время сбегает в нее, как кофеин из турки.

Вера Зубарева

Образ учителя

Вместо предисловия

Степан Петрович Ильёв (1937-1994) – мой учитель, любимец студентов Одесского университета, блистательный ученый, занимавшийся русскими символистами, навсегда остался для меня воплощением этих двух вещей – мира образа и образа мира. Он ушел из жизни рано, оставив одну книгу и статьи, которые мне не довелось прочитать. Папки с его статьями загадочно исчезли из его квартиры после его смерти. Он писал мне о них в одном из писем в ответ на мою просьбу собрать статьи и прислать их копии.

«6-4-19

Может быть, скомпоновать книжку из статей о символизме, опубликованных (и похороненных) в разных сборниках, зачастую недоступных и нашим литературоведам и неопубликованных. Заметок и материалов по «12» у меня шесть папок! Это уже – posthumous, если сохранится. Если пожелаете, в следующем (третьем по счету) составлю перечень статей».

Увы, третьего по счету письма не последовало. Были телефонные переговоры – я звонила соседям Степана Петровича, они звали его, и я слушала такой любимый незабываемый голос, постепенно утяжеляющийся одышкой и с каждым разом все более приглушенный… А в памяти оживало каждое его слово, шутка, жест, мысль – от студенческой поры до момента, когда мы покинули страну.

Его искрометность мгновенно преображала хмурое академическое пространство вокруг него. Казалось, стены коридора чуть раздвигались, когда он стремительно проносился на лекцию, захватывая в свой энергетический вихрь студентов, едва поспевающих за ним. Он переворачивал все – от научного подхода до мировоззрения, и студенты ходили к нему непрекращаемым потоком. Он был центром притяжения и оттал-

кивания, в зависимости от того, к какому полюсу тяготел человек. Эпитет «блистательный» настолько определяет его, словно для него и был придуман. Его стремительность, необычный образ мышления, смелость научная и человеческая и энергетика, излучаемая всем его существом, произрастали из этой блистательности.

Я была его ученицей, отстаивающей его убеждения на студенческих конференциях, разбивая в пух и прах скептицизм некоторых профессоров, что было передано Ильеву, и он очень веселился, одобряя мою смелость и аргументы, при помощи которых я опровергала его голословных оппонентов.

Мир образа открылся для меня во всей его многогранной бездонности именно на его лекциях, прослушав которые, я уже ни за что не хотела работать над докторской с другим преподавателем. И он согласился быть моим руководителем дипломной по Чехову, несмотря на то, что Чехов не был его темой. С него, собственно, и начался мой Чехов, с тех вопросов, которые он поставил и которые послужили отправной точкой ко всем последующим размышлениям.

Что же касается образа мира, который он привнес вслед за своими неортодоксальными изысканиями в области поэтики, то он органично вплетался в его свободолюбивую методику подхода к тексту. В письме от 24 октября 1993 года он, сокрушаясь, писал:

«По-прежнему мы живем, под собою не чуя земли, и нет исхода, и не будет его до той поры, пока мы не раздавим эту чумную гадину коммунизм, а у нас духом коммунизма пропитано сознание масс. И по-прежнему коммунисты правят бал, превратив демократию в карикатуру и фарс. Исхода нет!..»

Лекции Степана Петровича повлияли и на мое поэтическое творчество. Нужно сказать, что он ревниво относился к моим поэтическим писаниям, опасаясь, что я брошу литературоведение. А после моего визита к Ахмадулиной и ее письма он и вовсе расстроился, и у нас даже состоялся разговор, когда он чуть ли не отказывался работать со мной в будущем над диссертацией, поскольку посчитал, что я сделала выбор. Я как могла пыталась убедить его, что бросать литературоведение не собираюсь и что в равной степени предана этим двух областям. Он не поверил, но работать со мной согласился.

Ему была посвящена моя поэма «Старинный друг», написанная под влиянием его трактовки символистов и сна, в котором мне было сказано,

что его земное время ограничено. Я так разволновалась, что стала просить его провериться у врача, на что он, тогда еще совершенно здоровый и бодрый, только рассмеялся.

Вся моя литературная жизнь того времени была окрашена его харизмой и его трактовками, приоткрывающими завесу Тайны, уводящей в бесконечность. Мы были друзьями. Он любил мою семью и работал с Вадимом над проектом по вычислению золотого сечения в поэме Блока «12». Впоследствии, уже в Филадельфии, я сделала собственную интерпретацию этой поэмы и поделилась с ним, на что он немедленно откликнулся следующим письмом:

«Одесса,

24-9-93

Милая Верочка,

Вчера вечером я получил Ваши книги, письмо и Ваши заметки к поэме «12». А также абстракт Вашей книги. Спасибо за внимание и память! Я рад и счастлив, что Вы из Вашего прекрасного далека подали голос привета. (...)

Чтобы не обременять Вашу знакомую, я передаю Вам только мою книжку о символистском романе, она бóльшая часть моей диссертации, и в ней весь я как профессионал-филолог. По чужой и по нашей вине она сработана топорно и с рядом существенных изъянов. Но поздно.

Английские тексты я читаю, так что статью Вашу о 12-ти пришлите, когда она выйдет. Замысел нов и оригинален. Но суть и спорные положения. Пишите осмотрительно».

Так возобновилась наша связь. В этом же письме наряду с сообщением о статье по Блоку я написала ему, что выходит в свет моя книга по мифопоэтике Чехова с посвящением ему, и попросила сделать комментарии по идеям книги, которые я пояснила в письме. На это он ответил мне следующими строками:

«К тому времени, когда Ваша книга выйдет, она, возможно, будет посвящена не мне, а «памяти имярек». По некоторым признакам я догадываюсь, что Вы знаете, почему я пишу так. Увы, комментарии не успевают, да и нужны ли они? Только собьют.

Книги стихов пролистал, на досуге вчитаюсь. Поздравляю Вас со многими успехами на поприщах служебном, научном и художественном. Ожидаю от Вас многого и горжусь Вами.

Если можете, подарите мне Ваш перевод и статью о «Слове о полку Игореве»

Нет, я ничего не знала о его болезни. Для меня это было шоком.

Потом начался поиск врачей, сбор средств на лечение. Я обратилась к американским коллегам, знавшим его, среди них был и Герман Ермолаев, и мы собрали какую-то сумму, чтобы он сумел поехать на новое лечение в Санкт-Петербург. Он был бесконечно тронут, но поехать не смог – слишком быстро все развивалось, и перелета он бы не выдержал, равно как и лечения.

«31 октября 1993

Временно потерял «рабочую форму», и вот почему продолжаю сегодня.

Да, да, как же это я запамятовал, что звал Вас Надеждой Акимовной?! Ну вот, Вы оправдали наши надежды плюс этимология отчества в данной форме.

Вашей семье – сердечные приветы. От души желаю Вам и Вашей семье благополучия и успехов, в чем не сомневаюсь.

(…) я все чаще «выхожу из строя». В эти дни исследуюсь под наблюдением и руководством профессора. Установлены увеличение печени на 10 см и признаки болезни Боткина как следствие. Духом я не упал, хотя и не питаю иллюзий. О чем жалеть? Ведь каждый в мире странник!..»

Как доказательство того, что дух его был не сломлен, – страница с перечнем статей, которые он бы хотел прочитать. Я немедленно сделала их копии и отправила ему к его радости и восторгу.

«Держаться и писать» обещаю, а если очень надолго замолчу, значит, «все кончено». Будем надеяться на лучшее и готовиться к худшему. О боги, яду мне, яду!

Обнимаю Вас дружески.

Любящий Вас неизменно

Ваш

Ст. Ильев.

Пр. Сейчас зашла ко мне соседка, я показал ей Ваши стихи, она пришла в восторг, попросила книги, но я тоже еще читаю их. Приступаю к чтению Вашего исследования «Слова…» и перевода, предвкушаю удовольствие и тяну…»

И тогда он прислал мне свою докторскую диссертацию, по которой

была издана его первая и единственная книга. В сопроводительном письме он писал:

«Одесса, 6-4-94

Милая Верочка,

В последнее время я так плоховат, что не мог отвечать на письма, и на Ваше. Если оклемаюсь, напишу полнометражный ответ, а сейчас пользуюсь оказией. Я посылаю экземпляр моей диссертации, плюс приложения… Я прошу использовать текст моей диссертации, заменив только титульный лист и введение из книжки.

Книжку статей подготовлю, если выживу. (…) Поклоны и привет Вашей семье.

Успехов и удач Вам.

Ваш

Ст. Ильев»

Он умер во время моей защиты докторской, проходившей в Пенсильванском университете. В тот же день. Мне сообщили об этом на несколько дней позже, чтобы не сорвать защиту…

Старинный друг

Поэма о встречах

Ст. Ильеву

А там, на улице Неглинной,
Живет приятель мой старинный.
Я говорю ему: – Мой друг,
Как видите, свершился круг,
И в руки из моих вы рук
Привет примите длинный.

Берет он руку в две свои,
И мы, как век назад, – свои.
На улице так плохо,
Как может быть лишь в этот раз,
Который сводит вместе нас
Один лишь раз в эпоху.

Старинный друг, не старше вы,
И несколько моложе
Мне показались ваши львы
Из мрамора в прихожей.
Я жду ответный комплимент.
Я, как всегда, в убранстве лент
И хороша, похоже.

Таков обычай наших встреч,
И неизменна эта речь,
Служившая прологом
К зажжению гадальных свеч
И к ливню за порогом.

Ну вот, погода так плоха,
Что не бывает хуже.
Я говорю: – Моя сноха
Со мною вечно вчуже.
– Вы замужем?
– Отнюдь, отнюдь!
Но будет же когда-нибудь
Сноха при добром муже!

– А что родные говорят?
– Отец мой рад, пожалуй.
Он к нам пришел на маскарад
В какой-то маске шалой.
– А мать?
– А мама пролила
Немало слез напрасных,
Но и она на бал пришла
В одеждах распрекрасных.

– А сколько родилось детей?
– Я, право, не считала.
Они шалили меж гостей,
Не омрачая бала.

И я замечу, друг мой, вам,
Что дети были чутки,
И что проказы, шум и гам,
И эти злые шутки
Шли вовсе не от них, как вы
Подумали неверно.
Открою вам секрет – увы,
Так гадко и прескверно
Вели себя – нет, не друзья! –
Непрошеные гости,
С которыми не зналась я,
Мой друг, ни до, ни после.

Они кружили тут и там,
Кивали панибратски
И разносили по углам
Чудовищные сказки.
– А как жених?
– О, был он тих.
И только с рифмой этой
Его я в свой врисую стих
И с тем – пущу по свету.
Да что жених!
Беды в нем нет.
Но можете представить,
Напала я на чей-то след,
На чью-то злую память.
Она показывала мне
Черновики в помарках
И предлагала сжечь в огне
В обмен на сто подарков.
Вы понимаете, на что
Она мне намекала,
Когда число шептала «сто»,
Выталкивая с бала?
Она просила ровно сто,
День в день

И вечер в вечер,
Сто наших с вами лет за то.
Сто лет с последней встречи!

– Вы были правы, дав отказ.

– Я отказала. Сей же час
Гостей незваных стая,
Схватив мои черновики,
Их на ходу листая,
Подняла злую суету.
Помчалась в зал, где маски,
И предавала на лету
Всю рукопись огласке.

– А как же праздник?
– До сих пор
Он длится, как и должно.
Все посчитали вздором вздор
И ложным все, что ложно.

– Вы путано, как на беду,
Сегодня говорите.
– Да я к тому вас, друг, веду –
Была луна в зените,
И был лунатик каждый рад
Попасть на свадьбу-маскарад,
Избегнув перипетий
С карнизами.

– Ах, ну тогда
Совсем другое дело!
– К тому ж, добавьте провода
К карнизам.
– Это смело.
Да, поступили вы умно.
А как же свадьба?

– Нет давно.
– Примите сожаленья…
– Не стоит, право. Все равно
Веселье – в продолженье.
– А как же мать?
– Она больна
Была минут пятнадцать.
Теперь дозволено сполна
Всей правотой бряцать ей
Провидческих и горьких слез.
– А как отец?
– Смеясь, унес
Свою шальную маску.
Но корни пепельных волос
Сменили вдруг окраску.

Вот все. Теперь настал черед
Гаданьям ритуальным.

– Взгляните, друг мой, что-то ждет
В том будущем недальнем
Обоих нас?
– Сто быстрых лет,
Сумбурная эпоха,
Затем погода – хуже нет –
И облегченье вздоха.

Я так и думала. Ну что ж,
Теперь пора в дорогу.
Спасибо, вечер был хорош,
Хвала и слава Богу!

Старинный друг,
Чуть старше вы,
И показались старше
Из мрамора седые львы
В прихожей тихой вашей.

Не жду ответный комплимент.
Мне не идет убранство лент,
Я в нем не стала краше.

Таков обычай наших встреч,
И неизменна эта речь,
Что служит эпилогом
К гашению гадальных свеч
И ливня за порогом.

Неглинная полупуста.
Спускаюсь с ветхого моста,
В размытой вязну глине
И думаю,
Что неспроста
Гончар с гончарного поста
Не смог уйти доныне.

1979-2011
Филадельфия

Мария Санду

«Моя бабушка любит июнь...»

Марии Санду шестнадцать лет, она учится в 11 классе средней школы № 17, и я уже три года внимательно слежу за ее творчеством. В стихах Маши мне нравится интонация, ритм, сюжеты, которые она берет из жизни, словно постоянно пишет свой лирический дневник. Она уже научилась создавать *первые* и *последние* строчки стихотворений, вводить в канву стихотворения элементы неожиданности. Ее поэтические открытия требуют вдумчивого читателя. У нее еще, разумеется, все впереди – она делает только первые шаги в литературе, но делает их уверенно.

Игорь Потоцкий

Другу

Когда смотрю я на твою улыбку –
На ту, что будто светится во мгле,
Все чаще я тоскую и печалюсь,
Что предназначена она не мне.

Я рада, что ты можешь, рассмеявшись,
Меня застать врасплох обидным словом,
Но быстро вновь становишься ты прежним –
Красивым, чутким, милым и веселым.

Мне хорошо, когда тебя я вижу,
Хоть мы с тобою вовсе не близки…
Тебя я не люблю, а ненавижу,
Но все еще пишу тебе стихи.

* * *

Учитель моя немного хромала,
По лестнице шла, держась за перила.
Ей, казалось, с трудом давались шаги,
Но она к нам всегда на урок приходила.

Кричала на нас, но была справедливой,
А злилась – цвела ярким маковым цветом.
Когда же случалась большая беда,
Сразу же к ней я шла за советом.

Она не нуждалась в нашей поддержке,
Но мы всем классом ее провожали домой.
Учитель долго в сумке искала ключи
И дверь открывала дрожащей рукой.

Когда же за дом до последнего все завернут,
Безмолвно она у окна нам помашет.
К иссохшим губам покатятся слезы,
Но она нам о них никогда не расскажет.

Бабушка

Поздней весной впустит старая свет в дом,
Вытрет тряпочкой пыль с буфета.
Моя бабушка любит июнь,
К ней опять возвращается лето.

Июнь солнечными лучами греет ее поясницу,
Лечит тело разными травами,
А на клумбе ее цветы
выступают гордыми павами.

Моя бабушка любит июнь,
Но с нетерпением июля ждет,

Чтобы выскочить вдруг за порог:
– Неужели внучка ко мне идет?

Моя бабушка любит июнь,
Только любит она не глазами –
Сердцем, старая, любит,
Душой и морщинистыми руками…

Александра Ильф

«Муза дальних странствий», или Погоня за бриллиантами

Роман «Двенадцать стульев» существует в литературе более 80 лет. Он изобилует таким количеством остроумных положений, так ярко разработан сюжет всей вещи, так полно и сочно очерчены типы, что успех романа понятен и по-прежнему возбуждает живой интерес читателей.

Роман «Двенадцать стульев» был первым общим сочинением молодых авторов – Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Начатый осенью 1927 года, он был напечатан в журнале и вышел отдельной книгой в 1928 году. Одесситы, переселившиеся в столицу в 1923 году, работали в газете «Гудок» и печатались в юмористических журналах и газетах. «Двенадцать стульев» – первое их сочинение, написанное вместе, «в четыре руки».

Не станем обсуждать тогдашние критические статьи о романе, оценку современников, отзыв Владимира Набокова о писателях и романе – об этом написано много. Поговорим о другом.

Интересна и увлекательна сама история создания романа. Идею подарил «мэтр» Валентин Катаев, старший брат Петрова и друг Ильфа. Однажды в редакции «Гудка» он заявил, что хочет, как вспоминал Петров, «создать литературную артель на манер Дюма-отца»: «Я вам буду давать темы, вы будете писать романы, а я их потом буду править. Пройдусь по вашим рукописям рукой мастера – и готово. Как Дюма-пэр. Ну, кто желает?».

«В это время, – рассказывает Катаев, – мое воображение кипело, и я решительно не знал, куда девать сюжеты, ежеминутно приходившие мне в голову. Среди них появился сюжет о брил-

лиантах, спрятанных во время революции в одном из двенадцати стульев гостиного гарнитура». «Чем не авантюрный роман?» – приводит его слова младший брат.

Тему подхватывает их современник Виктор Шкловский: «Валентин Катаев… дал сюжет Ильфу и Петрову для книги «Двенадцать стульев». Сюжет он взял недалеко. У Конан-Дойля есть рассказ «Шесть Наполеонов». Итальянец, формовщик бюстов, спрятал черную жемчужину в гипсовую массу головы одного бюста. Бюсты проданы. Итальянец ищет бюсты и разбивает их. Позднее режиссер Оцеп сделал из этого сценарий «Кукла с миллионами». Еще позднее сюжет снова ожил. Он ожил в лучшем качестве, чем был рожден. <…> Переселение вещей во время революции дало этой теме глубину и правдоподобие».

Ильфу и Петрову тема пришлась по вкусу, они решили «писать вместе, одновременно, каждую строчку вместе».

Снова дадим слово Валентину Катаеву, которому благодарные соавторы посвятили книгу:

«Тогда я носился со своей теорией движущегося героя, без которого не может обойтись ни один увлекательный роман: он дает возможность переноситься в пространстве и включать в себя множество происшествий, что так любят читатели. <…>

…Увлекаясь гоголевским Чичиковым, я считал, что сила «Мертвых душ» заключается в том, что Гоголю удалось найти движущегося героя. В силу своей страсти к обогащению Чичиков принужден все время быть в движении – покупать у разных людей мертвые души. Именно это позволило автору создать целую галерею человеческих типов и характеров, что составляет содержание его разоблачительной поэмы.

Поиски бриллиантов, спрятанных в одном из двенадцати стульев, разбросанных революцией по стране, давало, по моим соображениям, возможность нарисовать сатирическую галерею типов времени нэпа».

Это полностью совпало с намерениями Ильфа и Петрова: «Мы быстро сошлись на том, что сюжет со стульями не должен быть основой романа, а только причиной, поводом к тому, чтобы показать жизнь».

И жизнь была показана во всех ее проявлениях. Не зря ведь первая журнальная публикация романа характеризовала его как «современный фельетон», или «роман-хронику».

За минувшие десятилетия книга Ильфа и Петрова породила множество литературоведческих трудов, научных комментариев, краеведческих разысканий. Почему? Что до сих пор приковывает внимание исследователей и читателей?

Свободное художественное пространство. Острый, динамичный сюжет. Схема авантюрного, приключенческого романа, использованная пародийно. Ироническое осмысление реальных событий. Фантастическая игра воображения. Зоркие сатирические наблюдения. Современность романа. Многогранный образ главного героя – великого комбинатора Остапа Бендера. Персонажи, написанные почти с натуры. Оригинальный авторский стиль. Великолепные афоризмы, фразы, реплики, прочно вошедшие в нашу живую речь.

Каждый найдет в этом романе всё, что захочет. Можно рассматривать его как историческую хронику конца 1920-х годов. Можно взять на карандаш политический контекст. Представить как образец сатиры и юмора. Заняться биографией великого комбинатора. Углубиться в прошлое Воробьянинова. Заинтересоваться прототипами персонажей. Проследить истоки авангардистской постановки «Женитьбы». Изучать быт, нравы, моды эпохи нэпа. Искать происхождение реалий, цитат, пародий. И так далее, и так далее.

Надо сказать, что все это уже было, – и рассматривали, и углублялись, и изучали.

Однако мне кажется, что никогда роман этот не рассматривался как книга путешествий и приключений.

Основа романа – путешествие

Путешествие – очень старый, очень гибкий жанр приключенческой литературы. Издавна путешествия были неотъемлемой частью образа жизни. Вспомним «Путешествия Гулливера» Свифта, «Сентиментальное путешествие» Лоренса Стерна, «Приключения Гекльберри Финна» Марка Твена. Вспомним многие другие странствия, паломничества и «хождения за три моря».

Напомним, что Ильф и Петров работали в «Гудке» – газете профсоюза железнодорожников. Им приходилось ездить в дальние командировки по стране. Профессиональная привычка невольно заставляла авторов указывать средства передвижения героев романа и точно определять их маршруты.

По законам жанра путешествие имеет определенную цель: герой находится в поисках чего-то или кого-то. Этот закон неукоснительно соблюдается авторами романа, отправляющими великого комбинатора Остапа Бендера, регистратора уездного загса Воробьянинова и священника о. Федора на поиски сокровища мадам Петуховой:

«Носит людей по стране. Один за десять тысяч километров от места службы находит себе сияющую невесту. Другой в погоне за сокровищами бросает почтово-телеграфное отделение и, как школьник, бежит на Алдан…

Муза дальних странствий манит человека. Уже вырвала она отца Федора из тихой уездной обители и бросила невесть в какую губернию. Уже и бывший предводитель дворянства, а ныне делопроизводитель загса Ипполит Матвеевич Воробьянинов потревожен в самом нутре своем и задумал черт знает что такое».

Итак, в центре сюжета – мотив «странствия», или «дороги». В описаниях передвижений героев момент входа или въезда в то или иное место оказывается очень важным, например: «В половине двенадцатого с северо-запада… в Старгород вошел молодой человек лет двадцати восьми». Неоднократно возникает образ «вокзала», в том числе великолепное отступление о московских вокзалах, связывающих столицу со всей страной.

Сюжет развивается соответственно законам жанра. Перед нами роман путешествий и приключений, где люди должны быть особенно мобильны. Герои рассредоточены по географической карте России.

Погоня за стульями происходит по традиционному поволжско-кавказско-крымскому маршруту, проложенному поколениями туристов. Сюжет путешествия вписывается в достопримечательности посещаемых мест. События в процессе поисков бриллиантов сочетаются с характерными явлениями конца 1920-х годов (шахматное поветрие, беспризорщина, эпидемии растрат, крымское землетрясение 1927 года). Конкретные события и факты повествования соотносятся с определенным временем или

местом, однако деятельность героев может протекать на фоне более значительных явлений эпохи (например, нэпа, представителей которого они встречают в Старгороде).

Характерны случайные встречи персонажей в различных точках пространства романа: на московском вокзале концессионеры сталкиваются с старгородским гробовщиком Безенчуком, на Кавказе – с московским журналистом Персицким и всеми сотрудниками газеты «Станок». В Пятигорске обнаруживаются и туристы из Старгорода – заведующий богадельней Альхен с женой Сашхен и бывший член «Союза меча и орала» Кислярский, и москвичи – супруги Щукины и Авессалом Владимирович Изнуренков. Администратор театра «Колумб», выдавая пропуска великому комбинатору, вспоминает, что «эти чистые глаза, этот уверенный взгляд он видел в Таганской тюрьме в 1922 году, когда и сам сидел там по пустяковому делу». Вдова Грицацуева безуспешно преследует «ветреного сына турецко-подданного» по коридорам московского Дома народов.

Некоторые второстепенные персонажи, сыгравшие свои роли, не покидают сюжета и остаются на сцене в виде стаффажа, превращаясь в некие элементы панорамы мест действия. Например, спеша на старгородский вокзал, компаньоны различают в толпе и слесаря-интеллигента Полесова, за которым гонится дворник, и Альхена с Пашей Эмильевичем, везущими казенное имущество на толкучку.

Как заметит читатель, авторы придерживаются хронологической точности. Точно обозначены и время действия романа (Клавдия Ивановна Петухова умирает 15 апреля 1927 года, а в конце октября, после шестимесячной погони за сокровищами, Воробьянинов перережет горло своему компаньону), и даты почти всех происходящих событий, вплоть до часов и минут.

Маршрут путешествия. Способ передвижения

Обязательный атрибут перемещения в пространстве и времени – маршрут путешествия, способ передвижения. Закон жанра требует, чтобы странствующие герои, активно передвигаясь в пространстве, наблюдали окружающий мир.

Начало путешествия. Два персонажа – Воробьянинов и отец Федор – почти синхронно перемещаются из пункта А (уездный город N) в пункт Б (Старгород). В тот же пункт Б («с северо-запада, со стороны деревни Чмаровки») прибывает Остап Бендер. Великий комбинатор и бывший предводитель дворянства отправятся в путешествие вместе. Священник отец Федор пустится в странствие один. Пути конкурентов пересекутся дважды – в Старгороде и в Дарьяльском ущелье – почти в самом начале путешествия и почти в самом его конце.

Вид путешествия главных персонажей по праву может считаться реальным. Кроме условных городов – уездного города N и Старгорода (в описание которого включены кое-какие одесские реалии), географические точки, указанные авторами, – подлинные (Москва, Пятигорск, Зеленый Мыс, Ялта и т. д.). Ильф и Петров действительно «перемещались» в описываемом пространстве: Ильф совершил поездку по Волге на тиражном пароходе «Герцен» (1925), оба автора побывали на Кавказе и в Крыму (1927). Записные книжки Ильфа тех лет подтверждают маршруты концессионеров.

Воробьянинов уезжает в Старгород из уездного города N ускоренным поездом № 7. Остап Бендер приходит в Старгород пешком. Вспомним об отце Федоре, который приезжает в Старгород бесплацкартным вагоном вечернего почтового поезда. Из Старгорода в Москву концессионеры едут в жестком вагоне, на верхних полках, а из Москвы в Нижний Новгород – ускоренным поездом («…берите два жестких места для сиденья до Нижнего, Курской дороги»).

О пребывании в Москве будет рассказано позже.

Подобно мифологическим персонажам, компаньоны двигаются по свету пешком (или, в лучшем случае, на поезде или пароходе), получая возможность созерцать окружающий мир или взаимодействовать с ним. Бендер и Воробьянинов присутствуют на первомайской демонстрации, при пуске трамвая, участвуют в антикварном аукционе, посещают «ультралевый» спектакль и попадают в ялтинское землетрясение.

В приключения искателей бриллиантов отлично вписывается мотив: «путешественник – аборигены» («Мы вам бусы, вы нам – слоновую кость»). Например: «Остап вынул из кармана маленькое позо-

лоченное ситечко. <…> На Эллочку вещь произвела такое же неотразимое впечатление, какое производит старая банка из-под консервов на людоеда Мумбо-Юмбо. В таких случаях людоед кричит полным голосом, Эллочка же тихо застонала: «Хо-хо!». Не дав ей опомниться, Остап положил ситечко на стол, взял стул и… галантно раскланялся».

Маршрут путешествия на тиражном пароходе «Скрябин»: Нижний Новгород – Бармино – Васюки

«Пароход «Скрябин», заарендованный Наркомфином, должен был совершать рейс от Нижнего до Царицына, останавливаясь у каждой пристани и производя тираж выигрышного займа».

В рукописи романа сказано, что после остановки в Бармино следуют Юрино, «потом Козьмодемьянск, потом Васюки…». Путешественников изгоняют с парохода в вымышленном городе Васюки. В путеводителе (цитирование путеводителя, ссылка на него – элемент иронических путевых очерков и пародий на них) описан г. Ветлуга, однако характерные особенности Козьмодемьянска («правый высокий берег», лестница на пристань в 400 ступеней) подтверждают «козьмодемьянское» происхождение Васюков (у Ильфа в записной книжке: «Козьмодемьянск стоит на высоченном горном берегу», есть и фотография). После скандала и бегства из шахматного клуба Бендер и Воробьянинов добираются на лодке до Чебоксар (снова пародийное описание этого города, взятое из путеводителя!), где погружаются на теплоход «Урицкий», направляющийся в Сталинград.

Маршрут поездки по Волге на теплоходе «Урицкий»: Чебоксары – Марийский посад – Козловка – Казань – Тетюши – Ульяновск – Сенгилей – село Новодевичье – Жигули – Самара – Сталинград

Эти остановки перечислены в журнальном издании романа и в записной книжке Ильфа (его последняя запись сделана в Сенгилее).

Маршрут путешествия на Кавказ и в Крым: Сталинград – Тихорецкая – Минеральные Воды – Пятигорск

От Сталинграда до станции Минеральные Воды Северо-Кавказских железных дорог Ипполит Матвеевич едет в бесплацкарт-

ном жестком вагоне («денег хватило только на один билет»), в то время как Бендера («Так и быть, зайцем поеду я…») в Тихорецкой согнали с буферов поезда, и он три часа («как дурак») дожидался там товарного поезда с пустыми нарзанными бутылками. «Дачный поезд, бренча, как телега, в пятьдесят минут дотащил путешественников до Пятигорска».

Минеральные Воды – Беслан – Владикавказ

Следующий этап путешествия совершается, главным образом, по железной дороге. Из Минеральных Вод выехать было нелегко: Воробьянинов оказался «бездарным железнодорожным зайцем», и пришлось купить ему билет. «В Беслане Остапа, ехавшего без билета, согнали с поезда, и великий комбинатор дерзко бежал за поездом версты три, грозя ни в чем не виновному Ипполиту Матвеевичу кулаком». Все-таки он доехал на подножке вагона до владикавказского вокзала. В город их бесплатно довезли автобусом Закавтопромторга.

Маршрут вынужденного пешего перехода по Военно-Грузинской дороге: Владикавказ – Балта – станция Ларс – Дарьяльское ущелье – селение Сиони – Койшаурская долина – Пассанаур – Ананур, Душет и Цилканы – Мцхет – ЗАГЭС (Земо-Авчальская ГЭС) – Тифлис

В Тифлис компаньонов привозит крестьянин на арбе к 11 часам вечера.

Маршрут: Тифлис – Батум (поездом) Батум – Ялта (пароходом)

«Вместо того чтобы закончить курс погони за сокровищами в Тифлисе, теперь приходилось еще перебрасываться на Крымский полуостров. <…> Были куплены билеты в Батум и заказаны места во втором классе парохода «Пестель», который отходил из Батума на Одессу 7 сентября в 23 часа по московскому времени.

В ночь с 10 на 11 сентября… «Пестель», не заходя в Анапу из-за шторма, повернул в открытое море и взял курс прямо на Ялту…»

В Ялте путников настигает землетрясение: «Удар в девять баллов, причинивший неисчислимые бедствия всему полуострову, вырвал сокровище из рук концессионеров».

Законченный мир романа открыт для передвижений человека и в то же время полностью сохраняет свойства глобальности и простора: в нем соблюдены все дистанции и масштабы, обозначены все полюса.

«Во все концы страны бегут длинные тяжелые поезда дальнего следования. Всюду открыта дорога. Везде горит зеленый огонь – путь свободен. Полярный экспресс подымается к Мурманску. Согнувшись и сгорбясь на стрелке, с Курского вокзала выскакивает «Первый-К», прокладывая путь на Тифлис. Дальневосточный курьер огибает Байкал, полным ходом приближаясь к Тихому океану.

От Батума до Синопа стоял великий шум. Море бесилось и срывало свое бешенство на каждом суденышке. Пароход «Ленин», чадя своими трубами и тяжело оседая на корму, подходил к Новороссийску. Шторм вертелся в Черном море, выбрасывая тысячетонные валы на берега Трапезунда, Ялты, Одессы и Констанцы. За тишиной Босфора и Дарданелл гремело Средиземное море. За Гибралтарским проливом бился о Европу Атлантический океан. Сердитая вода опоясывала земной шар».

После возвращения в Москву Бендер и Воробьянинов снова ютятся в «Общежитии имени монаха Бертольда Шварца». Поиски сокровищ продолжаются (последний стул был обнаружен Бендером в Клубе железнодорожников на Каланчевской площади), путешествие завершилось.

Странствие – суровое испытание для героев романа

В перспективе искателей бриллиантов ждут 150.000 рублей 00 копеек. Однако в погоне за ними герои терпят лишения, их постигают неудачи. Авторы пристально следят за их «дебетом» и «кредитом». Очень интересно узнать цены тех лет.

Когда беспризорный просит у Остапа 10 копеек, тот может дать ему только яблоко, присовокупив к нему знаменитую

фразу: «Может быть, тебе еще дать ключ от квартиры, где деньги лежат?».

Бендер продает астролябию за 3 р. Воробьянинов уступает компаньону свой жилет за 8 р., которых никогда не получит. Бендер требует у него 2 р. за бритье и стрижку. Получает червонец взятки от Альхена. Отказывается от пятирублевых и трехрублевых номеров в гостинице, предпочитая им номер за 1 р. 80 к. Бендер взимает с Воробьянинова 35 р. за отобранные у архивариуса ордера, велит уплатить за гостиничный номер. От «Союза меча и орала» (пожертвования в пользу детей) получено 535 р.

В Москве Воробьянинов ведет Лизу в кино («самые дорогие билеты») и в ресторан «Прага», где телячьи котлеты стоят 2 р. 25 к., филе – 2 р. 25 к. (слишком дорого!), заказывает сосиски – 1 р. 25 к., и водки – 5 рублей («большой графин»). «Почем у вас огурцы соленые? Ну, хорошо, дайте два». Итого: «9 рублей 20 копеек». Купил у старушки все ее баранки вместе с корзиной, катался на лихаче. После «ночи наслаждений и утех» у Воробьянинова из 200 рублей осталось 12. На покупку вожделенного гамбсовского гарнитура не хватило 30 р.

Бендер выдает своим малолетним агентам по рублю. Изнуренков дает бывшему предводителю дворянства полтинник «на чай». Бендер хочет купить у Эллочки стул за 7 р. После скандала на пароходе «Скрябин» «в деньгах было категорически отказано». Из Васюков они увозят «50 рублей чистой прибыли». В Чебоксарах продают лодку (5 р.). По пути из Минеральных Вод в Пятигорск Остап «накропал» 3 р. Нарзан – 10 к., вход в «Цветник» – 10 к. Концессионеры планируют купить три стула за 20 р. Воробьянинов просит подаяние (7 р. 29 к.). Остап покупает квитанционную книжку («на последний гривенник») и торгует билетами на вход в Провал («Пятнадцать рублей как одна копейка»). Отдают «измученному нарзаном» монтеру Мечникову 20 р., но получают только два стула. Воробьянинов выступает в Минеральных Водах как бывший попечитель учебного округа: «Два рубля за двенадцать часов тяжелой и унизительной работы».

«…Все попытки достать деньги на проезд по Военно-Грузинской дороге или совершенно не приносили плодов, или давали средства, достаточные лишь для дневного пропитания».

«Альпийское нищенство» в Сиони приносит 3 пятака (Воробьянинов) и 30 к. (Остап). В Пассанауре Персицкий выдает Остапу 3 р. В Тифлисе Остап встречает гражданина Кислярского («Одесская бубличная артель – Московские баранки»): «Какой случай! Фортуна! Если я сейчас не вскрою его на 500 рублей, плюньте мне в глаза!». Кислярскому не повезло: при второй встрече с Остапом в Ялте ему пришлось расстаться еще со ста рублями.

Дорожные впечатления и наблюдения

«В Старгороде было две Советских улицы».

«Посадка в бесплацкартный поезд носила обычный скандальный характер. Пассажиры, согнувшись под тяжестью преогромных мешков, бегали от головы поезда к хвосту и от хвоста к голове. Отец Федор ошеломленно бегал со всеми. Он так же, как и все, говорил с проводниками искательным голосом, так же, как и все, боялся, что кассир дал ему «неправильный билет»…

«Пассажир очень много ест. Простые смертные по ночам не едят, но пассажир ест и ночью».

«Прошли через весь Пречистенский бульвар и вышли на набережную, к храму Христа Спасителя. За Москворецким мостом тянулись черно-бурые лисьи хвосты. Электрические станции Могэса дымили, как эскадра. Трамваи перекатывались через мосты. По реке шли лодки. Грустно повествовала гармоника».

Остап о Тифлисе: «Городок не плох».

«…Отец Федор летел в последнем автобусе вдоль морского берега к Батуму. Под самым боком, со звуком перелистываемой книги, набегал легкий прибой, ветер ударял по лицу, и автомобильной сирене отвечало мяуканье шакалов. <…> Погода была сумрачная. С турецкой границы ветер нагонял тучи. Чорох курился. Голубая прослойка в небе все уменьшалась. Шторм доходил

до семи баллов… Гул и гром стояли над Батумом. Шторм тряс берега».

«К Ялте подошли в штилевую погоду, в изнуряющее солнечное утро. <…> Веселая Ялта выстроила вдоль берега свои крошечные лавчонки и рестораны-поплавки. На пристани стояли экипажи с бархатными сиденьями под полотняными вырезными тентами, автомобили и автобусы «Крымкурсо» и товарищества «Крымский шофер».

«Было двенадцать часов и четырнадцать минут. Это был первый удар большого крымского землетрясения 1927 года. <…> Остап был вне себя: землетрясение встало на его пути. Это был единственный случай в его богатой практике».

Московская топонимика и маршруты перемещения героев по городу

Путешествие по нэповской Москве – это путешествие в 1927 год. «Перед путниками развернулась величественная панорама столичного города», который отец Федор называет «совсем западноевропейским».

Бендер отлично знаком с Москвой (так же, как и со многими другими городами): утверждает, что хороших людей в Москве масса, и все его знакомые. В «Общежитии имени монаха Бертольда Шварца» он появляется не впервые. Со знанием дела говорит о «пенале» студента Иванопуло: «Приличная кубатура для Москвы». Возможные варианты его карьеры, о которых он размышлял в Старгороде, «были задуманы во время его последнего пребывания в Москве».

До революции Воробьянинов тоже не сидел на месте. Он ездил с Еленой Станиславовной в Париж, «часто бывал в Петербурге и Москве, любил слушать цыган, делая при этом тонкое различие между петербургскими и московскими»; в 1912 году на две недели уезжал в Москву «на банкет, затеянный охотничьим клубом в честь умерщвления известным охотником г. Шарабариным

двухтысячного, со времени основания клуба, волка». Разумеется, он не узнал новой Москвы: «Помню я Москву, Елизавета Петровна, не такой. Сейчас во всем скаредность чувствуется. А мы в свое время денег не жалели».

Вот какие московские достопримечательности предстали глазам наших путешественников: *Каланчевская площадь. Охотный ряд* (с его уличной торговлей). *Арбатская площадь. Пречистенский бульвар. Сивцев Вражек с «Общежитием имени монаха Бертольда Шварца»* (в самом деле – Чернышевский переулок, или улица Станкевича, у Никитских ворот, где в доме № 7 помещалось общежитие газеты «Гудок»). *Музей мебельного мастерства* (Александрийский, или Нескучный дворец). *Большой театр. Храм Христа Спасителя* (Пречистенская площадь). *Кино «АРС»* (Тверская, д. 61, недалеко от Триумфальной площади). *Ресторан «Прага» – образцовая столовая МСПО* (Московский союз потребительских обществ); по словам Бендера, – «лучшее место в Москве». *Аукцион Главнауки* (Петровский пассаж). *Театральная площадь. Малый театр. «Храм» МСПО и кооператив «Коммунар»* (бывшие магазины Филиппова и Елисеева) на Тверской улице*. Памятник Пушкину*. *Стадион «Юных пионеров». Кино «Великий немой»* (Тверской бульвар; позже – «Новости дня»).

Утверждение Воробьянинова, что «Париж не в пример лучше Белокаменной, которая, как ни крути, остается бессистемно распланированной большой деревней», подтверждается такими наблюдениями:

«На Сивцевом Вражке рояли, мандолины и гармоники праздновали весну. Окна были распахнуты. Цветники в глиняных горшочках заполняли подоконники. Толстый человек с раскрытой волосатой грудью, в подтяжках, стоял у окна и страстно пел. Вдоль стены медленно пробирался кот. В продуктовых палатках пылали керосиновые лампы. <…>

…В этот час прохожие замедляли шаги, но не только потому, что Тверская становилась тесна. Московские лошади были не лучше старгородских: они так же нарочно постукивали копытами по торцам мостовой. Велосипедисты бесшумно летели

со стадиона «Юных пионеров». Мороженщик катил свой зеленый сундук, полный майского грома, боязливо косясь на милиционера; но милиционер, скованный светящимся семафором, которым регулировал улицу, был не опасен. <…> Из пивных, ресторанчиков и кино «Великий немой» неслась струнная музыка. У трамвайной остановки горячился громкоговоритель».

Компаньоны наносят визиты счастливым обладателям стульев, имеющим реальные адреса: *Эллочка Щукина* («шикарная чмара») – Варсонофьевский переулок, кв. 17. *Авессалом Изнуренков* («блеющий гражданин») – Садово-Спасская у Красных ворот (старая московская гостиница, превращенная в жилтоварищество), комн. 41. *Дом народов* (Дворец труда; «куплен завхозом редакции газеты «Станок») – Солянка, дом 12. *Никифор Ляпис-Трубецкой* (певец «многоликого Гаврилы») – Казарменный переулок, у Чистых прудов, дом 9, кв. 9 («Там татары рядом живут. Во дворе»). Кстати, обладатели стульев имеют реальных прототипов.

Нельзя усомниться в познавательной ценности путешествия героев по Москве конца 1920-х годов с такими экскурсоводами, как Ильф и Петров!

Мотив странствия – один из способов раскрытия характера героя

Остап Бендер

Ограничимся цитатами, которые говорят сами за себя. Начать с того, что волею судеб великий комбинатор – «профессиональный» путешественник: «Живость характера, мешавшая ему посвятить себя какому-нибудь делу, постоянно кидала его в разные концы страны…».

По натуре он – авантюрист высокого класса: «Великий комбинатор находился в положении рулеточного игрока… одного из той породы людей, которые желают выиграть сразу в тридцать шесть раз больше своей ставки».

Когда Остап Бендер появился в Старгороде, «…у него не было ни денег, ни квартиры, где они могли бы лежать, ни ключа, ко-

торым можно было бы квартиру отпереть. У него не было даже пальто. В город молодой человек вошел в зеленом в талию костюме. Его могучая шея была несколько раз обернута старым шерстяным шарфом, ноги были в лаковых штиблетах с замшевым верхом апельсинного цвета. Носков под штиблетами не было». Поэтому ему так хорошо на пароходе «Скрябин»: «Остап… положил в карман ключ от каюты… Он чувствовал немалое удовлетворение при прикосновении к ключу. Это было первый раз в его бурной жизни. Ключ и квартира были. Не было только денег. Но они находились тут же, рядом, в стульях».

Он сохраняет оптимизм при любых обстоятельствах:

«Остапа не тревожила неудача с этим стулом, четвертым по счету. Он знал все штучки судьбы».

«У него был приготовлен совершенно неожиданный выход для спасения даже самой безнадежной партии».

«– Довольно, – сказал Остап, – выход один: идти в Тифлис пешком. В пять дней мы пройдем двести верст. …Очаровательные горные виды, свежий воздух!..»

Сын турецко-подданного всегда поступал так, «как подсказывали ему разум, здоровый инстинкт и создавшаяся ситуация». Например: «Остап сразу понял, как вести себя в светском обществе. Он закрыл глаза и сделал шаг назад. – Прекрасный мех! – воскликнул он».

Посмотрите, как Остап «учит жить» покорного Кису:

«Вам придется побыть часок гигантом мысли и особой, приближенной к императору. <…> Вы должны молчать. Иногда, для важности, надувайте щеки».

«Сколько раз я вам говорил, что красть грешно! Еще тогда, когда вы в Старгороде хотели обокрасть мою жену, мадам Грицацуеву, еще тогда я понял, что у вас мелко-уголовный характер. Самое большое, к чему смогут привести вас эти способности, – это шесть

месяцев без строгой изоляции <…> Я вам передачу носить не буду, имейте это в виду».

«У вас талант к нищенству заложен с детства».

Бендер не церемонится с Воробьяниновым, и даже комплименты его носят издевательский характер: «Ах! – говорил Бендер. – Высокий класс! Если б я был женщиной, то делал бы такому мужественному красавцу, как вы, восемь процентов скидки с обычной цены».

И все-таки он не презирает своего бездарного компаньона: «…В душе великий комбинатор привязался к одичавшему предводителю. «Без него не так смешно жить», – думал Остап. И он весело поглядывал на Воробьянинова, у которого на голове уже пророс серебряный газончик».

Находка последнего стула («вскрытие» еще не состоялось) окончательно размягчает душу руководителя предприятия: «Вы одеты, как сапожник! – радостно болтал Остап. – Кто так ходит, Киса? Вам необходимо крахмальное белье, шелковые носочки, цилиндр. В вашем лице есть что-то благородное. Скажите, вы в самом деле были предводителем дворянства?»

Ипполит Матвеевич Воробьянинов

Революция 1917 года положила конец перемещениям бывшего предводителя дворянства в пространстве: «Он, который прожил в России всю жизнь и революцию, видел, как ломался, перелицовывался и менялся быт. Он привык к этому, но оказалось, что привык он только в одной точке земного шара – в уездном городе N. Приехав в родной город, он увидел, что ничего не понимает. Ему было неловко и странно, как если бы он и впрямь был эмигрантом и сейчас только приехал из Парижа».

Через десять лет он снова становится путешественником, странником, и жизнь его в корне меняется:

«Быстрый переход от спокойной жизни делопроизводителя уездного загса к неудобному и хлопотливому быту охотника

за брильянтами и авантюриста даром не дался. <…>. Под суровым надзором Бендера Ипполит Матвеевич терял свою физиономию и быстро растворялся в могучем интеллекте сына турецкоподданного».

«Воробьянинов давно уже потерял тот самодовольный вид, с которым некогда начинал поиски брильянтов.

Лед, который тронулся еще в дворницкой… давно уже измельчал и стаял. Льда уже не было. Была широко разлившаяся вода, которая небрежно несла на себе Ипполита Матвеевича, швыряя его из стороны в сторону, то ударяя его о бревно, то сталкивая его со стульями, то унося от этих стульев. Невыразимую боязнь чувствовал Ипполит Матвеевич. Все пугало его… Конца пути не было видно. К берегу не прибивало, а плыть против течения бывший предводитель дворянства не имел ни сил, ни желаний.

Его несло в открытое море приключений».

«…Ипполит Матвеевич переменился необыкновенно. <…> В характере появились не свойственные ему раньше черты решительности и жестокости. Три эпизода постепенно воспитали в нем эти новые чувства: чудесное спасение от тяжких кулаков васюкинских любителей, первый дебют по части нищенства у пятигорского «Цветника», наконец землетрясение, после которого Ипполит Матвеевич несколько повредился и затаил к своему компаньону тайную ненависть».

Как мы знаем, путешествие закончилось трагически. Зарезав Бендера бритвой «Жиллет», Воробьянинов бросился вскрывать последний стул.

«Сейчас же на автомобиль, – подумал Ипполит Матвеевич, обучившийся житейской мудрости в школе великого комбинатора, – на вокзал. И на польскую границу. За какой-нибудь камешек меня переправят на ту сторону, а там…»

Но, кроме прекрасных английских пружин и замечательной набивки, в стуле ничего не содержалось. Это и был финал путешествия.

Мечты героев

Убогие мечты Воробьянинова ограничены его дореволюционным прошлым и советским настоящим. Мечты Остапа говорят о широчайшем размахе его фантазии (впрочем, единственной сбывшейся его мечтой оказался «дивный серый в яблоках костюм»).

«В голове Ипполита Матвеевича творилось черт знает что. Звучали цыганские хоры, грудастые дамские оркестры беспрерывно исполняли «танго-амапа»... Многое представлялось Ипполиту Матвеевичу: и оранжевые упоительно дорогие кальсоны, и лакейская преданность, и возможная поездка в Тулузу».

«Друзья, мечтая, что они купят, когда станут богачами, вышли из Пассанаура. Ипполит Матвеевич живо воображал себе покупку новых носков и отъезд за границу. Мечты Остапа были обширнее: не то заграждение Голубого Нила плотиной, не то открытие игорного особняка в Риге с филиалами во всех лимитрофах».

Приключения героев – неотъемлемая часть путешествия

Авантюры

Союз Остапа Бендера и Воробьянинова. Погоня за стульями. Бендер – инспектор пожарной охраны. Остап организует тайный «Союз меча и орала», объявляя Воробьянинова «особой, приближенной к императору». Женитьба Остапа на вдове Грицацуевой. Визиты Остапа к Коробейникову, Эллочке-людоедке, инженеру Щукину, Изнуренкову и пр. Похищение стульев (в редакции газеты «Станок», у Ляписа, на пароходе «Скрябин», в театре «Колумб»). Бендер представляется художником, закончившим ВХУТЕМАС. Шахматный турнир в Васюках; проект превращения Васюков в Нью-Москву. Продажа билетов на вход в Провал. Бендер вымогает деньги у Кислярского, вновь выставляя Воробьянинова как «гиганта мысли и отца русской демократии».

Комические эпизоды

Воробьянинов – жертва «Титаника». Визит Бендера в Старсобес. Битва Воробьянинова с о. Федором. Ухаживание Воробьянинова за Лизой. «Попал под лошадь». Остап охмуряет людоедку Эллочку. Остап спасает голого инженера. Бегство от разъяренных шахматистов. Воробьянинов просит подаяние в Пятигорске. «Альпийское нищенство» героев на Кавказе. Встреча в Дарьяльском ущелье с отцом Федором.

Неудачи

Провалившийся аукцион. «Стулья расползаются, как тараканы». Запой «измученного нарзаном» монтера Мечникова. Ялтинское землетрясение. Гибель великого комбинатора. Последний удар судьбы в клубе железнодорожников.

Объекты наблюдений героев

Пространство «дороги» и «города»:

«Голова у Ипполита Матвеевича кружилась. Погоня за стульями входила в решающую стадию. Удлиненные тени лежали на раскаленной мостовой. Пыль садилась на мокрые, потные лица. Подкатывали пролетки. Пахло бензином. Наемные машины высаживали пассажиров. Навстречу им выбегали Ермаки Тимофеевичи, уносили чемоданы, и овальные бляхи их сияли на солнце».

«…Остап с любопытством взирал на развернувшуюся перед ним панораму Кавказской горной цепи. Был четвертый час утра. Горные вершины осветились темно-розовым солнечным светом. Горы не понравились Остапу.

– Слишком много шику, – сказал он. – Дикая красота. Воображение идиота. Никчемная вещь».

«Как только они очутились на середине переулка, земля тошно зашаталась под ногами, с крыши театра повалилась черепица, и на том месте, которое концессионеры только что покинули, уже лежали останки гидравлического пресса».

«При переходе через Крестовый перевал (2345 метров над уровнем моря) его (отца Федора) укусил орел».

«У третьего окна от парадного подъезда железнодорожного клуба Ипполит Матвеевич остановился. Зеркальные окна нового здания жемчужно серели в свете подступающего утра. В сыром воздухе звучали глуховатые голоса маневровых паровозов».

Путевые встречи:

«Проходя мимо двери отца Федора, мстительный сын турецкого подданного пнул ее ногой. Из номера послышалось слабое рычание затравленного конкурента».

«Гаврилин начал свою речь хорошо и просто:

– Трамвай построить, – сказал он, – это не ешака купить.

В толпе внезапно послышался громкий смех Остапа Бендера. Он оценил эту фразу».

«…Когда Полесов постучал в дверь и Елена Станиславовна спросила: «Кто там?» – Воробьянинов дрогнул. Голос его любовницы был тот же, что в девяносто девятом году, перед открытием Парижской выставки. Но, войдя в комнату и сжимая веки от света, Ипполит Матвеевич увидел, что от былой красоты не осталось и следа».

Отец Федор Востриков

Путешествие священника Федора Острикова нисколько не напоминает приключения Бендера и Воробьянинова, хотя цель у них одна, а маршруты дважды пересекаются.

Воспользовавшись тайной исповеди и гонимый идеей завладеть сокровищами мадам Петуховой, отец Федор отправляется в путь, запасшись двадцатью золотыми десятками («все, что осталось от коммерческих авантюр») и пятьюдесятью рублями трехрублевками и пятирублевками, вынутыми из конфетной коробки.

«Паровоз закричал полным голосом, и поезд тронулся, увозя с собой отца Федора в неизвестную даль по делу загадочному, но сулившему, как видно, большие выгоды».

«Исчез отец Федор. Завертела его нелегкая. Говорят, что видели его на станции Попасная, Донецких дорог. Бежал он по перрону с чайником кипятку…

Взалкал отец Федор. Захотелось ему богатства. Понесло его по России за гарнитуром генеральши Поповой, в котором, надо признаться, ни черта нет».

Маршрут отца Федора:
Уездный город N – Старгород – Харьков – Ростов – Баку – Зеленый Мыс – Махинджаури – Батум – Тифлис – Крестовый перевал – Дарьяльское ущелье

О начальном этапе странствий рассказывают его письма. «Письма с пути» считаются обязательной чертой жанра путешествия. Эпистолярное наследие отца Федора типично для примитивных путевых описаний. По-детски наивно сравнивает он города по величине и образу жизни, сетует на постигшие неудачи (затянувшиеся поиски инженера Брунса, безденежье, утрату имущества и пр.), надеется на счастливый исход предприятия и неизменно просит жену распространять слухи, что он находится «у одра тетеньки в Воронеже». Рефрен каждого письма: «Брунса здесь уже нет». Выдержки из писем о. Федора дают полное представление о его комичной и расчетливой личности.

Из Харькова:

«Денег у меня на дорогу в обрез. Выезжаю через час товаропассажирским. А ты, моя добрая, зайди, пожалуйста, к зятю, возь-

ми у него 50 рублей (он мне должен и обещался отдать) и вышли в Ростов: главный почтамт, до востребования, Федору Иоанновичу Вострикову. Перевод, в виде экономии, пошли почтой. Будет стоить 30 копеек. <…>

Здесь, в Харькове, совсем лето. Город шумный – центр Украинской республики. После провинции кажется, будто за границу попал».

Из Ростова:

«Ну, голубушка моя, не так кратко путешествие мое, как мы думали. Ты пишешь, что деньги на исходе. Ничего не поделаешь… Вооружись терпением и, помолясь богу, продай мой диагоналевый студенческий мундир. И не такие еще придется нести расходы. Будь готова ко всему.

Дороговизна в Ростове ужасная. За номер в гостинице уплатил 2 р. 25 к. <…>

Не нравится мне город Ростов. По количеству народонаселения и по своему географическому положению он значительно уступает Харькову».

Из Баку:

«Город Баку очень большой. Здесь, говорят, добывается керосин, но туда нужно ехать на электрическом поезде, а у меня нет денег. Живописный город омывается Каспийским морем. Оно действительно очень велико по размерам. <…> А денег почти что нет. <…> По своему географическому положению и по количеству народонаселения город Баку значительно превышает город Ростов. Однако уступает городу Харькову по своему движению. <…>

Инженер Брунс действительно работает в Азнефти. Только в городе Баку его сейчас нету. Он уехал в отпуск в город Батум. <…> Живет он там на даче, на Зеленом Мысу, – такое там есть дачное место (дорогое, говорят). Пути отсюда до Батума – на 15 рублей с копейками. Вышли 20 сюда телеграфом».

Изловив, наконец, Брунса и договорившись о покупке гарнитура генеральши Поповой за 200 рублей, о. Федор шлет телеграмму жене в город N:

ТОВАР НАШЕЛ ВЫШЛИ ДВЕСТИ ТРИДЦАТЬ ТЕЛЕГРАФОМ ПРОДАЙ ЧТО ХОЧЕШЬ ФЕДЯ

Деньги были получены с отчаянной телеграммой:
ПРОДАЛА ВСЕ ОСТАЛАСЬ БЕЗ ОДНОЙ КОПЕЙКИ… КАТЯ

Убедившись, что в разрубленных на батумском берегу стульях ничего нет, о. Федор машинально продолжает странствие.

«Положение его было самое ужасное. За пять тысяч километров от дома, с двадцатью рублями в кармане, доехать в родной город было положительно невозможно. <…>

На последние деньги отец Федор доехал до Тифлиса и теперь шагал на родину пешком, питаясь доброхотными даяниями».

Встретившись с «конкурирующей организацией» в Дарьяльском ущелье, паломник в отчаянии взбирается на совершенно отвесную скалу:

«Он очутился на ровной площадке, забраться на которую не удавалось до сих пор ни одному человеку. <…>

Спустилась быстрая ночь. В кромешной тьме и в адском гуле под самым облаком дрожал и плакал отец Федор. Ему уже не нужны были земные сокровища. Он хотел только одного: вниз, на землю. <…>

Через десять дней из Владикавказа прибыла пожарная команда с надлежащим обозом и принадлежностями и сняла отца Федора. <…>

Хохочущего священника на пожарной лестнице увезли в психиатрическую больницу».

По закону жанра, путешествие может закончиться счастливо. Путешествие может закончиться и полным фиаско. Мотив потери сокровища так же традиционен, как и погоня за сокровищем.

В нашем случае путешествие заканчивается трагически.

Вожделенного сокровища нет. «Товарищ Бендер скончался». Воробьянинов впадает в безумие. Вряд ли отец Федор покинет стены психиатрической больницы.

* * *

Независимо от того, что именно заинтересует читателя в этой книге, я уверена: он не сможет не согласиться с мнением замечательного писателя и друга соавторов Михаила Зощенко: «Роман «Двенадцать стульев» – это превосходный образчик комического романа. Веселый, смешной и трогательный, он обладает еще отличными качествами – там есть настоящее знание жизни, и шарж и гротеск только подчеркивают это знание и делают роман в полной мере сатирическим».

Москва

Виталий Амурский

«Один друг сравнил меня с сиреной…»

О Кате Грановой

Катя Гранофф, если использовать французскую форму устаревшего ныне написания ее русской фамилии – Гранова… Для меня, человека из СССР, родившегося на несколько десятилетий позднее, оказавшегося во Франции, в Париже, в начале семидесятых годов минувшего века, она, конечно же, являлась одной из легендарных фигур нашей старой эмиграции, можно сказать, живым памятником прошлого и прошлому. Так что, даже называя эту женщину Катя Гранова, я все же не в состоянии перейти некий внутренний барьер, для меня она осталась только как Екатерина Федоровна Гранова. Впрочем, правильно ли так? Правильно ли называть ее по имени-отчеству, ведь Гранофф, простите – Гранова, к тому времени, когда я ее увидел, была известная – не русская, а французская владелица четырех художественных галерей, поэт… Впрочем, если о «правильности», то не уверен, что заносить ее в анналы эмиграции нужно, ибо эмиграция – имея в виду, во всяком случае, «первую», то есть состоящую в значительной степени из ее ровесников, покинувших родину в тяжелые годы революции и гражданской войны, – по сути своей, представляла людей, которых с сумасшедшего корабля российской истории раскидало где попало. Это уже позднее, приходя в себя, они начинали налаживать жизнь в новых условиях, исходя из реальностей и многочисленных не от них зависящих обстоятельств. Путь во Францию Грановой был не самым простым, но все же не столь трагичным, иным. Объяснение тому, прежде всего, во времени – Российскую империю она покинула до 1917-го года, до всеобщей паники, атмосферы великой национальной беды. Видеть родную Одессу, Юг России такими, как видела их, допустим, Тэффи (я имею в виду

страницы воспоминаний писательницы, выпущенные в Париже в 1932 году издательством «Возрождение»), Гранова не могла. В двадцатые годы, то есть к тому времени, когда Париж стал постепенно становиться одним из центров русского рассеяния, она уже чувствовала себя в этом городе вполне устойчиво. Несравненно более устойчиво, чем многие ее несчастные соотечественники и земляки. Она знала прекрасно язык, имела дружеские связи в разных французских кругах, могла зарабатывать на жизнь работой, которая ей нравилась. И хотя все то, что произошло у нее на родине, не могло оставлять ее равнодушной, от каких-либо групп и организаций русской эмиграции держалась в стороне.

Чтобы понять, как жила, росла, училась, какие проблемы вставали на ее жизненном пути и как она их преодолевала, лучший источник – ее мемуары: «Моя жизнь и мои встречи»[1].

Родилась Екатерина Федоровна 16 июля 1895 года в городе Николаеве Херсонской области, однако не Николаев, а Одессу навсегда запомнила она как место, с которым неразрывно связались ее юные годы, самое дорогое…

Одесса конца девятнадцатого – начала прошлого века, которую она восторженно, с пафосом, описывает, – прежде всего, город, основанный на месте, где всё рядом, все связано и смешано: античные мифы и Пушкин, море и акации; Одесса – шумный международный перекресток, на котором встречаются разные культуры и решаются – прежде всего, благодаря порту – взаимовыгодные торговые дела.

«Во времена моего детства, – пишет она, – исключительно интенсивное сообщение было с Неаполем и Марселем. Неаполь давал вулканическую лаву, которой покрывали одесские тротуары. Марсель в обмен на российскую пшеницу – черепицу. Чернозем Юга мог тогда кормить не только всю Россию, но и Западную Европу. Зерно золотой рекой текло в европейские порты.

Вот почему господин Дрейфюс из Парижа, не имеющий равных себе в мире продавцов зерна, приходил в наш дом, чтобы договариваться с папой, который был экспортером. Несмотря на то, что мне было всего четыре года, я помню, какое важное значение придавали этим визитам, и по таким случаям наряжали меня в красивые платья…»[2].

Понятное дело, в таком доме, при таком отце маленькая Катя не могла знать о том, как жила, допустим, какая-нибудь Мотя Черноиваненко, выведенная Валентином Катаевым в повести «Белеет парус одинокий», – это, замечу, та же самая эпоха; однако, как известно, дети своих родителей не выбирают…

Деталей своей жизни в Одессе в детские годы Екатерина Федоровна в мемуарах особо не касается, однако из них мы знаем, что ей и ее сестре мать давала уроки игры на пианино, но, увы, хорошим музыкальным слухом они не обладали; знаем, что иногда днем девочек водили в городскую оперу, где они сидели в ложе дедушки; знаем, что однажды после «Травиаты» Катя пыталась воспроизвести в мимике и голосом услышанное, но единственным ее слушателем и зрителем была сестра.

Когда дети получили право находиться за общим столом со взрослыми, они должны были соблюдать принятые ограничения – в разговоре нельзя было касаться темы денег…

Вспоминая об учебе, Екатерина Федоровна не указывает, где именно училась, ясно лишь – не в частной школе, что было бы неудивительно:

«Школьницей я носила форму, обязательную для государственных гимназий. Моя была из шерстяной ткани зеленого цвета, с черным фартуком с пластроном. Летом рукава расшивались – их заменяли на белые, из батиста, так же было и с фартуком. Что оставалось, однако, без перемен во все времена года – две моих светло-пепельного цвета косы, которые друзья с удовольствием дергали.

Лицеисты и студенты носили костюмы и фуражки полувоенного типа. Несмотря на то, что в таком регламенте было клеймо царизма, я относилась к этому положительно, так как подобная одежда убирала признаки внешнего неравенства».[3]

Детали интересные, из которых можно сделать вывод, насколько в семье Грановых уважались принятые тогда в обществе нормы приличия, насколько глубоко этикет поведения внедрялся в сознание детей.

«История моей семьи тесно связана с судьбой города, – повествует о своей родословной мемуаристка. – Мой прадед по материнской линии, ремесленник, получил один из участков

земли, которые тогда раздавали с целью привлечения населения в зарождающемся городе. На этом месте он построил дом и устроил семью.

Его сын, мой дед, занимался продажей сукна. Он был настолько красив, что моя будущая бабушка, причесывавшая свои длинные каштановые волосы около освещенного солнцем окна, при появлении его во дворе уронила гребенку. Он поднял ее и увидел молодую красавицу, которая потом стала его женой, тогда как обычай не позволял будущим супругам видеть друг друга до дня свадьбы.

Они имели двенадцать детей, мальчиков и девочек, и мой дед со временем стал одним из крупнейших торговцев сукна Юга России, через Польшу, Германию и Францию налаживая торговый путь с Англией. По гражданской линии он был отмечен высокой наградой…».[4]

Бабушка, по словам Грановой, с большой любовью и вниманием занималась внуками и внучками, а также славилась своей добродетелью для бедных. Продолжая описание своего рода с этой стороны, она подчеркивает: «Все мои дяди и тети получили европейское образование. Мальчики, как только оканчивали школу, учились в университетах. Среди первых русских женщин старшая из дочерей получила в Швейцарии диплом доктора медицины, но там же внезапно скончалась. После этого другие дочери ограничивались школьной учебой, языками и иностранными литературами. Так и было с моей матерью, которая, к тому же, стала замечательной пианисткой».[5]

Ну а по линии отца?

«Семья моего отца, Федора, сына Константина, была привержена науке и свободным профессиям. Дедушка Гранов был эрудит-лингвист, однако, поскольку о нем в семье никогда не говорили (бабушка развелась и женилась заново), я узнала о его достоинствах только в университетах Лозанны и Женевы, благодаря тем профессорам, которые его прежде знали. Для того чтобы развлечься во время беременности, эта бабушка читала «Критику чистого разума» Канта.

У отца были два брата и сестра. Старший – адвокат, младший – врач, но сам папа вынужден был прервать свою учебу по ком-

мерческой линии не только для прохождения службы в армии за себя, а также за своих братьев, чтобы они могли получить дипломы. Такая практика случалась в России.

Тем не менее, из всех троих он был самый большой эрудит, многим интересовавшийся, но особенная страсть у него была к математике. Он был блестящий собеседник, юмор его был неотразимый…».[6]

Воспоминания о детстве блестят на страницах книги «Моя жизнь и мои встречи», подобно лучам солнца в воде:

«Мы жили в одном из домов, принадлежащих дедушке по материнской линии, а в Одессе он имел их несколько. Летом устраивались на дачах у берега моря, и я с сестрой в сопровождении взрослых по узким ступенькам, вырезанным из вулканического туфа, спускались купаться. Надо сказать, что плавать мы научились с трехлетнего возраста, каждая, держась за мамину ногу – мама была отличная пловчиха, и отец в юные годы был пловец легендарный. С тех пор непреодолимая страсть притягивает меня к морю, и мой любимый вид спорта, которым я до сих пор занимаюсь, остается плавание. Я даже называю свою галерею в Каннах «пляжной кабинкой». В самом деле, стоит мне пересечь бульвар де ля Круазетт, чтобы сразу оказаться в Средиземном море.

Где бы я ни была, в Париже, в Онфлере, в Каннах или в Сорел[7], вода всегда присутствует поблизости от меня. Деревня меня быстро утомляла бы, если бы там не было рядом реки или хотя бы водоема с лилиями.

Один друг сравнил меня с сиреной, чудовищем грациозным, которое, как известно, не всегда безобидное.

Девочкой я была как настоящий мальчишка, иногда забираясь на деревья так высоко, что не знала, как спуститься. К счастью, имелся добрый слуга, старый дракон, который своими протянутыми руками спасал меня от вероятного падения.

Я росла среди искусств: живописи – хорошей или плохой, прекрасной музыки, великолепных песенных исполнений, и особенно – особенно – поэзии. Дети заучивали большие стихи наизусть. Однако до того как подняться на этот культурный уровень, для нас большим наказанием было слушать, как папа звучным голосом цитировал тирады из Шекспира, Расина или Шиллера.

Случалось, он обращался к нам с импровизированными мадригалами. Русские, особенно крестьяне, обладают врожденным талантом стихосложения. Они рифмуют, поют и танцуют все естественно.

Что до меня, то небольшие, вполне детские стихотворения я начала писать с пяти лет…»[8]

Счастливые детство и отрочество оборвались со смертью матери, которой был всего 41 год. Отец пережил ее ненадолго. Вместе с младшей сестрой Катя переезжает к дедушке с бабушкой, живя у них, завершает среднее образование. И поскольку в семье хотели дать девушкам достойное образование, отправляют их в Швейцарию. Поселяются сестры в женском пансионате городка Пюли, недалеко от Лозанны. Помимо занятий, направленных на повышение общего культурного уровня (хотя, по мнению Грановой, те знания, которые она получила в Одессе, давали ей право знать больше многих других девочек), в Пюли, утопающем в розах и виноградниках, можно было прекрасно проводить время – летом играть в теннис, купаться в расположенном поблизости озере Леман, которое, опять-таки по воспоминаниям Екатерины Федоровны, все же было далеко не такое замечательное, как Черное море; зимой – совершать лыжные прогулки или кататься на коньках в близлежащем городке Гстаад…

Преподавательница танцев считала, что Катя могла бы стать балериной, однако танцам она предпочитала философию.

Конечно, по таким деталям можно представить, что учебный женский пансионат в Пюли был местом для отдыха. Нет, в действительности все воспитанницы находились под строгим контролем, даже читать там можно было не все. Имевшуюся у Грановой-старшей книгу Гюго «Собор Парижской Богоматери» конфисковали…

Так или иначе, в возрасте восемнадцати с половиной лет она не только успешно сдала все экзамены, но и получила похвалу жюри, стала дипломированным специалистом по языкам и философии, в частности, по Платону. Завершила свою учебу и ее сестра, после чего обе перебрались в Женеву, где Катя стала студенткой на только что созданном тогда в университете факультете социальных и экономических наук.

Жизнь в Женеве Грановых значительно отличалась от той, что они вели в Пюли. Над ними, повзрослевшими, уже не было такого надзора, как прежде; среди их знакомых и друзей оказалось немало русских эмигрантов-революционеров. В их числе – Ленин, его приближенные, будущие советские министры, хотя в то время никто, конечно, не знал о своем будущем…

«Наша девическая квартира стала очагом революционным, где мы собирали посылки для русских солдат, находящихся в плену в Германии, – вспоминала об этом периоде Гранова. – Mademoiselle[9] полагала, что дело касалось благотворительности. В посылках же вместе с консервами и теплой одеждой находилась пропагандная революционная литература. Немцы относились к таким отправлениям положительно, так как они наносили урон авторитету российской власти и понижали военную силу России. Позднее они дошли до того, что организовали знаменитый запломбированный поезд, который пересек всю Германию, чтобы доставить революцию в Петроград. В этом самом поезде с Лениным во главе находились наши женевские друзья. В то время моя легкомысленность дошла до того, что я отправила сестре, которая вернулась в Россию после моего брака, великолепное бальное платье с розами-помпонами – доверила отправку с Лениным и его друзьями. Платье прибыло, что поразило семью.

Из этого видно, насколько я не понимала, до каких крайностей дойдет эта революция, мирная в самом начале, при которой, как представлялось, в России установятся республиканский строй и демократия, которых я так желала всем сердцем. То, что последовало, – не предусматривалось…»[10]

Семейная жизнь (она вышла замуж за молодого человека, который позднее стал известным врачом), о которой упоминает в этом отрывке Гранова, не сложилась. По ее собственному решению. Познакомившись с эмигрантом из большевистской России, музыковедом – в мемуарах она не называет его фамилию, только имя – Яша, – который был старше ее на двенадцать лет, она оставляет мужа, перебирается к возлюбленному в Берлин. Туда же с волной российских беженцев, бегущих из Петрограда через Скандинавию, спасаясь от преследований режима, приезжает ее сестра – на сей раз не одна, а с дядей, тетей, двоюродными братьями.

Итак, новый виток жизни? Да, однако недолгий. Смерть страдавшего болезнью легких Яши, трудности материальные – денег на жизнь уже не поступало, нужно было работать… Берлин не притянул к себе Гранову. Она направляется в Париж, город, с которым свяжет свою дальнейшую судьбу.

«Париж, гавань в конце бродяжничества… – пишет она, обращаясь к Парижу, как к существу живому. – Я свободно выбрала тебя среди всех городов мира. Спасибо за то, что полюбил меня, как любила тебя я, и за внимание, с которым услышал ты мои напевы».[11] Восхищение это пронизывает первые же ее стихи, написанные здесь:

Наклоняясь с перил
Балкона, вижу тебя, Париж,
Твои дворцы с благородными фасадами,
Окруженные садами с цветами;
Вижу длинные перспективы
Мостов, переброшенных с берега на берег,
Вижу мимолетную красоту
Твоих закатов и восходов,
Ночи твои в цветных огнях
Звезд и электричества,
А также в следах света
Баржи на реке.
Париж, ты опьянил мое сердце,
Осчастливив без счастья…[12]

В столице Франции Гранова находит место секретарши в Салоне живописи, который тогда располагался вблизи Лувра, в Тюильри, где получает навыки работы с клиентами и знакомится с разными художниками. Время это было особое. «Париж стал очагом мировой живописи, – вспоминает она. – Со всех концов земли сюда съезжались молодые художники, в основном бедные и одинокие, которые нередко навсегда закрепляли свои мольберты в избранной стране, становились причастными к «парижской школе». Такими были – Пикассо, Модильяни, Шагал, Хуан Грис, Сутин, Фужита, Карс, Ван Донген, Паскин и сколько еще…»[13]

Именно тогда-то и определилось ее призвание – галерейщицы. После того как Салон в Тюильри закрылся, Гранова, подбадриваемая художниками, которые хотели, чтобы она продолжала заниматься их работами, сняла помещение на бульваре Перейр, где организовала собственную продажу картин. Место оказалось не очень удачное для такого рода деятельности, и его пришлось сменить… Адресом первой своей, так сказать, по-настоящему важной галереи она считала дом № 166 на бульваре Османа.[14] Переездов затем было еще несколько, хлопот хватало, но постепенно дело развивалось, однако все нарушила война, германское вторжение во Францию, оккупация… Понимая, что Париж нужно покинуть, тем более еврейке, она думала лишь о том, куда уехать. Близкий друг, художник Жорж Буш (George Bouche), подсказал мысль об одном уголке – Вульт-сюр-Рон (Voulte-sur-Rhône). По рассказам Буша, когда ему было лет шестнадцать, он видел там замечательный старинный замок и часто думал о нем. И вот Гранова отправляется в Вульт-сюр-Рон, где находит старинную постройку, а также узнает, что замок продается. Хозяин, получивший его по наследству, в письме на запрос об условиях сделки признался, что никогда сам там не был, и выразил готовность уступить замок за цену, которую покупательница сочтет приемлемой.

Так Гранова стала владелицей старинной постройки, где решила разместить имеющиеся у нее картины и организовать мастерские для художников. Мечты эти, увы, вскоре рухнули. Начатые строительные работы пришлось остановить. Вместо художников помещения через несколько месяцев оказались заняты беженцами из Бельгии… Хотя Вульт-сюр-Рон находился в 800 километрах южнее Парижа, эхо войны, а позднее и сама война докатились и туда…

Вместе с Грановой в замке поселился Жорж Буш. Казалось, несмотря на различные трудности, они нашли счастье. Об этой главе своей биографии, о таланте Буша – художника, человека высоких моральных качеств, скончавшегося весной 1941 года, довольно подробно рассказывается в ее мемуарах. Главное же, кажется, выражено в стихотворении, посвященном его памяти, где есть такие строки:

В осеннем лесу, в его монотонности,
Опавшие листья делают тропки едва различимыми;
Как дрожащие отражения, наши связанные тени
Утонули в этом озере – глубоком зеркале без амальгамы…[15]

Война, оккупация Франции вкупе с личными переживаниями тяжело отразились на Грановой. Отдаленная от друзей, находясь в своеобразном монашестве, она, по собственным признаниям, утратила тогда веру в жизнь и людей. Однако жизнь не стояла на месте, вместе с освобождением страны молодая женщина обрела новые силы и, как только стало возможно, вернулась в Париж, где – к великому удивлению – нашла свою оставленную галерею в одном из старых зданий на левом берегу Сены почти в отличном виде, если, конечно, не считать того, что в течение нескольких лет оккупации помещение было пусто, не убиралось, требовало ремонта, а также если не считать того, что все картины, которые она не успела оттуда вывезти, были похищены…

Начав приводить в порядок галерею, Гранова получила извещение о том, что, отступая, немцы подожгли ее замок – горевший в течение восьми дней, он оказался почти полностью разрушен. Все находившиеся там картины погибли. Сохранились, впрочем, те, что она оставила у знакомой – вдовы министра, который был родом из Вульт-сюр-Рон, и те, что хранили у себя друзья в Лионе, среди которых был известный поэт Анри Мишо (Henri Michaux)…

Хотя парижане жили более чем скромно и трудно, мало кто думал о приобретении картин, с возобновлением работы галереи возобновились надежды на будущее. Свет в ней (так было и у других) зажигался, в основном, только когда появлялись посетители. Свет был слабый – использовались ацетиленовые лампы, но на фоне пережитой оккупации все это не казалось очень тяжелым. Знаменательно, что один из первых художников, чьи работы выставила тогда Гранова, был Рене Демерис (René Demeurisse). Во время войны он, как и его отец, находился в рядах Сопротивления; задержанный в лесу в тот момент, когда вез оружие партизанам, он был тут же расстрелян немцами. Обеспокоенные тем, что сына нет слишком долго, родители вдруг увидели старушку,

которая вышла из леса с вязанкой поленьев. Подойдя, она молча протянула окровавленные очки их сына. Найдя среди деревьев тело, отец перенес его оттуда на своих плечах…

Война закончилась, но тяжелое дыхание ее еще было рядом.

Впереди Гранову ждал успех на выбранном поприще, приобретение помещений для галерей в нормандском Онфлере (там она приобрела помещение бывшей мастерской по ремонту парусов) и на Лазурном Берегу, в Каннах, наряду с галереей на левом берегу Сены, на набережной Конти, устройство в освободившемся помещении престижного в прошлом ресторана «Ля Кремайер», поблизости от Елисейского дворца…

* * *

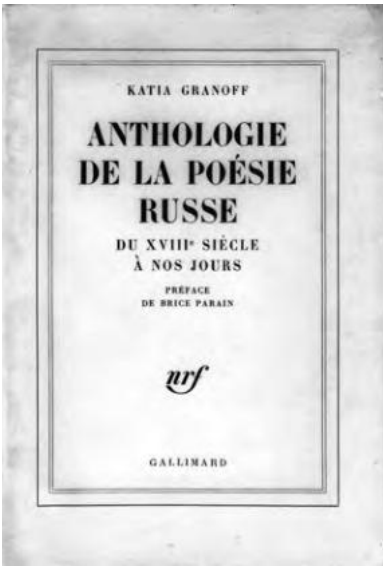
Именно там увидел я ее впервые, предварительно договорившись о том, что Екатерина Федоровна ответит на вопросы для одной из моих передач на Международном французском радио. Это было летом 1986 года.

Поехали мы к Грановой вместе с женой, которая по этому случаю взяла с собой одну из своих французских книг – «Антологию русской поэзии с XVIII века по наши дни», первое издание «Галлимара» 1961 года.[16] Жене было интересно встретиться с автором, послушать ее, а также попросить автограф…

Как сейчас помню большое залитое светом помещение, несколько служащих, встретивших нас у входа, в сопровождении которых мы прошли в один из залов, где в резном, очевидно, старой работы, кресле была хозяйка. Несмотря на то, что была она уже в том возрасте, когда двигаться трудно, Екатерина Федоровна привстала, любезно пожала нам руки, предложила сесть рядом, а вскоре нам тут же были предложены кофе, сок, печенье, какие-то сладости…

На вопросы мои по-русски она отвечала также по-русски, иногда подыскивая нужные слова, не находя их, переходила на французский, однако в целом речь ее была прекрасная – речь человека высокой культуры, речь, которой я никогда не слышал в Советском Союзе ни в молодые, ни в зрелые годы, – так говорили именно старые эмигранты.

Увы, магнитофонной кассеты с записью той беседы у меня не сохранилось или она где-то затерялась и, может быть, еще выплывет при случае, так или иначе, я не мог бы сейчас добавить ничего принципиально нового к тому, о чем я уже поведал выше, опираясь на книгу «Моя жизнь и мои встречи». Что, впрочем, не могло сохраниться ни в какой записи – это общая атмосфера встречи, дух ее, живой голос Грановой, в котором как бы вибрировало живое время, выплывали разные известные имена. Например, Шагал… О нем она говорила так, как можно говорить просто о хорошем друге, с улыбкой. Без всякого желания подчеркнуть близость со всемирно известным мастером. Это понятно, ведь они были знакомы еще в те времена, когда витебский гений не был классиком, более того – отнюдь не всегда его картины принимались для показа. Так, когда он принес два своих холста в Салон Тюильри, где, как я уже рассказал выше, Гранова была служащей, несколько членов жюри, занимавшихся отбором, выставлять их отказались, и лишь благодаря настойчивости Кати все же приняли их.

Обложка книги «Антология русской поэзии с XVIII века по наши дни», изданной «Галлимаром» в 1961 году

Улыбаясь, Екатерина Федоровна, помнится, рассказала и о таком эпизоде. Когда однажды, уже будучи известным мастером, Шагал узнал, что она решила выставить его холсты рядом с холстами Мане-Каца, также еврея, уехавшего из России и умершего в Тель-Авиве в 1962 году (там позднее был открыт его музей), то стал требовать:

– Выбирай: или мои работы, или его!

Принять за очевидное, что она любит их обоих, он был не в силах.

А как она рассказывала своих поездках по странам Средиземноморья! С каким удовольствием вспоминала о впечатлениях от встреч с местами, каждое из которых имело отпечаток истории древних цивилизаций, – о местах, которые вдохновляли ее душевно и как поэта.

Тут следует уточнить – мое желание встретиться с Екатериной Федоровной, в первую очередь, было именно как с поэтом, с переводчиком, хотя, по большому счету, да и сама она это неоднократно отмечала, подчеркивала, – тяга к искусству и литературный труд для нее взаимосвязаны, разделять их не следует. В тех же ее мемуарах можно было прочитать:

«Колыбель детства, свежий букет отрочества, подруга наших радостей и болей, поэзия подчас – лавровый венок, подчас венок с шипами… Источник искусств, она вдохновляет их все, а также делает возвышенной повседневную жизнь, ибо без нее труды и дни не имели бы очарования, никакой перспективы…

Итак, я стала продавцом картин – поэтом; многие, между тем, находят это парадоксальным, тем не менее, искусство и поэзия тесно связаны, так как произведение искусства, чтобы быть зачатым, понятым, оцененным, вдохновленным, находит драгоценные дополнения в глаголе. Чтобы понимать, любить искусства и вызывать к ним к любовь, словесное вдохновение – важное средство для посредника; во-первых, оно углубляет его страсть, к тому же, оно стимулирует художников и, наконец, оно увлекает публику по своим световым стопам. Разве не такую роль играл Аполлинер для своих друзей художников!

Именно так Греция показывает нам иногда лишь бесформенные камни на бесплодной земле, которые благодаря воскресительной магии поэзии вырастают в наших восторженных глазах в своем античном великолепии».[17]

Перечитав теперь, годы спустя, эти строки, я невольно улыбнулся торжественности стиля, но именно такой он был и в неторопливой речи Грановой. И это ничуть не мешало, было совершенно естественно, гармонировало с ее красивой прической, платьем, мебелью и картинами…

Итак, мы беседовали о ее поэзии. «Корни эти в моем российском происхождении, – говорила Екатерина Федровна, – однако я поэт французский». Быть поэтом, который пишет на двух языках, она считала невозможным. Во всяком случае, для себя. Своим мэтром, – подчеркивая, что не в овладении поэзией, а в овладении поэтическим мастерством, – она называла Филиппа Шабане (Philippe Chabaneix).

Что значила для нее работа над антологией русской поэзии? Точного устного ответа я не помню, но он по смыслу был таким, как в «Моя жизнь и мои встречи»: «Став француженкой как приемная дочь, я полагала, что завершила все счета с Россией, как вдруг русская поэзия постучала в мою дверь. Она не была закрыта… и вот я задаюсь вопросом: не явилась ли основная цель моего перемещения с берегов Черного моря к берегам Сены в том, чтобы принести французской литературе весть от русской поэзии…».[18]

Русская поэзия, которую представила Гранова в своей посвященной родителям антологии, начиналась с Ломоносова и завершалась молодым еще к началу шестидесятых годов Евтушенко. Помимо стихов Гранова представляла каждого автора небольшой заметкой, предисловие же к книге написал Брис Парэн (Brice Parain) – известный ученый, занимавшийся проблемами языка, человек, прекрасно знавший русскую литературу, принявший непосредственное участие в публикации во Франции романа Пастернака «Доктор Живаго», когда тот еще был запрещен и предан гонениям на родине…

Отклики во французской прессе на галлимаровскую публикацию «Антологии русской поэзии с XVIII века по наши дни» были восторженные. «Поздравляю Вас за эту вершину труда, любви и верности», – писал Екатерине Федоровне член Французской академии Анри Труайя (Henri Troyat, урожденный русский – Лев Тарасов, – он-то прекрасно понимал значение этой книги), Андре Мальро (André Malraux), со своей стороны, благодарил Гранову за то, что благодаря ее антологии «нашел массу новых друзей», имея в виду поэтов России…

Время, когда вышла книга, было особое – во Франции, как и в других странах Запада, благодаря «хрущевской оттепели» воз-

рос интерес к СССР, к русской литературе. Вышедшая через четыре года в парижском издательстве «Сегерс» (Seghers) другая антология русской поэзии – двуязычное издание, подготовленное Эльзой Триоле (Elsa Triolet)[19], – как бы «продублировало» антологию Грановой, удостоившуюся премии Французской академии, по своему общему объему и по основным именам, в какой-то мере, может быть, даже «украло» у галлимаровского издания некое первенство, но все же обе эти книги, скорее, дополнили друг друга, и считать их конкурентами было бы неверно, тем более что Гранова сделала все сама, в одиночку, а Триоле собрала тексты разных французских переводчиков, значительно шире представив поэтов молодых… Так что переиздание антологии Грановой 1961 года Кристианом Бургуа (Christian Bourgois) в 1987 году, по существу, подтвердило важность ее труда…

«Секрет» успеха переводчика она объясняла необходимостью наличия таких данных: во-первых, чтобы переводить поэзию, нужно самому быть поэтом; во-вторых, знать оба языка (тот, с которого делается перевод, и тот, на который он делается) не как выученные, а как те, которые освоены жизненным опытом; в-третьих, необходимо обладать талантом медиума.

Но… соединение всех этих качеств пугало ее. Пугало тем, что занимаясь, по ее выражению, «словесной акробатикой» с чужими текстами, она может потерять собственную поэзию, и решила… больше никогда переводов не делать.

Как поэт Гранова опубликовала сборники: «Онфлер» (Honfleur), «Лапрад» (Laprade), «Клод Моне» (Claude Monet), «Живопись» (Peintures), «Пепел и отражения» (Cendres et Reflets), «Колонна и роза» (La Colonne et la Rose, приз Французской академии), «Египет, окаменевшие времена» (L'Egypte, les Temps pétrifiés), «Отражения Израиля» (Reflets d'Israël), «Об Испании» (De l'Espagne), «Средиземное море: берега богов» (Méditerranée: Rivages des dieux), «Прóклятые поэты и художники» (Poètes et Peintres maudits), «В недавнем прошлом» (Naguère) (премия Эредиа Французской академии), «Голос, взгляд…» (Une voix, un regard…), «Прóклятые любовники» (Les Amants maudits), в прозе – воспоминания «История одной галереи» (Histoire d'une galerie) и «Дозорный путь» (Chemin de ronde), монографию «Жорж Буш» (George Bouche)…

Беседа наша подходила к концу.

По распоряжению Екатерины Федоровны служащая принесла несколько ее книг, изданных Кристианом Бургуа, – она подарила их нам с женой, и в этот момент жена попросила подписать захваченную с собой «Антологию русской поэзии» Грановой. Взглянув, я заметил, что рядом с надписью нет даты, и было бы приятно добавить ее, на память. Взяв книгу, Екатерина Федоровна дописала: Париж, 12 июня 1886 года.

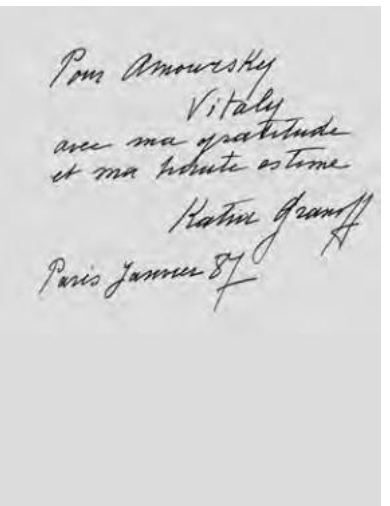
– Простите, Екатерина Федоровна, вы ошиблись с годом, – сказал я, заметив на ее лице легкое недоумение.

– Ах, да, конечно!.. – улыбнулась она, переправив первую восьмерку на девятку.

– Зачем ты сказал? – уже на улице с укором спросила меня жена. Было бы так приятно сохранить такую «ошибку». Несомненно, жена была права. Не следовало бы ничего менять. Тем более что, в самом деле, ошибка была по-своему знаменательная – она как бы показывала, что при безупречно ясном уме внутреннее времяисчисление для Грановой осталось в другом, не со-

Катя Гранова. Архив В. Амурского

Обратная сторона фотографии с дарственной надписью по-французски: «Виталию Амурскому с благодарностью и большим уважением. Катя Гранова. Париж, январь 87»

временном календаре, а там – далеко… Очень далеко. Далеко не от нее – от нас.

* * *

Возвращаясь к деятельности Грановой в области искусства после войны, следует, наверное, отметить, что помимо уже названных выше художников она организовывала выставки таких мастеров с российскими корнями, как Ханна Орлова, Хаим Сутин, Дан Соложев… В 1958 году входила в состав Комитета наследия Константина Коровина, подарила ряд холстов из своей личной коллекции различным французским музеям. Франция высоко отметила ее деятельность – она стала кавалером ордена Почетного легиона, удостоилась Ордена заслуг, а также Медали искусства, науки и литературы, получила звание почетного гражданина Онфлера… От дел, связанных с галереями, от всего того, что требовало энергии, Екатерина Федоровна отошла в 1987 году, прожив еще около двух лет и скончавшись в Париже 16 апреля 1989 года.

Увы, смерть эта в кругах русской эмиграции, которую составляла уже, в основном, «третья волна», оказалась незамеченной. Работая над историей русского рассеяния, участвуя в составлении библиографического словаря «Русское зарубежье во Франции. 1919-2000», Лев Мнухин сказал мне, что на русском языке о ней не встретил ничего, кроме одной статьи… Это была моя статья «Грани таланта Кати Грановой», опубликованная в газете «Русская мысль» 5 июня 1987 года. Воспроизведенная вместе с текстом фотография имелась у меня от Екатерины Федоровны.

* * *

Заключить этот рассказ мне хотелось бы несколькими стихотворениями Грановой[20], связанными именно с художниками, которых она любила, выдвигала, поддерживала, стараясь одарить такой же любовью тех, кто смотрит или будет смотреть их холсты.

Вот – Марку Шагалу:

Ангел улетает

На фоне неосязаемой голубизны
Палитра с красками…
Это – море, воздух и стол
С большим букетом цветов.

Ангел улетает с пучком,
На горизонте проходит корабль,
Кто-то обнаженный прилег на траве,
Своей формой напоминая скрипку.

Я потеряла ключевую проблему,
Прекрасное загадочное слово:
Букет, обнаженная фигура, морской пейзаж или поэма,
Убегание, очарование…

Вот – Пьеру Лапраду:

Тень прошлого

Сидя у раскрытого окна,
Седая, с бледностью на лице,
Руки неподвижные положила она
На черное платье с длинными складками.

Синий воздух летнего вечера
Меняет оттенки пруда, цветов и газона,
Одиночество и тишина
Разлились по дому.

Уединенный уголок, нежная обитель
С призраками минувшего;
Все было любовью – от нее только пепел,
Воспоминания о пропавшем мире…

Вот –

Памяти Амеде Озенфана

Розы мои умрут, кровь источая в пыль,
При дожде, при солнце…
Без конца умирает море по кромке
Алых песков.

Розы мои умрут, кровь источая в пыль,
И не вернутся больше
Те, с кем встречалась я, те, кто меня провожали,
Придерживаясь моих шагов.

В час же, когда уходит душа безутешная
В вечную глубину,
Тень моя скорбная удлиняется, плача
На последнем ее пути.

Розы мои умрут, кровь источая в пыль,
При дожде, при солнце…
Без конца умирает море по кромке
Алых песков.

Вот из цикла «Клод Моне. Нимфеи» –

«Волшебный пруд»

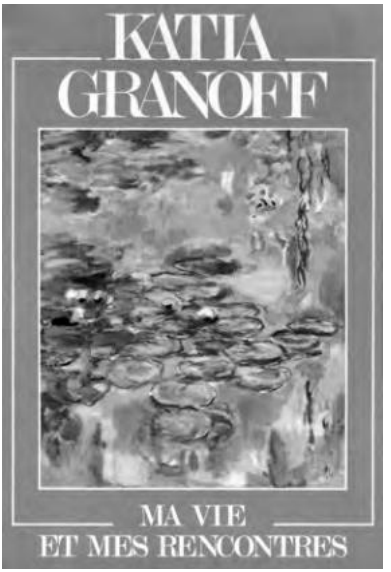
В глубоких зеркалах – цветные стихи –
Смешиваются отражения облаков, цветов
И раскинутых листьев плакучих ив,
Золотыми лентами касающихся кристальной поверхности.

Между зелеными букетами высоких диких трав
Пруд рассыпается звездными плавающими венчиками;
Раскрывшиеся словно из томительного сна лилии
Источают свет невидимых солнц.

Загадочен зов этих озерных красот,
Где мимолетное мгновение превращается в вечность;
О, волшебная красота дворцов из зелени,
Озаряющих последние лучи живописи…

Человеческое начало перейдено в этом искусстве без границ,
До конца дня растет пение света,
Великое забытое послание с огромным значением,
Открывающее путь к источнику молодости.

Все приведенные тут тексты – в подстрочном переводе, который если и не смог передать музыку французского языка, достаточно ясно раскрыл, как мне кажется, не менее важную сторону – свойственную поэзии Грановой образность. В любом случае, сохранить точность подлинника в ином словесном пространстве – была бы задача нереальная, но, наверное, и не столь необходимая в повествовании, в котором я лишь постарался дать представление о незаурядной многогранно талантливой личности, посвятившей свою жизнь служению разным музам.

Обложка книги Кати Грановой «Моя жизнь и мои встречи», вышедшая у Кристиана Бургуа в 1981 году

Примечания

[1] Katia Granoff. Ma vie et mes rencontres. Christian Bourgois éditeur, Paris 1981. В дальнейшем: Ma vie.

[2] Ma vie, pp. 18, 19.

[3] Ma vie, pp. 24, 25.

[4] Ma vie, p. 19.

[5] Ma vie, p. 20.

[6] Ma vie, pp. 21, 22.

[7] Полное название: Sorel-Moussel.

[8] Ma vie, pp. 23, 24.

[9] Тут имеется в виду своего рода надзирательница.

[10] Ma vie, p. 29.

[11] Ma vie, p. 32.

[12] Ma vie, p. 33.

[13] Ma vie, p. 35.

[14] 166, boulevard Haussmann.

[15] Ma vie, p. 84.

[16] Katia Granoff, Anthologie de la poésie russe du XVIIIe siècle à nos jours. NRF, Gallimard, Paris 1961.

[17] Ma vie, p. 61.

[18] Ma vie, p. 61.

[19] La poésie russe. Anthologie réunie et publiée sous la direction d'Elsa Triolet, éd. Seghers, Paris 1965.

[20] Тексты оригиналов стихов «Ангел улетает» (L'ange s'envole), «Тень прошлого» (L'Ombre du passé), «Памяти Амеде Озенфана» (Au souvenir d'Amédée Ozenfant), «Волшебный пруд» (L'Etang magique) см. в Ma vie: pp. 105, 123, 167, 186.

Париж

Евгений Голубовский

«Тают зеркала в пустыне комнат…»

Назвал эту статью строкой из стихотворения поэта Ефима Ярошевского, посвященного художнику Михаилу Черешне. Приведу целиком последнюю строфу этого стихотворения, так как сквозь сюрреалистическую поэтику проступает образ судьбы художников – поэта и живописца:

Тают зеркала в пустыне комнат.
Время движется к весне.
Кто нас помнит? Нас никто не помнит.
Дикий снег заносит нас во сне.

Думаю, важный и болезненный вопрос для каждого творческого человека: «Кто нас помнит?». Жесткий и горький ответ, в котором судьбы многих, работавших для себя, «в стол», в уединение мастерской, не для издательств и выставкомов, – «Нас никто не помнит…». Ответ действительно жесткий, но, как показало время, не окончательный приговор. Помнят!

Черешня как-то сказал мне, отказываясь от предложения сделать выставку во Всемирном клубе одесситов: «Ты ведь знаешь, я человек не публичный». И это правда, он даже у себя в мастерской редко и не всем показывает новые работы.

За семьдесят пять лет жизни одна персональная выставка в Одессе, в галерее «Артис», которой руководила Наталья Межевчук, и одна персональная выставка в Петербурге, где Миша учился (тогда еще в Ленинграде) в училище имени В. Мухиной, не менее прославленном, чем Академия художеств (Институт имени Репина).

И, наконец, событие. 75-летие мастера Музей современного искусства Одессы отметил его персональной выставкой, показав свои картины, взяв работы у коллекционеров, уговорив художника принести новые холсты…

Младший брат – Валерий Черешня, талантливый поэт, живущий в Петербурге, пишет о себе, но многое может быть спроецировано и на старшего – Михаила:

«До 20 лет жил на Дерибасовской (что комментария не требует). В 20 лет почувствовал невозможность дальнейшего существования в пряной духоте талантливого бульона, именуемого Одессой, и отправился в Ленинград, город открытого пространства и строгой архитектуры…»

Это «открытое пространство и строгая архитектура», не говоря уже о музеях, тогда манили многих. Не случайно в одно время с Мишей Черешней в Ленинграде учились Аня Зильберман и Семен Гармиза, Орест Слешинский и Валентин Филипенко, и многие другие – в 60-80-е годы. На мой взгляд, одесситам перекличка Южной и Северной Пальмиры была ближе. Во всяком случае, в Ленинград ехали учиться чаще, чем в Москву, в Киев, в Харьков или во Львов.

Окончив Мухинку, Миша вернулся в родную, хоть и «пряную духоту талантливого бульона». Что это значило для него, для его ближайшего друга художника Шурика Рихтера (тогда никуда не ездившего), легко почувствовать, читая один из наиболее популярных одесских самиздатовских текстов 70-80-х годов, ныне опубликованный разными изданиями – «Провинциальный роман(с)» Ефима Ярошевского.

Вот несколько строк из главки «Спина захолустного Антиноя», посвященной Мише Черешне и Шурику Рихтеру:

«– Ну, ребята, а теперь посмотрим гравюры. Шурик, посмотрим?

Все начали смотреть. Шурик, беспощадно зажав зубами окурок, что-то сказал. Что-то касательно гравюр.

– Шурик, все это уже было, – заметил Миша. Безмерная тысячелетняя усталость затаилась в его спине. – Было, было. Все было.

– Черешни еще не было, – поддразнивал его Шура.

– Неправда. Я был. В моей первой жизни. В четырнадцатом веке. В испанских колониях. На Кордильерах. Меня тогда зарезали. Как еврея. Но я был. Меня помнят историки. Так что… как видишь…»

Если бы я писал биографический очерк (маленький томик серии «Жизнь замечательных людей» – ЖЗЛ), может, я назвал бы его: «Безмерная тысячелетняя усталость затаилась в его спине». Вряд ли с таким длинным названием любое издательство согласилось бы. Но в качестве эпиграфа – наверное.

Передо мной задача куда более локальная – попытаться определить место Михаила Черешни в художественном пространстве Одессы. А в том, что его негромкое присутствие (антипубличность!) значимо, у меня никогда не было сомнений.

В 1980 году, тридцать лет назад, фотограф Валентин Серов выпустил два самиздатовских альбома «Художники Одессы». Это фотолетопись альтернативного искусства 60-70-х годов. Во второй выпуск наряду с Алтанцом, Божко, Князевым, Ковальским, Морозовым, Степановым вошел и Черешня. Автобиография короткая: «…родился 1 марта 1938 года в Одессе. В 1966 году окончил ЛВХПУ им. Мухиной. Работаю в Художественном фонде».

Там же три черно-белых фотографии картин. Даже в монохромном воспроизведении они говорят о творческих предпочтениях автора. И фотография, снятая на балконе квартиры, на Дерибасовской, 17, где рядом с Черешней – Алтанец, Стовбур, Рисович…

Пожалуй, и на квартирных выставках я не помню работы Черешни, только на выставке в квартире Вити Рисовича. А вот начиная с «перестройки», с оживлением социальной и художественной жизни в стране, в городе, Миша Черешня на какое-то время прерывает свое затворничество. Его работы появляются на выставках ТОХа (возникло такое художественное объединение), в галерее «Либерти», наконец, небольшая, но достойная выставка в «Артис». В связи с этой персональной выставкой я опубликовал в газете «Вестник региона» статью «Трещина, соединяющая мир» искусствоведа Ольги Савицкой, выпускницы нашей Грековки, учившейся в Ленинграде и жившей между Одессой и Ленинградом-Петербургом. К сожалению, в последние годы мы реже обращаемся к ее творческому наследию (Оли уже нет среди нас), а она была талантливым исследователем и знатоком одесской художественной школы. Тем важнее зафиксировать, что единственная статья, посвященная творчеству М. Черешни, была написана Ольгой Савицкой.

Вот как она заканчивала свое эссе:

«Повышенный градус эмоций. Звонкая и щемящая нота… В богатом мире одесской живописи, где есть художники хорошие и очень хорошие, эта краска принадлежит только герою данной выставки».

Своеобразие. Действительно, картины Черешни на любой выставке узнаваемы. И это свойство не только работ последних лет. Таким он входил в живопись. В мемуарах Дины Михайловны Фруминой несколько абзацев посвящены этому ее талантливому ученику, окончившему училище в 1960 году. Вспоминает Дина Михайловна, как трое друзей – С. Сычев, А. Рихтер и М. Черешня – делали на диплом фреску, которую тогдашний директор В. Соколов приказал смыть как формалистическую. За разви-

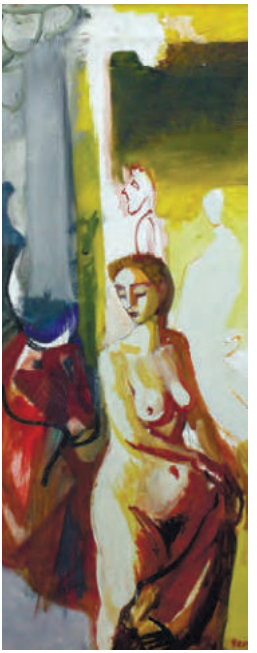

тием творчества Миши Черешни наблюдала Дина Михайловна и в дальнейшем. «Уехав в Ленинград, – пишет Фрумина, – поступил на монументальный факультет училища имени В.И. Мухиной. Окончив, вернулся в Одессу, участвовал в выставках произведениями монументально-декоративного характера – занятными и своеобразными. Показывая их в Петербурге, стал членом Международного союза художников при ЮНЕСКО. Приобретаем коллекционерами и ценителями современного в изобразительном искусстве».

«Ценителями современного в изобразительном искусстве» – важное признание из уст Д.М. Фруминой.

Что же оно обозначает?

Конец 50-х годов («оттепель»!) – был временем открытия (я бы сказал – приоткрытия) импрессионистов и постимпрессионистов молодыми художниками, на которых был поставлен крест запрета соцреализмом. Пусть по немногим альбомам в отделе искусства библиотеки имени Горького, в частности, альбомам знаменитых собраний Морозова и Щукина, ставших Музеем новой западной живописи, происходило приобщение к французской живописи конца XIX – XX века. Потом уже будут экспозиции Эрмитажа и музея имени Пушкина в Москве, богатая библиотека Академии художеств… Непременно должен сказать, что Миша Черешня один из самых образованных художников в то время в нашем городе. Музыка, поэзия, архитектура – все это не прошло мимо него, а вошло в его духовный мир естественно и навсегда.

Много давало общение с художниками старших поколений, такими, как Илья Шенкер и Амшей Нюренберг. Его первые работы, которые я видел, кажется, были в кругу поисков его сверстников – шестидесятников – Люсика Межберга, Миши Матусевича, Лени Межирицкого, возвращавших одесский пейзаж в импрессионистическую привлекательность. Таков, например, пейзаж, яркий, активный в цвете, – «Дерибасовская». Но постепенно художник почувствовал, что наслаждения импрессионизмом достаточно. Этот благодарный опыт позади. Его миром становится мир интерьеров, пустых комнат, зеркал и зазеркалья. И вот тут открывались два пути – сюрреалистических картин и лирически экспрессионистских сюжетов.

В коллекции Музея современного искусства Одессы находится одна из его сюрреалистических композиций. Вот где проявилась учеба на монументальном факультете. И все же настолько внятно сюрреалистических полотен у Черешни немного, хоть и в них он остается самим собой, узнаваемым по цвету, по манере письма. Главная линия его творчества пошла в русле экспрессионизма, очевидно, не без интереса к творчеству Хаима Сутина, хоть говорить о прямом влиянии, очевидно, не нужно.

Говоря о еврейской составляющей одесской школы, мы чаще всего называем имя Иосифа Островского, хоть могли бы вспомнить Александра Фрейдина, Изю Клигмана, Зою Ивницкую. В этом ряду Миша Черешня должен был бы называться одним из первых. Не тематически, не сюжетно, скорее, духовно воспринял он традиции еврейских художников «парижской школы».

«Безмерная, тысячелетняя усталость затаилась в его спине». Это ведь не столько словесный портрет художника, скорее словесное отражение («зеркало») десятков его картин. Среди них и одинокая фигурка в интерьере, и одинокий (безлюдный) интерьер с мебелью, тесно его заполняющей, отчего он кажется еще более одиноким, и интерьер – автопортрет у мольберта и семья в глубине пространства (не парафраз ли это знаменитых «Менин» Веласкеса?!). Один из таких автопортретов из коллекции Феликса Кохрихта был на той юбилейной выставке, другой, еще более эпатажный, когда-то купила поэт Эвелина Шац, и он украшает ее студию в Италии…

На первый взгляд, живопись Черешни кажется легко написанной, импровизационной. Эта импровизационность возникает благодаря экспрессии мазка, столкновению цветовых диссонансов, которые уверенная кисть художника в конце концов приводит к напряженной, экспрессивной гармонии.

Так многократное движение кисти по холсту, мазок к мазку, в течение всей жизни накапливает «тысячелетнюю усталость».

Одесской школе живописи, впитавшей и опыт петербургского образования, нисколько ей не повредивший, а напротив, еще более усиливший корневые основы родного Юга, есть чем и кем гордиться. Михаил Черешня – тому достойный пример.

Феликс Кохрихт

Я вам пишу...

В далеком нынче 1962 году мне, молодому одесскому журналисту, посчастливилось побывать во МХАТе на спектакле «Милый лжец». Театралы постарше наверняка помнят, что в нем блистали великие «старики» Анатолий Кторов и Ангелина Степанова. Американский журналист Джером Килтс положил в основу пьесы переписку выдающегося английского писателя Бернарда Шоу и знаменитой актрисы Стелы Патрик Кемпбелл.

В середине 70-х мы были очарованы еще одним эпистолярным спектаклем, в котором посланиями обменивались Антон Чехов и Лика Мизинова. Пьеса Леонида Малюгина шла во многих театрах страны, но по общему мнению, лучше всех в ролях великого русского писателя и его конфидентки были звезды Московского театра имени Евгения Вахтангова Юрий Яковлев и Юлия Борисова.

В 1978 году в Дрездене увидел свет рампы труд Петера Хакса со сложным и, пожалуй, витиеватым названием: «Разговор в семействе фон Штейн об отсутствующем господине фон Гете». Именно труд, ибо автор совершил титаническую работу: он отыскал письма придворной дамы герцога Веймарского, находившейся в связи с гениальным писателем и мыслителем (замечу, что письма считались уничтоженными согласно завещанию Шарлоты). Прочел их со вниманием и воображением и написал пьесу-монолог, рассчитанную на четырехчасовое сценическое воплощение, в котором блистали лучшие актрисы разных стран.

В 70-90-е годы минувшего столетия мы с Таней часто бывали в ГДР, с удовольствием и пользой ходили в театры – и в берлинские, и в провинциальные, хотя какая же провинция – столица земли Саксония? Все они отличались высоким классом и вопреки

нашим представлениям о тамошней цензуре, ставили что хотели и играли, как заблагорассудится, – я имею в виду самые авангардные режиссерские и актерские приемы того времени. Немаловажно и то, что билеты на спектакли были недорогими даже для нас, имевших в кармане считанные марки.

Мы дружили с художниками Лейпцига и Дрездена, знали и актеров, но спектакля по пьесе Хакса не видели, хотя тот был одним из самых известных поэтов, эссеистов и драматургов ГДР. Может быть, нас смущало, что он считался основоположником социалистического классицизма, – нам хватало и родного аналогичного реализма…

Как оказалось – зря.

Чтобы убедиться в этом, понадобились десятилетия: за это время ГДР и ФРГ объединились в одно государство, а СССР распался на несколько. Совсем недавно в Одессе родился из пепла великолепный Театр кукол, в котором Юрий Невгамонный наконец осуществил свою давнюю мечту. Он создал спектакль по пьесе Хакса с длинным и, пожалуй, все же точным названием, которое вы уже знаете. Но взяв ее за основу, он настолько сместил концептуальные оттенки текстового массива, что речь может идти об авторском театральном представлении в самом полном смысле этого расплывчатого и модного термина. К тому же, Невгамонный сократил сценическое действие с четырех до двух часов, не нанеся ущерба содержанию, а лишь сделав его компактнее.

Смелое решение – он исполняет роль главной героини, произнося ее монологи с глагольными окончаниями женского рода («я написа*ла*»), не только естественно, но и закономерно. Для

тех, кому предстоит побывать на спектакле, сразу же замечу: Невгамонный не опускается до амплуа травести. Он не надевает женские платья. Не наращивает бюст и бока. Не мучается два часа под тяжеленным париком. Более того, единственный живой персонаж на сцене предстает в образе изящного господина во фраке, жилете, сорочке со стоячим воротом, украшенной галстухом-бабочкой. Он даже чем-то напоминает Гете, но не гения, а чиновника канцелярии герцога В*а*ймарского.

Курсивные «*а*» означают то, как нужно по-русски произносить сочетание немецких букв «*ei*».

Впрочем, в такого Иоганна-Вольфганга вряд ли влюбилась бы без памяти придворная дама Шарлота фон Шт*а*йн, искусная не только в интригах и политесе, но и писавшая стихи, а впоследствии – пьесы. Они встретились, когда ей было 33 года (по тем временам возраст пограничной зрелости), а ему – 26. Практически простолюдин из небогатой франкфуртской семьи, он был талантлив, дерзок, пылок и обладал тем, что сегодня именуется мачизмом.

Супруга обер-шталмейстера (директора герцогских конюшен), мать семерых детей и искатель места при дворе, великий поэт с ничтожным чином… Чем не коллежский секретарь Пушкин и графиня Воронцова?

И тем не менее, несмотря на свой огромный женский опыт и дальновидность, она упала, как говорится, в объятия обольстителя. Их роман длился 14 лет и закончился в тот момент, когда Гете, уже признанный поэт да к тому же ставший советником герцога, задумал жениться на бедной простолюдинке, и разгне-

ванная Шарлота, как ей представлялось – навсегда, отреклась от Гения – так она называл Иоганна-Вольфганга в своих письмах.

Вот эти-то послания (от него – к ней, и от нее – к нему) перебирает тот, у кого нет ни пола, ни возраста, – надевая очки, опираясь на столик, роняя в волнении кофейные чашечку и блюдечко, звоня в колокольчик для вызова прислуги…

И тут необходимо поразиться ошеломляющей актерской выучке Юрия Невгамонного, его экспрессии, пластичности. Удивиться и восхититься сочетанием в его даровании отстраненности, присущей актерам брехтовского театра, и психологической достоверности русской школы.

В начале XX века австрийский врач Отто Вейнингер ошеломил мир своим трактатом «Пол и характер», в котором объяснил, чем же мальчики отличаются от девочек, мужчины – от женщин, оперируя не анатомическими, а психиатрическими терминами Не стану пересказывать книгу, скажу главное: автор был уверен, что сексуальность – причина всех наших бед… Высказал он это в весьма обидной для дам форме, что сделало книгу скандальной, но некоторые постулаты автора обсуждаются в кругу специалистов и сегодня.

Думаю, что Петер Хакс читал этот труд. Знаменательно и то, что Александр Сокуров в своем шедевре – фильме «Фауст» – представил нам воплощение Вселенского зла, великого искусителя Мефистофеля существом без первичных половых признаков. Это – не падший ангел и не супермен Воланд, а скорее андроид со скверным характером, обиженный на конструктора, лишившего его плотских радостей. Почему режиссер так поступил с протагонистом бога и соблазнителем доктора Фауста – об этом мы размышляли с московскими писателями и редакторами Александром Архангельским, Ириной Барметовой, Игорем Волгиным в кулуарах Международного литературного фестиваля, который в мае проходил в нашем городе. Ждали разъяснений автора сценария фильма Юрия Арабова, но он, к сожалению, по весьма серьезной причине не смог прилететь в Одессу. И каждый из нас остался при своем мнении.

Мне представляется, что одесский спектакль о Гете и Шарлоте мог бы стать одним из моих аргументов в этом споре.

Режиссер-постановщик, автор инсценизации, сценограф и музыкальный руководитель спектакля Юрий Невгамонный танцует танго с куклой (в человеческий рост, да еще и попыхивающей трубочкой!), изображающей супруга Шарлоты Иосиоса фон Штейна. Разумеется, во времена Гете не было не только этого знойного танца, но даже и вальса, но как еще выразить невообразимую страсть, овладевающую дамой в летах, от которой возлюбленный уехал в романтическую и опасную для кавалеров Италию? Как тут не вспомнить мадам Грицацуеву, от которой коварно сбежал товарищ Бендер, мечтавший о знойном небе Аргентины, где все танцуют танго…

Из все-таки провинциального Веймара отправился в Рим основоположник классической немецкой поэзии, философ, ученый, художник Гете. В числе прочих его великих заслуг перед человечеством – и возрождение интереса к изучению истории Вечного города. Он был первым из тех, кто на рубеже XVIII и XIX столетий спасал античные памятники архитектуры и искусства не только от забвения, но и от разрушения. В Веймарском доме-музее Гете

мы видели сотни гипсовых слепков со скульптур и рисунки, сделанные поэтом на руинах Римского форума. И вот что поражает – все это гипсовые копии, и ни одного драгоценного оригинала Гете не взял на память, как это делали его современники…

Но обо всем этом не думает тоскующая аристократка фон Штейн. Она лишь чутко прислушивается к звуку рожка почтовой кареты – ждет весточки из Рима. И письмо приходит, и она, не вскрывая конверта, знает, что там: «И о погоде…». Так и заканчивается спектакль – констатацией, которой Шарлота делится с нами: «Истина же состоит в том, что погода зависит от его настроения». Он – это Гете.

В жизни поэта было множество женщин. Последняя любовь (они сошлись, когда ему было 75, а ей – 18) – Ульрика Левецов, пережила Гете на 66 лет и умерла в 1898 году. За два года до начала XX века.

Любопытно, что Иосиф Сталин, желая польстить основоположнику социалистического реализма Максиму Горькому, сравнил его с великим немцем. На титульном листе в общем-то банальной и высокопарной поэмы «Девушка и смерть» он написал: «Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете. Любов побеждает смерть». Кремлевский горец вовсе не был безграмотен, на мой взгляд, пропущенный мягкий знак в слове «любовь» свидетельствовал о пренебрежении к сути этого понятия. Зато в слове «смерть» он ошибок не сделал.

Но это – уже другая история.

Михаил Пойзнер

«Мой брат был настоящим одесситом…»

13 августа 2013 года исполняется 100 лет со дня рождения замечательного композитора Модеста Ефимовича Табачникова.

Модест Ефимович родился в Одессе, через всю жизнь пронес любовь к нашему городу. Его неповторимая «У Черного моря» (на слова Семена Кирсанова) стала визитной карточкой Одессы. Давно и навсегда…

Одесса преподносила и преподносит сюрпризы.

Рассказывает родная сестра Модеста Ефимовича – Бэлла Ефимовна Добровольская.

…Табачниковы, можно сказать, коренные одесситы.

Мой отец Ефим Яковлевич родился в Одессе в 1885 году. Больше 40 лет проработал у нас на табачной фабрике. Представляете – Табачников… на табачной фабрике!

Начинал с 9 лет «мальчиком на побегушках», дошел до начальника укладочного цеха. Кстати, табачная фабрика Попова находилась на Пушкинской улице, на месте нынешнего Центрального универмага. Старое здание фабрики разбомбили то ли немцы, то ли наши уже в апреле 1944 года.

Жили мы очень скромно.

Отец запомнился веселым словоохотливым человеком. С юных лет он был вовлечен в революционную работу, хотя членом никакой партии никогда не был. От преследований дважды (!) бежал в Америку. Вернулся в Россию в 1913 году. Участвовал в первой мировой войне, был в австрийском плену целых 4 года и 10 месяцев (!). Получилось, ушел в 13-м году, вернулся аж в 18-м.

Папа умер в 1939 году.

Мама родилась в Одессе в 1892 году. В нашей семье, конечно, она была самой главной.

Манус, которого мы дома называли Моней, родился в 1913 году. Это уже потом его стали называть Модестом. Кстати, Манус по-древнегречески означает «единственный». Так оно и оказалось…

Мама вспоминала, что когда отец вернулся из плена, Моня, которому тогда было около 5 лет, не хотел его впускать в квартиру на Преображенской, 83: «Мама сказала чужих не пускать…».

Когда Моне не исполнилось и трех лет, как-то мама застала его сидящим на полу. Он бил посуду, прислушивался к звукам и тут же удивительно точно воспроизводил «ртом» эти звуки, эту мелодию вот-вот звенящей посуды.

Тогда наш сосед портной Кемпер остановил маму: «Ну ты посмотри, какой сморкач?! Дора Исаевна, только не мешайте ребенку! Я откуплю вам посуду. Только не мешайте! У него же в глазах

«горит» музыка…». Это было еще на Преображенской, 83. Прямо напротив Привоза.

К воен. билету серии РЮ № 11944

Мобилизационное предписание №

(военное звание) запаса

Табачников Марк Ефимович

(фамилия, имя и отчество)

При объявлении мобилизации предлагаю Вам отправиться в:

а) наименование войсковой части мирного времени (условный номер части) или военком. та, куда должен отправиться — 441 БАО

б) в какой пункте расположения указанной части — 1. Раздельная

и явиться в указанную часть не позднее часов ___ дня мобилизации.

Об убытии донести, выполнив правила, указанные на обороте.

Подпись военкома

«___» ___ 193___ г.

Все мамы влюблены в своих детей, они помешаны на них. Моя мама – не исключение… Рояль «Беккер» мы купили, когда уже перебрались на Карла Маркса, 85. Родители очень хотели, чтобы Моня учился музыке. А вообще он занимался в школе № 3, в Книжном переулке – там, где сейчас библиотека Ивана Франко. Учился Моня и в музыкальной школе.

Сразу после школы он пошел работать к отцу на табачную фабрику. Тогда на фабрике было аж два оркестра – духовой и струнный. Моня там буквально пропадал!

В 1931 году он поступил в консерваторию, тогда Одесский музыкально-театральный институт. В 1933 году женился на Бэлле Соломоновне, которая работала бухгалтером, хотя тоже окончила консерваторию. Жили они тогда на Пушкинской, 54. В 35-м родилась дочь Аида. Сейчас она в Лос-Анджелесе. Вот она точно носит фамилию Табачникова!

В мае 1941 года семья распалась. Моня вернулся к нам, на Карла Маркса, 85.

Потом началась война.

Перед самой войной он, кажется, заведовал музыкальной частью Одесской киностудии.

…Еще в 17 лет Моня тяжело переболел менингитом, и хотя был не военнообязанным, с «белым билетом» пошел добровольцем на фронт. Уходил от нас, с Карла Маркса, 85. Уже 25 июня (!) в Приморском военкомате, на Белинского и Чижикова, получил мобилизационное предписание явиться в воинскую часть. Помню, в Раздельную, в батальон аэродромного обеспечения.

Прощался с нами в форме лейтенанта. Мама сказала: «Надень шелковую рубашку, в ней не держатся… вши». После войны он эту рубашку маме вернул…

А в Раздельной какой-то генерал услышал, как он играет на аккордеоне, и забрал его в политуправление Южного фронта. Уже здесь Моня руководил ансамблем, фронтовым театром. Здесь он создал знаменитые «Давай закурим», свой вариант «Ты одессит, Мишка». И многое, многое другое.

…Помню Одессу периода обороны.

Мама долгие годы была уполномоченной по нашему дому. Она пошла в Дом офицеров (теперь это здание кинотеатра «Одесса») за эвакоталонами. Там оказался Монин приятель. Эвакоталон, однако, он выдал только маме: «Молодым не могу, пусть идут пешком». Мама успела уйти морем на «Курске». Сначала до Новороссийска, потом в Сталинград. Их, конечно, бомбили. Но слава Богу…

Я ушла из Одессы 3 июля – пешком вместе с семьей маминой сестры (они бежали в Одессу из Кишинева). Всего 8 человек.

Мы дошли до Николаева, потом на товарняке с асбестом до Запорожья. Здесь попали под бомбежку. Дальше опять на товарняке – до Сталинграда. В Сталинграде жили на стадионе. Здесь я написала мелом на стене: «Я Бэлла Табачникова из Одессы! Со всеми едем в Гурьев». Повезло – мама прочитала мою весточку и, хотя могла ехать в Саратов, направилась тоже в Гурьев.

Мы же в Гурьеве надолго не задержались. Из Гурьева почтовым поездом доехали до Ташкента, потом – Сталинабад (это теперь Душанбе). Уже в Сталинабаде получила на почте «до востребования» письмо величиной в спичечный коробок из Чарджоу от одесской подруги Аллы Лукашенко: «Если это ты, вот тебе адрес мамы в Гурьеве». Я снова вернулась в Гурьев.

Переезды, вагоны, дети, слезы, горе… И сейчас все стоит перед глазами.

Тогда я работала старшим механиком телеграфа – занималась и военной связью, и ремонтом, сборкой аппаратуры. Здесь меня даже представляли к правительственной награде.

Мама разыскала Моню, он прислал свой аттестат, то есть деньги – для мамы, для первой жены и ребенка. Мама лишь сказала: «Так надо…». Вообще, Моня постоянно писал нам в эвакуацию. Писал скупо, но с большой любовью.

Питались мы как все. С продуктами очень тяжело. В Гурьеве мяса практически не было. Только рыба. Даже здесь мама умудрялась делать пироги и вареники с рыбой.

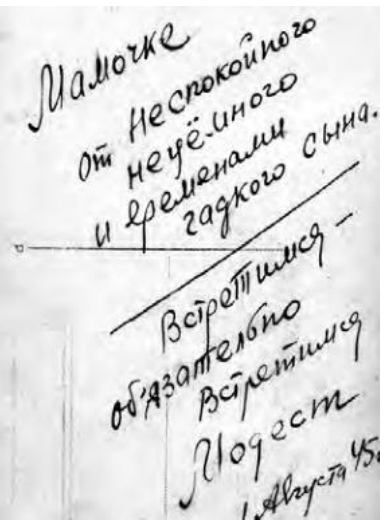
Из Гурьева вслед за первой женой Мони я с мамой переехала на станцию Алга, в Актюбинскую область.

Здесь устроилась в госпиталь. С 8 лет я активно занималась спортом, поэтому сразу же начала работать в кабинете лечебной физкультуры. Работы хватало…

Потом из Актюбинской области мы перебрались в Челябинск. На знаменитом Челябинском тракторном заводе работала моя двоюродная сестра. Я стала начальником отдела связи. Работала утром, днем и ночью. Здесь мы пробыли до июля 44-го. Здесь узнали об освобождении Одессы.

Забежала соседка: «Я слышала – взяли Одессу-Товарную!». Мы поняли, что еще бук-

вально пару часов – и Одессу освободят! Я выскочила на улицу. Люди скручивали газеты, зажигали факелы. По Челябинску двигались толпы!

Я на радостях даже сделала сальто со стола на пол! И слезы, слезы…

А как я возвращалась в Одессу?

Меня долго не увольняли с работы.

Потом Пересыпкин – маршал и командующий войсками связи – приказал откомандировать специалистов на восстановление связи в Одессе. Так я вернулась домой. Мама же оставалась в Челябинске до июля 1945 года.

В Одессу я добиралась поездом с тремя пересадками: Челябинск – Харьков – Кременчуг – Одесса. Помню, перед самым отъездом заработала малярию. Мама сварила лекарственный настой на основе спирта, хины, яичного белка. На дорогу мне дали две пол-литровые бутылки этого «лекарства» и две бутылки настоящей московской водки. В Кременчуге аж за две бутылки быстро закомпостировали билеты. Только в Одессе я поняла, что перепутала бутылки – вместо водки я отдала бутылки «хины». Можно себе представить, с чем столкнулись в Кременчуге…

В Одессе еще пили соленую воду – кипятили, потом отстаивали. Водопроводное хозяйство в Беляевке не работало.

Сначала остановилась на Карла Маркса, 85, у соседки. Вспомнили и помянули многих. Война… Потом некоторое время жила у двоюродной сестры.

Тогда в нашей же квартире на Карла Маркса, 85, жил какой-то военный летчик. Этот вообще-то чужой нам человек писал моей маме в эвакуацию, отвечая на ее весточку: «Не волнуйтесь! Я ключи оставлю у соседей…».

Однако нашу квартиру занял врач из Лермонтовского санатория. Мама жаловалась. Из Киева написали, чтобы немедленно освободили квартиру. Однако одесские власти не послушали… Для нас это не новость.

Так поступали со многими одесситами, вернувшимися из эвакуации.

…Первым исполнителем «У Черного моря» был Леонид Осипович Утесов. Как я понимаю, отношения между Модестом Та-

бачниковым и Леонидом Утесовым были очень дружелюбными и уважительными.

Летом обычно Модест Ефимович проводил под Москвой, на даче в Красной Пахре. Время от времени мама приезжала к Моне (мама умерла 1 мая 1976 г.). Когда она собиралась в Москву, обязательно брала с собой два картонных пенала с копченой и малосольной скумбрией. Всего что-то 50 штук. Модест Ефимович непременно угощал Леонида Осиповича. Тот всегда говорил: «Передайте мамаше спасибо!». Мама всегда с улыбкой возражала Утесову: «Почему вы говорите «мамаше» – я всего на два года старше вас…».

Леонид Осипович любил поднести скумбрию под нос кому-нибудь из оркестра: «Вот – это Одесса!..». Оркестранты «возму-

щались»: «Леонид Осипович, так дайте попробовать!». Утесов отшучивался: «Нет, нет! Это только мы, одесситы, понимаем на этот вкус…». Даже мог в шутку кому-то поднести под нос смачную фигу… Еще была жива его жена Елена Осиповна, он спешил домой – обрадовать ее таким одесским подарком.

Как-то в Одессе в начале 70-х годов Модест Ефимович решил познакомить внука Гену с Леонидом Осиповичем. Утесов сидел на Приморском бульваре возле «Лондонской».

Модест Ефимович подвел к нему внука: «Гена, познакомься, это Леонид Осипович Утесов». Утесов мальчика расцеловал и… расплакался, повторяя: «Почему Бог меня так обидел? Почему не дал внуков?!». Модест Ефимович быстро увел Гену в сторону…

Гена умер полгода назад, ему было всего 52 года.

…Когда брат приезжал в Одессу, всегда останавливался в «Лондонской» или «Красной». Чаще все же в «Лондонской» – там в номере стоял рояль.

К нам всегда приходил в гости. Мы жили тогда на Французском бульваре, 14б, в доме работников искусств. Прямо напротив киностудии. Квартиру эту получил мой муж Николай Иванович Добровольский. Тогда он был заведующим труппой нашего Украинского театра. Кстати, они с Моней были одногодками (Моня младше аж на 4 дня), даже в детстве вместе гоняли в футбол на Карла Маркса, 89, – на полянке, на месте когда-то разрушенной синагоги.

Вообще, мой Николай Иванович родился и вырос на Старорезничной, рядом с Шалашным переулком. Одна русская семья на два квартала! Здесь жили только евреи и… воры. Поэтому двери в квартирах никогда не закрывались… Николай Иванович, в отличие от меня, свободно общался на идиш. Он умер в 1992 году.

Модест Ефимович был чрезвычайно скромен. Никогда не напоминал о себе, не требовал к себе особого отношения. Уходил в сторону, старался не быть в центре внимания.

Очень любил одесскую кухню – жареные бычки, селедочку, «синенькие», вареники с вишней, наши салаты, соления.

Вообще, когда Модест Ефимович где-то слышал слово «Одесса», всегда настороженно прислушивался. Как бы это брало за живое…

В Одессе он отдыхал душой. Когда брат приезжал, наш дом был полон людей, все соседи были у нас в квартире. Одним словом, большой праздник.

Я ведь сама музыкант-самоучка, читаю ноты, играю на пианино. Да и моя дочь Марьяна была музыкантом. А Моня был

очень одарен, красиво пел. Это в нашего папу, Ефима Яковлевича. Так что поддержать компанию он мог.

Живя в Москве, очень активно и энергично болел за наш «Черноморец».

На вопрос: «А когда «Черноморец» играет в Москве, за кого вы болеете?» – Модест Ефимович отвечал: «Тогда я вообще не хожу на стадион, что-то плохо себя чувствую…».

Думаю, сейчас мало кто знает, что Моня еще до войны написал «Жемчужину у моря» – песню об Одессе. Он автор и слов, и музыки. С его легкой руки после этой вещи об Одессе начали говорить как о жемчужине.

Песенка эта в Одессе была очень популярна. И вот как-то вечером Моня пошел в «Лондонскую», чтобы поговорить с музыкантами. Когда он возвращался поздно к себе на Пушкинскую, 54, его остановили: «Снимай пальто, снимай шляпу, скидывай пиджак…». Когда он снимал пиджак, из внутреннего кармана выпал нотный лист… с музыкой и текстом «Жемчужины у моря». На листе было написано: «М. Табачников». Подозрительно спросили: «А как к тебе это попало?!». Моня ответил: «М. Табачников – это я». Ему вернули всю одежду. Поинтересовались, куда идет, где живет, и отпустили со словами: «Мы уже «срисовали» твой портрет. Теперь можешь ходить, когда хочешь и где хочешь. Никто тебя никогда не тронет».

Его «Жемчужину у моря» запели сначала в Одессе, а затем она разлетелась по всему миру…

…Уже не помню, когда первый раз услышала «У Черного моря», но каждый раз, когда слышу эту мелодию – подступает комок к горлу. Поверьте, когда поется *«…и каждой весною так тянет туда, в Одессу, мой солнечный город»*, так в Одессу Модеста Ефимовича тянуло не только весной. Всегда тянуло… Мой брат был настоящим одесситом. К Одессе он относился как-то подчеркнуто.

С Одессой его связывали и наша семья, и детство, и улицы, и довоенные товарищи. В оккупацию многие погибли, многие погибли на фронте. Образовалась «одесская пустота». Может быть, и поэтому ему было тяжело часто бывать в Одессе. Все это наводило на грустные мысли…

Первый раз после войны Модест Ефимович приехал в Одессу только в 47-м году, после демобилизации.

Мне говорили, что «У Черного моря» теперь крутят на одесском вокзале, вслед уходящим скорым поездам. Получается, что каждый скорый поезд уносит с собой частичку Одессы, частичку души Модеста Ефимовича…

Модест Ефимович ушел из жизни 31 января 1977 года.

Хоронила его вторая жена Рита Борисовна и сын Евгений Модестович.

Похоронен он в Москве на Востряковском кладбище, 42 участок.

…Бэлле Ефимовне Добровольской 18 сентября исполнится 93 года.

Эта обаятельная, по-одесски ироничная женщина хранит все, что связано с братом, Модестом Ефимовичем Табачниковым, и Одессой в различных проявлениях – будь то история, театральная жизнь, футбол, порядок на улицах или в душах одесситов. Круг ее интересов безграничен.

Она буквально подавляет своей молодостью.

Мы пересматриваем фотографии из семейного архива. Детство, юность, война, разруха, лица друзей и близких, одесские улицы.

Вот дом 85 по теперь уже Екатерининской улице.

Сегодня здесь строительные леса. После ремонта уже мало что будет напоминать о былой жизни этого видавшего виды одесского дома.

Уже никто не помнит, как маленький Моня с нотными тетрадками выбегал из этого дома.

Уже никто не помнит, как Модест Ефимович входил сюда – последнее одесское пристанище.

Как мечтал увидеть этот дом своими глазами, пройдя военное лихолетие.

А слова *«Снова нас Одесса встретит как хозяев, Звезды Черноморья будут нам сиять…»* из его легендарной «Давай закурим» с надеждой повторяли тысячи одесситов, сорванных войной с родных мест. И только ли одесситов?..

Одесса воспитала, поставила на ноги и благословила Модеста Ефимовича Табачникова на музыкальное творчество, на служение Ее Величеству Музыке. Им создано более 230 произведений, он дружил с такими разными Ильей Френкелем, Семеном Кирсановым, Леонидом Утесовым, Владимиром Дыховичным, Константином Симоновым, Марком Бернесом, Яковом Хелемским… Личностями масштабными и знаковыми. При этом Модест Ефимович оставался самим собой. Когда музыка прежде всего, когда самоотдача любимому делу беспредельна, когда все остальное на последнем плане.

…Одесса останется Одессой, пока рождает и дарит миру людей с творческим зудом, всепоглощающей любовью, неисправимых романтиков с пронзительным характером и устойчивым против равнодушия стержнем.

Таких, как Модест Ефимович Табачников, память о котором в Одессе не должна быть короткой.

Аркадий Штейнберг: «Я вижу взморье...»

Выдающийся русский поэт, переводчик, художник Аркадий Акимович Штейнберг (29 ноября / 11 декабря 1907, Одесса, – 7 августа 1984, село Юминское Калининской области) родился в семье врача. Его отец Аким Петрович имел левые взгляды, находился под надзором полиции. При этом был весьма известным в городе врачом. Семья – иудейского вероисповедания, однако в доме праздновались три Пасхи: еврейская, православная, католическая (гувернантка Виктория Цурик была австриячкой). Учился в Одесском реальном училище св. Павла. Играть на скрипке обучался у самого Столярского.

Школу оканчивал в Москве. Тут же пошел во ВХУТЕМАС. Но потом перебрался в Одессу и поступил в Одесский институт изобразительных искусств, проучился два года и опять вернулся в Москву. В связи с реорганизацией ВХУТЕМАСа остался без диплома. Из арт-учителей Штейнберга самый известный – Константин Юон.

Первый учитель в поэзии – Эдуард Багрицкий. В 30-е годы Штейнберг образовал с Семеном Липкиным, Марией Петровых и Арсением Тарковским группу «Квадрига». Благодаря знакомству с редактором отдела творчества народов СССР Гослитиздата Георгием Шенгели занялся переводами.

Дважды сидел – в конце 30-х и в 40-50-е годы, в общей сложности 11 лет. Участник Великой Отечественной войны, майор, однополчанин будущего генсека Леонида Брежнева. После войны первым обосновался в Тарусе (Калужская область). По его совету здесь осел Константин Паустовский и многие другие деятели культуры. Стоял у истоков знаменитого сборника «Тарусские страницы» (1961). Издать собственный поэтический сборник при жизни не удалось, поскольку отказался коверкать по цензурным соображениям поэму «К верховьям» (1963-67). Глав-

ный труд как переводчика – поэма Джона Мильтона «Потерянный рай», вышедшая в Библиотеке всемирной литературы.

Был трижды женат. От первого брака – сын Ясень. От второго – Борух и Эдуард. Эдуард Штейнберг (1937-2012) стал знаменитым художником, одним из ярчайших представителей «Второй волны русского авангарда». Аркадий Акимович оказал большое влияние на становление художников-нонконформистов 60-х.

Последние двадцать лет жизни его жена – Наталья Штейнберг (в девичестве – Тимофеева), лингвист, поэтесса. Свидетелями на их свадьбе были Евгений и Наталья Рейн (сокурсница Тимофеевой).

Взморье

Вот скопище первоначальных крох,
Правдоподобных, как сухой горох.
Здесь прозябает, кожные покровы,
Как брачные одежды, разметав,
Материи отчетливый состав,
Земной пупок набухший и багровый.

Вот, поглядите, явные следы
Слоистого строения слюды.
А вот естественные водоемы –
Как полные оконные проемы,
И лишь местами ветры намели
Какие-то мясистые растенья
На лобные места деторожденья
Всеобщей нашей матери – Земли.

Наглядный мир! Ты каждою щепотью
Соперничал с одушевленной плотью.
Но помню, что незыблемей всего
Вот это двойственное вещество,
Зовущееся морем, за пригорком
Оно грустит в своем покое горьком:
Кто б мог его от жизни развязать?..
Оно лежит внушительно и шатко,
Большое, старое, – ни дать ни взять,
Забытая футбольная площадка.

Но камень тверд, а небосвод высок.
Под башмаком, как снег, хрустит песок,
Чревовещательски бормочут сланцы
И стонут раковины, как шотландцы.
Я вижу взморье. Брошенный баркас,
Как лошадиный труп: его каркас
Утыкан ребрами. Немного дальше
Исполненная драгоценной фальши,
Раздетая, как ангел, догола,
Уставилась увечная скала.

Там женщина с базальтовым затылком,
Вся в сумерках, стоит над рубежом,
И голени, подобные бутылкам,
В которых опускается боржом,
Гудят от холода, и злые веки
От холода расширены навеки.

Она стоит – привольный истукан,
Вкушая снедь на соляной твердыне.
Пред нею лопается, как стакан,
Седое море, полное гордыни,
Пред ней висит, как призрак бытия,
Горящий край небесной плащаницы
И, влажное дыханье затая,
Летают рыбы, как снопы пшеницы.

Я вижу хижину. Темным-темно.
Уже созвездия, как домино,
Приучены к игорному порядку.
Я вижу хижину, сухую прядку
Ее волос, глубокое окно,
Очерченное фонарем, я вижу
Расплесканную световую жижу,
Кривую дверь, готовую проклясть
Вошедшего, условное окружье
Забора, желтого от седины,
Да ворох весел, бдящих у стены,
Как таитянское оружье.

Но где же бороздители морей,
Где сыновья и внуки рыбарей,
Где силачи в брезентовых одеждах?
Плывут они в слабеющих волнах,
Иль, может быть, на чистых простынях
Лежат врастяжку с лептами на веждах?
Нет-нет! Я вижу в темноте двоих,
Смолящих запрокинутое днище,
Они поют среди трудов своих,
Как пел тогда генисаретский нищий.

Приятные мужские голоса
Зовут луну, – и, словно розга, вскоре
Небесно-голубая полоса
Пересекла загадочное море.
Рыбак, по возрасту еще школяр,
Глядит на нежный перпендикуляр.
Он перелистывает, как решебник,
Волну, волну… Ответа нет как нет,
Лишь на волнах играет беглый свет –
То забавляется луна-волшебник.

И юноша, мечтательный простак,
Готов бежать за уходящим валом.
Но вот уже к черно-зеленым скалам
Причаливает лодка «Рудзутак»,
И, выжимая воду сапогами,
Идут кормильцы на глухой песок.
Они во мраке кажутся богами,
Создавшими и запад, и восток.

А там, вверху, у стертого порога
Здоровый пес коричневых мастей
Разлегся, как индейская пирога,
И молча ждет владельцев и гостей.
На кухне, средь хозяйственного скарба,
Густеет чад: рыбачка жарит карпа.

Он повернулся на бок: ах, злодей!
И лысый Ленин с календарной датой,
Прищурившись, глядит как завсегдатай,
Как верный друг животных и людей.

Закрыв глаза, я вижу каждый атом,
Я вижу царственное вещество.
Мне море кажется денатуратом,
А эти люди – пламенем его.
Девятый вал, на берег набегая,
Спешит назад, за ним волна другая.
Всему конец – прогулке, темноте.
Земля не та и небеса не те.

Я ж снова мальчик с карими глазами,
Играю лодками и парусами,
Играю камешками и судьбой,
Летучей рифмой и самим собой.

1932

Пожарище

Я вижу город детства моего,
И мне не надо больше ничего.
Доходный дом, в котором я родился,
Домовый двор, которым я гордился*,
Гнилого неба маленький кусок,
Печной трубы опухшее колено
И дерево – рогатое полено
Уткнувшееся головой в песок.

Я вижу город, где меня встречали
Былой любви восторги и печали.

* Одесса, ул. Канатная, 62.

Я вижу пыль его дрянных садов,
Я вижу гавань, полную судов,
Окраины, заставы и задворки,
Органчики, бумажные цветы,
Плеск поцелуев, запах дынной корки
И женский смех на грани темноты.

Здесь я мечтал в мансарде заповедной,
Здесь я кичился нищетой наследной.
Я жил один. Мне было все равно.
По вечерам я отворял окно
На море крыш, на тлеющие гребни
Кирпичных гор, на городской предел,
И я не знал, что может быть волшебней
Живого сна, который мной владел.
Передо мной дымились пирамиды
И подымались сомкнутой стеной
Висячие сады Семирамиды,
Учебники науки жестяной.

И я зубрил наглядные уроки:
Глубокий двор и горизонт широкий.
Подмяв локтями гипсовый карниз,
Я до отказу наклонялся вниз,
В бродило тьмы, где золотой калачик
Изображал насущный хлеб людской
И голоса трудолюбивых прачек
Переполнялись подлинной тоской.
Я совершал далекие прогулки,
Торчал часами в каждом переулке.
Облюбовав какой-нибудь фасад,
Я голову закидывал назад,
Потом кидался со всего размаху,
Как на арену – головой вперед,
Под бутафорский купол у ворот,
Похожий на черкесскую папаху.

Кого искал я? Что меня влекло
На лестницу, обитую железом?
Она, как орудийное жерло,
Вела мой шаг по винтовым нарезам.
Я подымался и, не чуя ног,
Дрожащим пальцем нажимал звонок.
Дверь отворялась. Легкие воланы
За ней мерцали, белизной дразня.
Но этот рай постылый и желанный
Дыханьем лжи окаменил меня.
И тени, что слетались к изголовью
Благословить двойных объятий плен,
Глухие просьбы, шепот клятв «I love you» –
«Ich liebe dich…»
Все это прах и тлен.
Я строил храмы, опьяненный зодчий,
И вот – лежат в развалинах, в пыли,
У ног моих… Бессовестные ночи!
Они меня вкруг пальца обвели!

И снова ночь – коварна и тениста.
Все затопила смоляная тьма.
Подобно книгам в лавке букиниста,
На мостовой валяются дома,
И между ними, в каждом промежутке,
Где гаснет даже месяц молодой,
Таятся опечатанные будки
С гремучей газированной водой.
Я шествую по улице пустынной,
Сжав кулаки, поросшие щетиной,
И вижу город моего стыда:
Он был, он есть, он будет навсегда,
Как узелок, завязанный на память,
Как след происхожденья моего,
Я не могу его переупрямить,
И мне не надо больше ничего.

Пусть он сгорит со всеми потрохами –
Доходный дом, где я грешил стишками,
Домовый двор, наполненный трухой,
Вся эта гниль, весь этот скарб сухой.
Чумные стены, дыры и заплаты,
Заборов угловатые края…
Пускай сгорят лачуги и палаты,
А заодно и молодость моя!

Беспечной спичкой, праздничным огарком
Ему судьба, как пальцем, погрозит,
Назло громоотводам и флюгаркам
Негаданная молния сразит.
Иль, может быть, играющие дети,
Куря табак в заброшенном клозете,
Затеют бой, свернув газетный жгут,
И незаметно город подожгут…

Быть может, ночью мне поможет случай,
Слепой зарей иль на исходе дня:
Из всех щелей прорвется дым колючий,
И вспыхнет эпидемия огня.
Под хлопанье простынь и полотенец,
Развешанных на гулких чердаках,
Проснется в зыбке розовый младенец
С египетскими змеями в руках.

Он кажется подростком безбородым,
Он слишком юн, чтоб довершить свой суд.
Но небеса подушку с кислородом
К его губам, как соску, поднесут.
Теперь огонь мужает с каждым часом,
Он ширится, он обрастает мясом,
Бодает стены козлорогим лбом,
Мурлычет, изгибается горбом…
Гори, гори, мой город обреченный,
Летучим пеплом прыгай по волнам!

Пускай твои беспомощные стоны
О мужестве напоминают нам.

Когда ж, сраженный солнечным ударом,
Весь в пламени умрет последний дом,
На черепках, на пепелище старом
Мы новый город за ночь возведем.
Из гекатомбы переулков тесных
Он вырастет, как дерево, живой,
Дыша грозой, касаясь туч небесных
Своей неукротимой головой.

1932

* * *

Я видел Море Черное во сне,
Как сирота под старость видит маму.
Оно большой рекой приснилось мне,
Похожей на Печору или Каму.

Вдоль берегов распаханной земли
Влеклась вода, краями небо тронув,
И желтые и белые цвели
Кувшинки на поверхности затонов.

Но это было море предо мной,
Зажатое меж берегов покатых!
Знакомый запах – йодный, смоляной –
Шел от него, и паруса в заплатах –

Лохмотья нищей юности моей, –
Бросая вызов сумраку ночному,
Средь укрощенных временем зыбей
Ловили ветер так не по-речному!

И каждый вздох, и каждая волна
Утраченное сердце воплощали,
И все равно – пресна иль солона,
Но эта влага, полная печали,

Воистину была водой морской,
Вернувшейся к истокам отдаленным,
Чтобы присниться мне большой рекой,
Полузабытым материнским лоном.

1935

Два стихотворения

1

Идет купаться портовой рабочий,
Расстегивает куртку на ходу.
Тем временем вода теплеет к ночи,
И трубы спорят в городском саду.

Вода стара. Бесчисленные зори,
Как сгустки крови, запеклись на ней,
И мутный сбитень, полный инфузорий,
Становится с годами солоней.

И нет ему ни края, ни предела.
И зря маяк моргает вдалеке, –
Все стерлось: берег, жилистое тело,
Замасленная роба на песке.

Высоко в небо вымахнули сосны,
Уходят музыканты на покой,
И леденящий отсвет купоросный
Играет на поверхности морской.

2

Я, как слепец, иду на ощупь к цели,
Я чую звуки, осязаю цвет,
Но вечно лжет искусство…
Неужели
Для внешней жизни воплощенья нет?

И все, что мне являет ночь немая,
О чем бормочут суша и вода,
Я буду чувствовать, не понимая,
Любить всегда, но ведать – никогда?

1936

Наталья Штейнберг: «Аркадий Штейнберг должен вернуться в родной город»

– В воспоминаниях об Аркадии Акимовиче часто говорят о его «одесскости». Внешность, разговор, шутки, словечки, любовь к воде, лодкам, рыбалке. Как вам кажется, насколько много было в нем одесского?

– Очень много одесского колорита, всегда смеялся, шутил. Много юмора, несмотря на тяжелую жизнь – два тюремных срока. И жизнерадостность никогда его не покидала… А вот акцента не было. Чистая, хорошая русская речь. Встречались и слова, которые давно не употребляются. Он регулярно читал старинные словари, Даля. Аркадий Акимович считал, что это очень важно для поэта, для переводчика.

– Как часто Штейнберг вспоминал об Одессе?

– Всегда с увлечением рассказывал об этом городе, полном талантов. С любовью, с юмором – как о городе своего детства. Вспоминал об отце Акиме Петровиче, уважаемом, весьма образованном человеке. И хотя тот был какое-то время в первой ленинской организации «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», состоял под надзором полиции, это ему не мешало быть преуспевающим врачом.

– Кто из одесситов был ближайшим другом Аркадия Акимовича?

– Конечно, Семен Израилевич Липкин. Большая дружба с юных одесских лет. А когда тот познакомился с Инной Лиснянской, этот роман проходил у нас на глазах. Часто бывали у них в гостях – в доме у метро «Аэропорт». Липкин называл меня… «абоил медхен», что на идише означает «славная девушка». А Лиснянская все время читала свои стихи. (Она и сейчас много пишет. С удовольствием читаю ее в толстых журналах.) Вспоминал, как они с Липкиным ходили к Мандельштаму, и тот обозвал их графоманами.

– А Багрицкий, другие авторы из Одессы?

– Он в молодости переводил стихи вместе с Багрицким. Тот был уже сильно болен, страдал одышкой. Поэтому осталось воспоминание как о человеке, который все время сидит на кровати, никуда не ходит. И вокруг вечно толпа людей – друзей, учеников, поклонников… Не любил Катаева. Штейнберга как зэка настораживали темные слухи, которые ходили вокруг этого писателя… Очень смеялся над Анной Ахматовой. Особенно над ее утверждением, что родилась в Одессе. Аркадий Акимович повторял, что на самом деле она родилась на Фонтане. Тогда это был не город, а пригород, глубоко местечковая местность. Как-то, когда Штейнберг с ней общался, Ахматова посмотрела на него величественным взглядом, взором светской львицы: «Я вам прочту свое стихотворение…». Штейнберг мгновенно отреагировал: «Анна Андреевна, спасибо! Теперь-то я понимаю, зачем сегодня утром проснулся». Интересно говорил о другом поэте (правда, уже не одесском) – Евгении Евтушенко. Считал его хорошим человеком, который охотно помогает больным людям – привозит дефицитные по тем временам лекарства из-за рубежа. Уважал Евтушенко за поэму «Бабий Яр».

– Знаменитый переводчик итальянской поэзии Евгений Солонович вспоминал Штейнберга, с восторгом читающего гениальные, как тот считал, ранние стихи Павла Тычины…

– Да, Аркадий Акимович прекрасно знал украинский язык. Помню, и Сименона читал в украинском переводе. Благодаря этому ему легко было выучить польский язык. Клал рядом книгу на украинском и ее же – на польском. Сличал тексты – осваивал

новый язык. Потом много переводил поляков – Тувима, Галчинского, Лесьмяна.

– Много ли он языков освоил?

– Знал английский, немецкий (в Одессе окончил реальное училище Св. Павла, где многие предметы преподавались на немецком), румынский, украинский, польский. Конечно, идиш. Знал языки еще французский, сербохорватский, старославянский. С других языков переводил по подстрочнику. Но и это делал прекрасно. Китаисты просто восхищались его переложениями Ван Вэя – великого китайского поэта эпохи Тан (VIII век).

– В поздние годы у него были такие пронзительные строки об одесском детстве, «полузабытом материнском лоне»: «Я видел море Черное во сне, как сирота под старость видит маму...». При такой любви, почему же он не ездил в Одессу? Неужели среднерусская природа, русские реки заменили ему Черное море?

– Вы знаете, во многом – да. Он очень любил русскую деревню. И его в деревнях любили, уважали. Любил топить печку. Любил работать руками (есть такое старое слово – рукомёсла). Среднерусская действительность стала для него родной.

– Как и для Паустовского. Они ведь дружили…

– Да. И в Тарусе, за «101-м километром», Аркадий Акимович первый поселился. А уж потом убедил Константина Георгиевича остановиться там. Даже помогал выбирать дом. Есть фотография, где они вместе по этому поводу ходят по Тарусе (она висит в Музее Паустовского в Кузьминках). С Библией получилась интересная история. У Аркадия Акимовича была старинная Библия, с пометками какого-то архимандрита. Показал ее Паустовскому. Тот: «Так хотелось бы иметь такую…» – «Берите!». Ему была свойственна такая щедрость, всегда мог подарить понравившуюся вещь – настоящий одесский размах. Но и Паустовский потом в ответ подарил такую же Библию, тоже XIX века. Однако уже без пометок архимандрита.

– Какие у него были отношения с Высшими силами? Как он смотрел на религию?

– У Аркадия Акимовича был литературный секретарь Сергей Бычков. Он в Патриархии был в близких отношениях со многими. И уговаривал Штейнберга креститься… Но он наотрез отказался, сказал, что останется в той вере, в какой родился. Хотя православие было ему близко. Читал книги святых отцов. В заключении писал иконы…

– А как Штейнберг относился к смерти?

– Он ее не боялся. Стихи Штейнберга – для сильных людей. Они трудны. Некоторые предпочитают друга его молодости Арсения Тарковского. Но у того главная мысль – о смерти, боязнь смерти, чего Аркадий Акимович не приветствовал. Как он писал в поэме «К верховьям»:

Она ни в чем не виновата
И ни полушки не должна:
Одна-единственная плата
За жизнь – всегда сама она

В иудаистской религии, когда руах (душа) отлетает, все остальное – всего лишь глина. У Штейнберга было удивительное мироощущение. Идея, что он общается с поэтами, писателями, творцами других времен и стран, чувствует глубокие корни, уводящие

его в исторические времена. Вот стоим мы с ним на берегу. Через речку – дерево. И он говорит: «Я чувствую свою руку как часть этого дерева». Ему очень близки были такие люди, как Альберт Швейцер (говорили, что он и внешне похож на него), Махатма Ганди. Очень почитал их.

– А кто из творцов прошлого, классиков был ему близок?

– Особое чувство единения – с Бахом. Сам играл его на фисгармонии (купленной на гонорар от «Потерянного рая»). Мы могли много часов подряд слушать пластинки с музыкой Баха… Тонко чувствовал, понимал немецких живописцев, голландцев – особенно пейзаж. И, как в музыке Бах, так в живописи – Рембрандт. Аркадий Акимович считал его непревзойденной вершиной европейской живописи. Главной идеей Штейнберга-художника было показать, как исчезает человечность в современной жизни. Он часто говорил: «То, что вечно, – человечно!». А Рембрандт это в высшей степени, в живом виде – человечность.

– Штейнберг – большой художник, большой поэт. Остались картины, литературный архив. Трудно ли их разбирать?

– В юности у Аркадия Акимовича был крупный почерк. Но в лагерях, как известно, бумаги мало, надо ее ценить. И тогда у него выработался очень мелкий почерк. Когда он ушел, и начали разбирать архивы, его ученик, писатель и переводчик Евгений Витковский с большим трудом расшифровывал эти записи. Даже подпортил себе зрение. (Это тоже в чем-то подвиг.) Мы делаем многое, чтобы память об Аркадии Штейнберге жила. Публикуем книги (ведь при жизни с нашей цензурой у такого поэта не вышло ни одной книги!), воспоминания о нем, организуем выставки картин. Мой нынешний муж Алексей Владимирович Егоров так полюбил поэзию и живопись Аркадия Акимовича, что для того чтобы квалифицированно работать с его наследием, окончил Институт истории культур по специальности «культуролог».

– И все-таки как-то обидно, что такой выдающийся поэт и художник, человек с таким ярким одесским началом, уехав из Одессы, в нее больше не вернулся…

– У Аркадия Акимовича всегда было много друзей, знакомых. За год до смерти у нас появился один человек из Одессы. Не поэт, не художник, просто хороший приятель, поклонник. Сказал:

«У меня там дом с виноградником. Приезжайте в гости!». Аркадий Акимович ответил: «Да-да, надо поехать». Но не успел, умер. Однако все равно Аркадий Акимович Штейнберг обязательно должен вернуться в родной город – своими стихами и переводами, своими картинами.

Интервью Олега Кудрина

Афоризмы, эпиграммы Штейнберга, байки от него, истории о нем

По воспоминаниям друзей и близких

В семействе Штейнбергов было предание, что их предок входил в число трехсот евреев, «способных к негоции», переселенных в Одессу для развития города еще Екатериной Великой.

В 1929 году Аркадий приехал в Коктебель к Волошину с девушкой. И рассказал, что она невероятно талантливая, любимая ученица Айседоры Дункан, оставившая далеко позади свою великую учительницу. Танцы, придуманные и исполненные девушкой, феерически прекрасны, их не описать – надо видеть!

Волошин, часто бывавший на выступлениях Дункан, предложил устроить концерт. Был разостлан ковер, сделано освещение. Подобран хороший ансамбль из гостей музыкантов. И!.. И тут выяснилось, что девушка совсем не умеет танцевать. Осталось неизвестным, то ли она была такой хвастунишкой, то ли Аркадий так поэтически расфантазировался, узнав, что любимая ходила в Школу Дункан.

Да, Штейнберг был влюбчив. Однажды в 30-е годы в квартире у некой прекрасной дамы он схлестнулся в споре с сильным соперником – известным спортсменом. Перепить друг друга никому из них не удалось. Тогда коварный Аркадий предложил выкурить сигару. А он сам предпочитал весьма крепкий табак. После нескольких хороших затяжек спортсмен заблевал весь балкон

и под сочувствующие охи покинул поле битвы.

Аркадия уводили во время первого ареста, еще до войны. Опечаленная мать сказала в изумлении: «Кажется, тебе это интересно?». Он ответил: «Да, очень!».

И позже, когда после двух отсидок и 11 лет лагерей его спрашивали: «Как вам удалось выжить?» – он отвечал: «Мне было интересно».

Как-то Борис Леонидович Пастернак высказал Штейнбергу самые искренние похвалы за переводы Радуле Стийенского. Дальше слова Штейнберга: «Пастернак был любезный и такой красивый. Я так восхищался его поэтическим даром. И вот ляпнул в ответ: «Не всем же партия и правительство доверяют переводить Шекспира!». До сих пор не могу понять, какая муха меня тогда укусила. За секунду до этого ничего такого у меня в башке не было. Жлоб – одним словом!». Но судя по лукавой улыбке, Аркадий Акимович не очень-то сожалел о такой несдержанности.

Штейнберг рассказывал о том, как видел Цветаеву в коридоре у кассы Гослита в «выплатной день». Бессильно прислонившись к стене, стояла седая женщина в стоптанных туфлях, почти старуха, безучастная ко всему окружающему… Он на секунду отвел глаза в сторону. А когда снова повернулся, то увидел иное: красавица с гордо поднятой головой, сияя взглядом, буквально летела кому-то навстречу в страстном порыве…

Не менее важен в этой истории произнесенный будничным тоном финал: «По коридору шел Арсик Тарковский».

Штейнберг сказал о Тарковском, с которым он близко дружил: «Мы с Арсиком как поэты взаимно перпендикулярны».

До войны у Штейнберга и Тарковского случилась большая ссора после фразы Арсения Александровича, что он левой ногой переводил Радуле Стийенского (югославский коммунист, посредственный автор, которого переводы Штейнберга и Тарковского сделали большим поэтом).

И вот во время войны майор Штейнберг оказался с Москве с краткосрочным отпуском. Узнав, что Тарковский тяжело ранен и пришлось отнять ногу, он бросился в госпиталь. Войдя в палату, спросил с порога: «Арсик, какая нога?» – «Правая». – «Ну, слава богу, переводить сможешь…»

Аркадий Акимович любил задавать загадку: какое из сочинений Тарковского самое «всенародно любимое»? И когда все терялись в догадках, открывал секрет: написанные в 42-м году слова популярной тогда песни «Застольная»: «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина. Выпьем и снова нальем».

Потом, любуясь произведенным эффектом, рассказывал о судьбе своей тогда также популярной песни «Дон мой, Кубань моя». После второго ареста авторство слов в ней начали приписывать главному редактору «Огонька» Анатолию Софронову. А когда выяснилось, что подлинный автор жив, то, учитывая фамилию, в сборниках писали – «Слова народные». Переводчик «Потерянного рая» отреагировал экспромтом:

Что может собственных Мильтонов
И быстрых разумом Софронов…

Сын Аркадия Акимовича, знаменитый художник «лианозовской группы» Эдуард Штейнберг как-то заметил, что в его отце «была смесь Дон Кихота и Остапа Бендера».

Товарищ Бендер до Румынии не добрался. Зато специалист по агитационной работе майор Штейнберг в 1944 году жил и действовал там с большим размахом. Разместился со своей группой в великокняжеском особняке. Носил невиданный белый лайковый мундир, пошитый по собственному эскизу. Штейнберг сумел

расположить к себе молодого короля Михая и часто обращался к нему напрямую. Когда ему понадобилось хорошее радио, принимающее на всех частотах, он позвонил королю и попросил помочь.

– Видели бы вы, – рассказывал он потом друзьям, – как два румынских генерала, сгибаясь в поклонах, вносили радиоприемник в мою резиденцию.

После второго ареста, произошедшего в Румынии по доносу местных коммунистов, Штейнберг оказался в Черновицкой пересыльной тюрьме. В переполненной камере 40-50 заключенных, затаив дыхание, слушали блатного вида паренька, который рассказывал увлекательную историю, по-фене – «тискал ро́ман». Это был мастер своего дела, он не просто размахивал руками, но и подпрыгивал, вертелся волчком. Голос – то фальцет, то трагический шепот, то гром. Подойдя поближе, Штейнберг услышал рассказ. «Он, бля», «Она, бля». «Ну и по…л». Поэт, переводчик, знаток литературы, к своему стыду, долго не мог разгадать сюжет. Пока не дошло до финала. Рассказчик, рубанув воздух рукой, обреченно рявкнул: «И, бля, под поезд! И под поезд!».

У Аркадия Штейнберга почти нет любовной лирики. Исключение – обжигающий лирический цикл в лагерных стихах 1947-48 года. Его избранницей стала женщина из украинского подполья ОУН-УПА:

Жена ли ты, любовница, подруга ль,
Не уловлю я, не пойму, –
Но жжет меня, как раскаленный уголь,
Тоска по сердцу твоему.
Звездой последней утреннего неба,
Залогом будущего дня,
Глотком воды, куском насущным хлеба
Ты стала нынче для меня.

Последнее же стихотворение цикла не завершено. Бумага исчеркана, измучена, как сердце поэта, навсегда расстающегося с любимой. Остались лишь две строчки:

Тебя увезут в товарном вагоне,
Бог весть куда, за край небосклона…

В 1970-м в ресторане ЦДЛ умер, поперхнувшись бутербродом, советский поэт Сергей Дрофенко. Говорят, присутствовавшие при том медики Арканов и Горин растерялись, решив, что это инфаркт. Узнав об этом, Штейнберг, бывший лагерный медик, расстроился, ведь человека можно было спасти с помощью ножа, стерилизованного водкой. Он рассказал, как сам вытащил с того света зэка, поперхнувшегося у костра, – сунул в огонь лезвие перочинного ножа и быстро сделал надрез трахеи. Пациент выжил и даже дожил до освобождения.

Акимыч не любил жалоб на судьбу, говорил: «Что лучше: десять лет в тюрьме просидеть или чтобы ботинки десять лет жали?».

Как-то Аркадий Штейнберг и Александр Ревич шумно спорили о достоинствах и недостатках лагерей – советских и немецких. Сошлись на том, что наши получше. У немцев хоть и порядок, но «машина», а у нас, с одной стороны, беспредел, зато с другой – самодеятельность.

В один день с Пастернаком умер известный историк-востоковед и переводчик классической литературы Евгений Львович Штейнберг. В нервозной обстановке случилась путаница. И в литературных кругах пошел слух, что умер Аркадий Штейнберг. Каково же было Аркадию Акимовичу посреди ночи отвечать на вопросы: «Ты жив?», «Как ты себя чувствуешь?».

Аркадий Акимович сохранял одесское пристрастие к яркой одежде, шутя, признавался, что горюет без апельсиновых штиблет. А однажды купил башмаки немыслимого цвета и фасона – оказалось, что это наиновейшие лыжные ботинки.

Штейнберг потрясающе умел торговаться. Еще на подходе к барыге в его походке появлялась некая расслабленная важ-

ность, а на лице проступало выражение лица «старого сидельца» – печать зэка, которую невозможно вытравить. Торговался коротко и жестко, сбив цену до нижнего предела, говорил продавцу: «Идет!». Доставал деньги, внимательно отсчитывал и вдруг добавлял возмущенно, с укоризной: «Нет, так не пойдет! Оставишь мне хотя бы на бутылку, а?..». И цена падала ниже нижней планки.

У Аркадия и Наташи Штейнберг был ньюфаундленд Фома, сын Кузьмы – собаки Вишневской и Ростроповича. Фома Кузьмич вырос в большого доброго пса. Он никак не желал осваивать в питомнике собачью науку. Когда на Фому демонстративно нападал здоровенный малый в защитном ватном скафандре, пес бросался на него и… с радостным лаем облизывал ему голову. Когда кто-то из друзей заметил, что, наверное, собака умственно отсталая, Аркадий Акимович возразил:

– Наоборот, это умнейший пес. Фома прекрасно понимает, что с ним играют. У него хорошее чувство юмора!

Штейнберг и сам с юмором рассказывал о генеалогическом древе своего пса:

– Когда Ростропович приехал в Лондон, журналисты написали в газетах: «С ним был большой пес неизвестной породы». Конфуз! У Ростроповича все бумаги на руках о безупречной родословной пса. Но англичан насчет собак не проведешь…

Дочка знакомых Аркадия Акимовича как-то сказала, увидев белого-белого пса: «Зимняя собака!». Штейнберг был в восторге. После этого он часто называл черного Фому «Летней собакой».

Аркадий Акимович не терпел жалоб (в частности, Шенгели и Тарковского) на утомительность переводов во времена, когда у поэтов заткнуты рты: «Есть много способов заработать на жизнь, так что – или не переводи, или, коль скоро переводишь, не жалуйся, да еще – читателю».

Штейнберг очень любил повторять строчки стихов Валентина Берестова о Чуковском: «Пишите бескорыстно – / За это больше платят!».

Когда молодой коллега сказал в унынии, что его перевод в редакции отвергли, утешил его так: «Посмотрите, Сережа, это стихотворение я перевел, когда мне было 17. Теперь мне 70. И оно наконец напечатано. Помните, сделанная работа – это сделанная работа».

В пору работы над «Потерянным раем» Джона Мильтона Аркадий Акимович тесно общался с оксфордским профессором-славистом. Они заговорили о Байроне, его экстравагантной биографии, литературной репутации и невероятной популярности в России. Штейнберг сделал вывод: «Это такой английский Евтушенко девятнадцатого века». – «О! Вот оно! Так и есть!» – возопил в восторге собеседник.

В СССР, где распространение религиозной литературы было запрещено, баптисты копировали и переплетали штейнберговский перевод написанного на библейский сюжет «Потерянного рая» (тираж в 300 тысяч быстро разошелся). Для преследуемых властями советских баптистов это была настольная книга. Штейнберг бережно хранил и показывал гостям подаренный ему баптистский экземпляр «Рая».

Переведя «Потерянный рай» и получив за него большой гонорар, Штейнберг отказался переводить «Возвращенный рай».

Из общения с ним становилось понятно, почему. Потому что возвращенного рая не бывает.

«Захурдачивай в жордупту ту!» – любил повторять Акимыч строку из поэмы футуриста Каменского. «Заметьте, именно в ту, а не в эту жордупту!..» – говорил он, с наслаждением перекатывая «жордупту» на языке. Правда, потом выяснилось, что «ту» в оригинале не было. Это Штейнберг уже додумал, улучшил футуриста.

Штейнберг терпеть не мог Асеева и Лилю Брик. Как-то на концерте любимого им скрипача Исаака Стерна он не получил никакого удовольствия. И лишь после концерта, увидев Лилю Юрьевну, выходящую из консерваторского зала, понял, в чем дело.

Асар Эппель позвонил Штейнбергу, пожаловался, что устал искать для перевода эпитет из одного слога. Тот ответил: «Старик, не ищите. Такой эпитет в русском языке один – «злой».

Как-то Штейнберг предложил другу, поэту, литературоведу Вадиму Перельмутеру написать стихотворение на заданную тему, старую как мир.

Он и она. Она любит его безоглядно, всю себя вкладывая в чувство: преодолевает препятствия, проходит испытания, пренебрегая общественным мнением. А потом вдруг выясняется, что он этого не стоит. Нужно передать длительность этой истории, обстановку деревни, вроде бунинской, в общем, создать стихотворную новеллу. «И на все это – две строчки!»

Когда собеседник, придя в замешательство, сказал, что не сможет, Штейнберг подвел итог: «Не вы один. Я тоже не могу. А безвестный автор частушки справился с задачей играючи: «Я любила, грязь топтала. Он дурак, а я не знала».

Брежнев был однополчанином Штейнберга. И когда спустя годы тот на подходе к ЦДЛ рассказывал своим зычным голосом: «Лёня Брежнев был удивительно славным парнем, добрым, красивым. Романы заводил…» – лица милиционеров у расположенных там посольств вытягивались от изумления.

Друзья часто советовали ему как-то выйти на Брежнева. Тогда были бы и квартира, и книги, и выставки. Но Штейнберг всегда отнекивался.

После войны Штейнберг отказывался ездить на отдых в Коктебель: «*Крым без татар* для меня не существует».

Юная диссидентка Ира Каплун рассказала, что КГБ не воспрепятствовало наконец ее поступлению в институт. Штейнберг доволен: «Прекрасно! Научитесь хорошо делать какое-нибудь *дело*. Пока у вас хорошо получается только одно – сидеть».

Лимонов в гостях у Штейнберга живописует свои эпатажные выходки. Хозяин терпеливо внимает и предостерегает: «Эдич-

ка, учтите – у государства нет чувства юмора».

У Акимыча были золотые руки, он был способен ко всем рукомеслам. И, как многие одесситы, – великолепный повар. Любимые блюда: баклажанная икра из «синеньких», жаркое на косточке, селедка под шубой, грибной суп. И главное – борщ, для которого специально перетиралось старое желтое сало и чеснок.

Штейнберг всегда восхищался гениальной рыболовной снастью – одесским самодуром. Он занимал главное место в выдуманном и выпестованной Аркадием Акимовичем сюжете о Сталине, ушедшем в старости в безвестность: «…И вот сидит он на деревянных мостках у моря и… дэрит рыбу на самодур!».

Пришвин называл себя поэтом, распятым на кресте прозы. Перефразируя его, Аркадий Акимович называл себя прозаиком на кресте поэзии.

Семен Липкин сказал о Штейнберге-художнике: «Он никогда не писал с натуры, но всегда помнил о ней».

После выставки Эдуарда Штейнберга Акимыч сказал: «Оказывается, мой сын большой художник».

Аркадий Акимович так объяснял ненужность религиозных институтов: «Для хождения к Богу мне не требуются костыли».

Когда Акимыч узнал, что его сын Борух решил перейти в православие, он тут же мгновенно отреагировал:

– Бедное православие!

Штейнберг о поэзии и переводах

«Переводить Гейне – все равно что ловить рыбу. Может, клюнет, может, нет».

«К Виктору Гюго можно пройти через парадный вход и по ковровой лестнице подняться прямо к нему в апартаменты. А есть такие поэты, к которым можно подобраться только с черного хода».

«Поэзия России – это такая армия, где ротами командуют генералы».

«Четырехстопный хорей из-за частушек и «Мойдодыра» кажется стремительным. Но этим же размером написано: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя…». Это, хоть режьте, не прочтешь быстро, как «Мойдодыра».

«Бродский – это такой Фишер в поэзии. Он решил стать чемпионом мира по стихам».

«Пригов – это здорово. Но это горчица. Нельзя питаться одной горчицей».

О плохих стихах: «Поэзия тут дышит на ладан».

Эпиграммы Штейнберга

О Б.И. Соловьеве, несостоявшемся поэте, советском редакторе, помешавшем опубликовать прижизненную книгу Аркадия Акимовича:

Борис Иваныч Соловьев –
Специалист не из последних
По холощенью соловьев
И умерщвлению последних.

О критике Тарасенкове, записавшем Александра Блока в ареопаг советской поэзии:

Наш Поросенков, критик жалкий,
В писаньях душу излиял
И на певца ночной фиалки
Перевернул ночной фиал.

О Смелякове, опубликовавшем в «Литературке» антиформалистскую статью:

Пусть меня секут не либералы,
Не славянофилы из жидков,
А хороший православный малый –
Ярослав Васильич Смеляков.

О гражданине из клуба «Родина», будущего общества «Память»:

Он был обычным стукачом
И занимался делом темным.
Но стал, пронюхав, что почем,
Славянофилером погромным.

* * *

Штейнбергу нравилась формула Волошина: «Наше главное творение – мы сами». В развитие темы у него был свой афоризм: «Старость – лучшее время жизни, только к ней надо готовиться».

Публикация Олега Кудрина
Москва

Татьяна Щурова

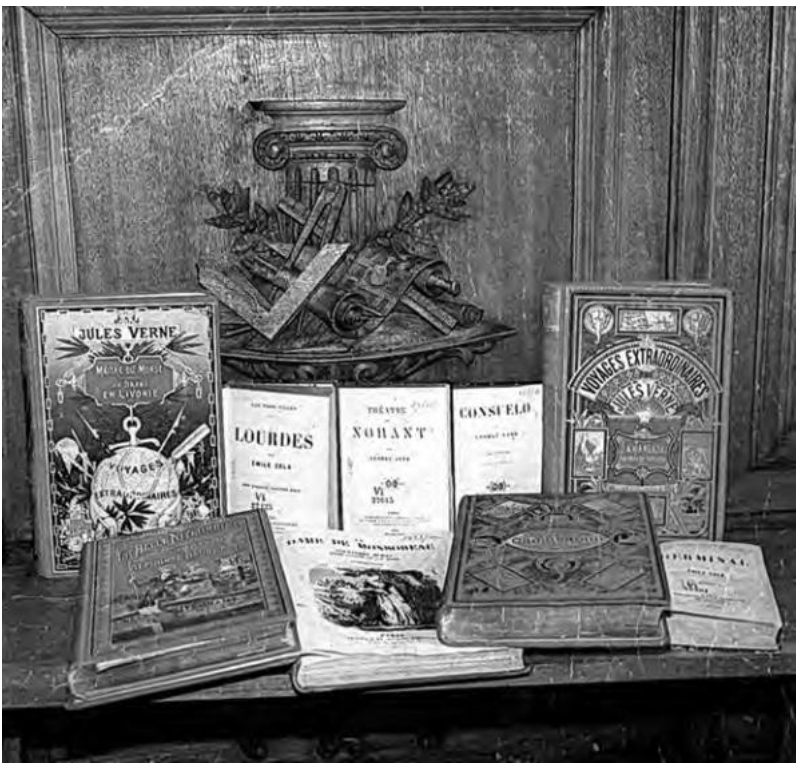
Живое наследие Маразли

Возрождение интереса к личности и деятельности Григория Маразли началось в начале 90-х гг. уже прошлого столетия и связано это было с увлечением Сергея Зеноновича Лущика историей книжных знаков. Он быстро заразил нас рассказами об удивительном городском голове Одессы, и мы вместе с ним стали постепенно открывать для себя очень любопытную книжную коллекцию, счастливо попавшую когда-то в фонды нашей публички.

Находясь в Одессе, вы можете совершить содержательную прогулку по местам, связанным с благотворительной дея-

тельностью Григория Григорьевича Маразли. В бытность его городским головой, с 1878 по 1895 гг., Южная Пальмира обогатилась зданиями просветительских и благотворительных учреждений. Причем, прежде всего, он понял первоочередные нужды беднейшей части населения. Так в Одессе появились по его инициативе и на его средства ночлежные приюты, дешевые столовые, богадельни и т. п. Не забывал Маразли и о духовных потребностях своих сограждан. Эта сторона его благотворительности самая внушительная по числу и объему пожертвований. Церкви, часовни, библиотеки, музеи, лечебные заведения – перечень их займет не одну страницу. Именно Маразли мы обязаны выбору проекта ныне знаменитого оперно-

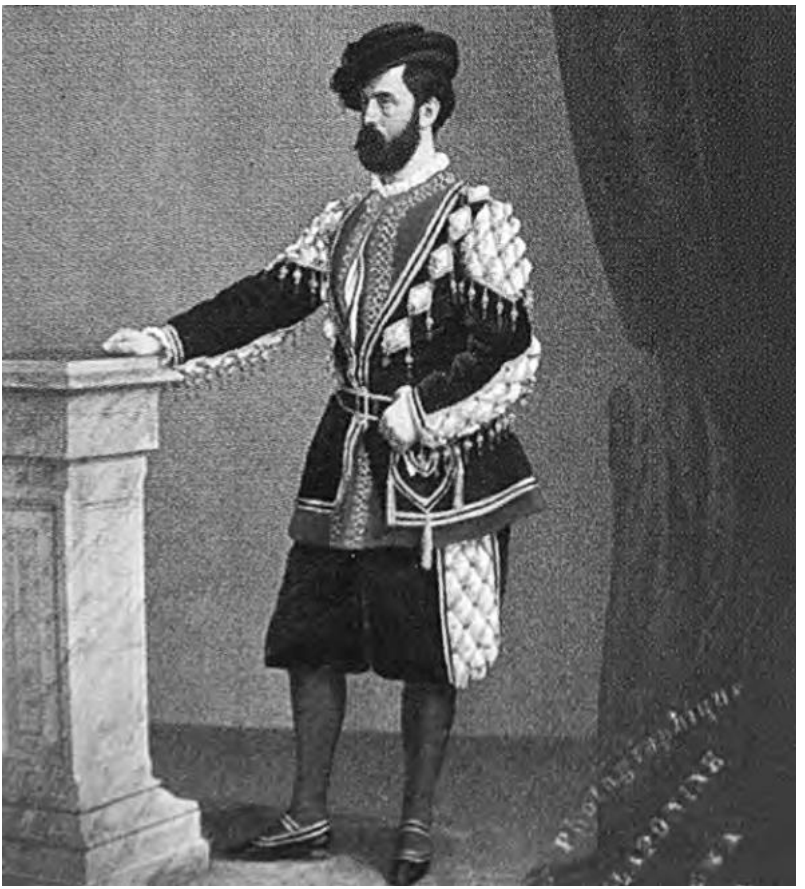

го театра, ибо он считал, что «Одессе нужен театр, достойный не только России, но и Европы».

Большая и интересная история связана с темой отношения библиофила и мецената Г.Г. Маразли с городской публичной библиотекой. В 1883 году в значительной степени на его средства в центре города было воздвигнуто здание для публичной библиотеки и для музея Одесского общества истории и древностей в классическом стиле. До этого подобные библиотеки существовали только в столицах империи. Через девять лет он финансировал пристройку книгохранилища, что позволило библиотеке значительно увеличить свои фонды. Теперь в этом здании располагается археологический музей. Здание является памятником архитектуры. Многие годы в читальном зале находился портрет благотворителя, который, к сожалению, потом был утрачен.

Маразли не оставил своим вниманием публичную библиотеку и в дальнейшем. По старым отчетам можно узнать, что он неоднократно жертвовал средства на приобретение книг для нее. Так, в 1891 году на его деньги была куплена «спе-

Г.Г. Маразли в маскарадном костюме. Открытка из фондов ОННБ

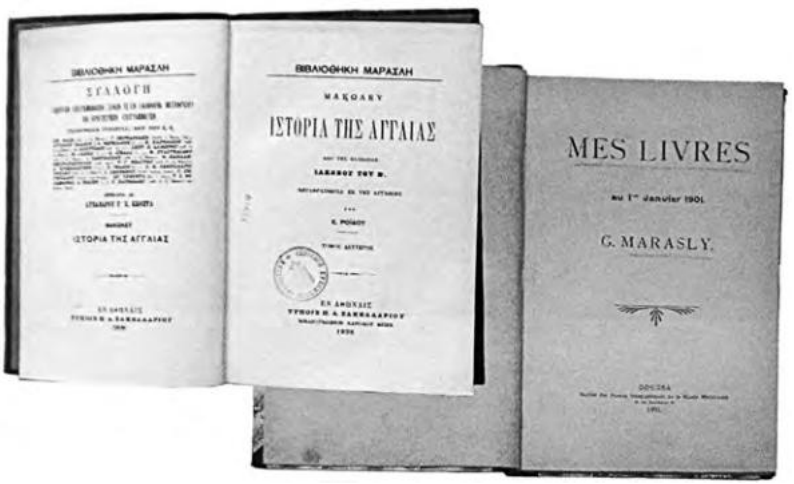
циально театральная библиотека около 2.800 пьес от Д. Ширяева, заключающая почти всю русскую драматическую литературу с конца XVIII и начала XIX в.». Здесь будет уместно вспомнить, что Григорий Маразли получил отменное светское воспитание, сначала домашнее, а потом в знаменитом Ришельевском лицее. Известно, что в доме его матери часто устраивались любительские спектакли и костюмированные вечера. В фондах

Герб Маразли

библиотеки хранится фотография Маразли в маскарадном костюме. Современники вспоминали об одном домашнем спектакле, где изображался Приморский бульвар со статуей Дюка в исполнении Григория Григорьвича, который стоял вроде бы на своем гранитном постаменте и вел забавную беседу на злободневные темы жизни города. В доме Маразли часто бывали гастролирующие знаменитые актеры, он покровительствовал Саре Бернар, например.

В 90-х годах позапрошлого века в отчетах библиотеки регулярно появлялось имя Маразли среди дарителей. Только в 1895 г. он подарил библиотеке 244 тома. После кончины мецената его племянник и наследник А.С. Сафонов передал в фонды этой книжной сокровищницы всю библиотеку Маразли, насчитывающую 10.000 томов (около 4.700 названий). Значительная

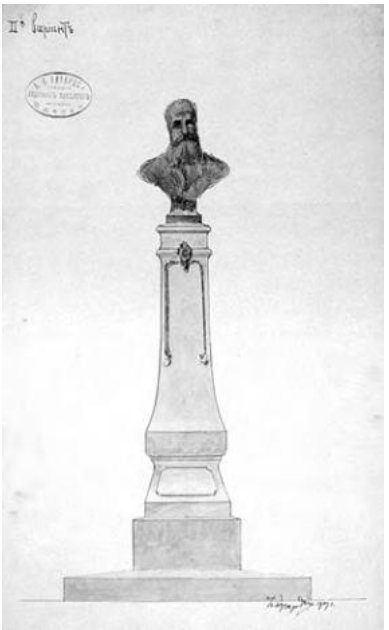

часть собрания вошла в каталоги «Mes livres», которые Маразли издал в конце XIX века. Любая библиотека создает определенное впечатление о ее собирателе. Перебирая книги из этого собрания, можно сказать, что владелец был человеком разносторонних интересов, больше гуманитарий, театрал, собиратель живописи и антиквариата, человек, желающий быть в курсе литературных новинок своего времени, а также любитель истории и путешествий.

Между тем книжное собрание Г.Г. Маразли было весьма серьезным для своего времени и привлекало внимание не только одесситов. Достаточно сказать, что его включили в каталог частных библиотек России (1912). Изучая книги из его собрания, можно получить представление о книжном потоке второй половины XIX века. Основную часть составляют книги на французском языке, которые Маразли регулярно привозил из

Часть экспозиции из домашнего музея Маразли. Фото из фондов ОННБ

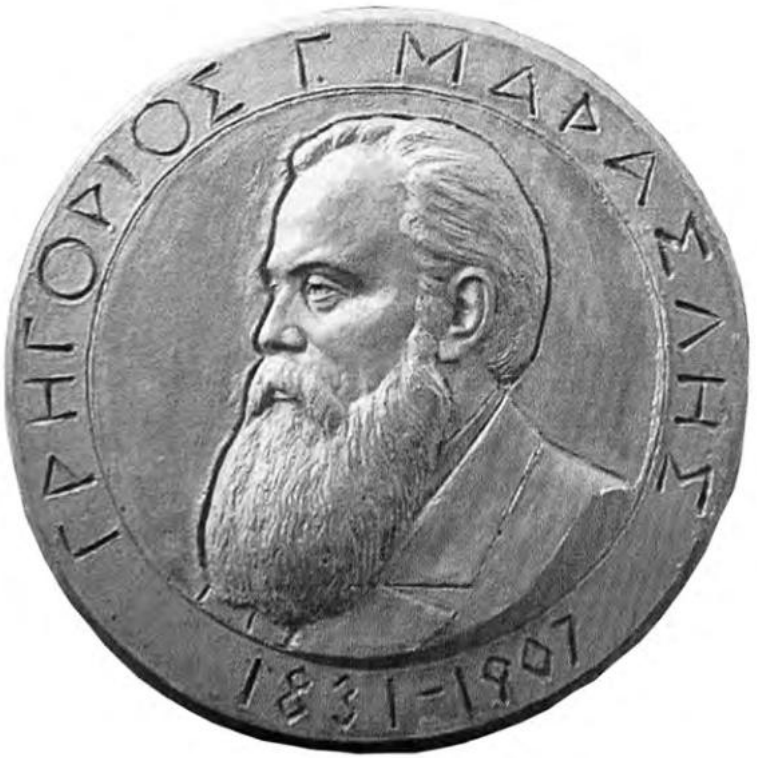

Эскиз Б. Эдуардса к неосуществленному памятнику Маразли
Фонд ОННБ им. М. Горького

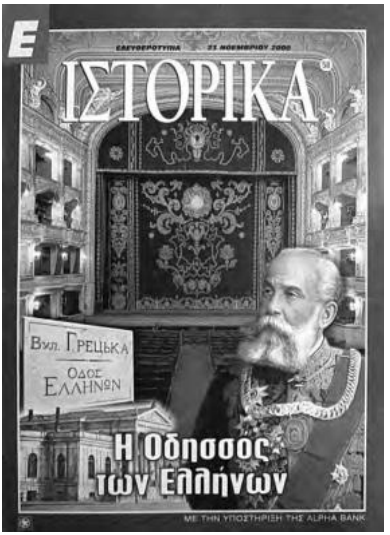
Григорий Маразли. Карикатура Мих. Линского

Франции. Это литература по истории, географии, искусству, художественные произведения. Сегодня мы имеем возможность поработать в библиотеке с прижизненными изданиями О. де Бальзака, Э. Золя, Г. Флобера, Жорж Санд, А. Доде, А. Дюма и многих других. Конечно, в библиотеке Маразли было немало книг греческих и латинских авторов. Занимая ответственный пост городского головы, он постоянно интересовался литературой по вопросам права, философии, медицины и гигиены, сельского хозяйства, торговли и промышленности, управления и финансов, политики, политической экономии и статистики. Не раз мы мысленно произносим сегодня слова благодарности в его адрес, снимая с полки энциклопедическую и справочную литературу. В библиотеке Маразли есть, например, три издания Лярусса, тома словаря Мейера, 17 томов словаря Брокгауза на немецком языке, 35 томов знаменитой энциклопедии Дидро и д'Аламбера, издававшейся в 1751-1777 годах. В доме Маразли с 1843 по 1899 год выписывался журнал «Illustration», который сегодня представляет большой интерес.

Барельеф Г.Г. Маразли. Скульптор А. Копьев

Большое количество книг в библиотеке Маразли по вопросам искусства, причем как по общим, так и по отдельным вопросам: архитектура, интерьер, орнамент, керамика, материальная культура, история костюма, живописи, музеи, салоны и так далее. Шеститомной энциклопедией по истории материальной культуры Средних веков, замечательными изданиями по истории европейской моды, роскошным иллюстрированным изданием «Жизнь Иисуса Христа» и др. пользовались и пользуются многие поколения одесситов, получивших эту возможность благодаря страсти Г.Г. Маразли к хорошей книге.

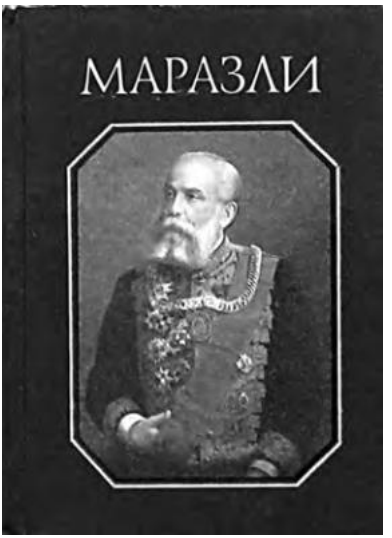

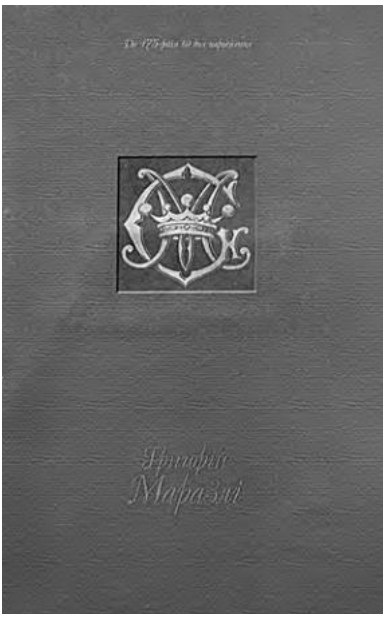
Страница каталога выставки к 175-летию Г. Маразли

Нужно вспомнить об одном издательском начинании библиофила, цель которого была исключительно просветительской и не предполагала получения прибыли или окупаемости проекта. Это так называемая «Библиотека Маразли», которую он затеял для распространения в Греции, чтобы познакомить читателей с трудами популярных в то время немецких историков Э. Курциуса, И. Дройзена, Т. Моммзена и др., а также с переводами на греческий лучших произведений русских писателей: Пушкина, Л. Толстого, А. Чехова, М. Горького. Книги выходили периодически (ежемесячно по одной книге). Печатались книги в Афинах, а редакция литературных переводов находилась в Одессе. Одно из главных условий жертвователя: «Издания должны продаваться по возможно дешевой цене и были бы доступны возможно более широким кругам публики».

Интересное исследование книжных знаков Маразли было проведено в библиотеке им. М. Горького. Оказалось, что с середины 1850-х гг. владелец постоянно и серьезно занимался формированием своей книжной коллекции; появляются первые

варианты суперэкслибрисов на его книгах в виде монограммы владельца, затем в 1870-е гг. на книгах библиотеки Г.Г. Маразли последовательно чередуются три основных вида суперэкслибрисов с его монограммой. В настоящее время выявлено и описано 13 вариантов книжных знаков Маразли. По результатам этих исследований сотрудники библиотеки Лина Арюпина и Ольга Барковская вместе с С.З. Лущиком выступили на заседании Секции книги Одесского дома ученых. Интерес к этой теме позволил подготовить в музее книги ОННБ большую выставку библиотеки Маразли. Затем благодаря инициативе научных сотрудников библиотеки были объединены усилия библиографов, искусствоведов, краеведов, удалось найти новые документы и факты, касающиеся жизни и деятельности этой щедрой и обаятельной личности в истории Одессы.

При финансовой поддержке Греческого фонда культуры в 1995 году в Одессе вышел миниатюрный, но емкий по содержанию сборник «Григорий Григорьевич Маразли: меценат и коллекционер», включивший эксклюзивные исследования

жизни и общественной деятельности выдающегося гражданина, грека по национальности, одессита по рождению, Г.Г. Маразли, давшего всем нам пример благородного служения людям.

Отрадно, что с этого времени появились содержательные исследования Е. Кузьминской, С. Решетова, Л. Ижик, К. Авгитидиса и др.; Одесский филиал Греческого фонда культуры к 175-летию со дня рождения Маразли подготовил масштабную выставку с участием музеев, библиотек и коллекционеров, выпустил красочный каталог, провел конференцию.

Надеемся, что интерес к личности Григория Маразли не угаснет и в дальнейшем, и новым поколениям историков и краеведов будет важно изучать столь редкий феномен благотворительности в Одессе.

Феликс Кохрихт, Иван Липтуга

Хождение за три моря: Балтийское, Черное, Гегамское

Из Одессы и Таллинна – в Ереван

Это была не туристическая поездка, а, да уж простится нам пафос, миссия в рамках проекта «Народная дипломатия». Мы уже рассказывали о нем в заметках, посвященных пребыванию одесситов в Таллинне летом прошлого года.

И. Л.: – Проект «Народная дипломатия» как продукт коллективного разума родился более трех лет назад, когда гражданин Эстонии Меэлис Кубитс неспроста решил отпраздновать свой день рождения в Одессе. Для него, как и многих, Одесса является эталоном города с духом народной дипломатии. Благодаря своей истории и многонациональному составу толерантность и дипломатичность стали неотъемлемыми качествами наших земляков.

Мультикультурная атмосфера, сложившаяся в Одессе с первых лет существования, формировала терпимые добрососедские отношения людей с разными религиями, традициями, обычаями, говорящих на разных языках. В результате получился удивительный народ, который уже более двухсот лет постоянно дарит миру самородков и при этом практически ничего себе не оставляет. Нет места на Земле, где бы не было одесситов и где бы не знали наш город.

Мы не раз убеждались что среднестатистический иностранец, особенно не европеец, вообще не различает границ между странами – бывшими республиками СССР. Для них все это Россия, медведи, матрешки… Но Одессу знают все!

– О-о-о! Ю ар фром Одесса?! Лавли сити, ай хёрд. Сэрджей Айзенштайн, я-я!

Так наши собеседники произносят имя и фамилию кинорежиссера Сергея Эйзенштейна, снявшего в Одессе «Броненосец «Потемкин», признанный лучшим фильмом за всю историю кино.

Всемирный клуб одесситов, который возглавляет Михал Михалыч Жванецкий, объединяет и жителей города, и всех, кто уехал, но навсегда душой остался в Одессе – или Одесса осталась в душе. Как, кстати, правильней: душой остался в Одессе или Одесса осталась в душе? Наверное, и так, и так. Потому что, побывав в нашем городе даже однажды, невозможно в него не влюбиться навсегда. Одесса вдохновляет.

Вот так Одесса вдохновила простого эстонского парня (на самом деле – человека успешного и пользующегося уважением не только в своей стране) на проект глобального масштаба, призванный объединить народы. Действенность этой идеи одесситы и эстонцы два года проверяли на себе: ездили друг к другу в гости. Убедились – интересно и полезно. И вот нынешним летом состоялся совместный выезд с миссией в Ереван. Успех превзошел все ожидания: в столице Армении собрались более 700 участников из Таллинна, Одессы, Москвы, Санкт-Петербурга, Минска и Кишинева.

Удивителен сам формат. Одновременно без всякой на то причины в одном городе собрались сотни людей из разных стран просто для общения, обмена мнениями и культурного обогащения. На протяжении недели проходили ежедневные концерты, спектакли и деловые творческие встречи, экскурсии…

Так как у нас с Феликсом Давидовичем при написании путевых заметок – традиционное четкое разделение труда, то он вам расскажет и о культурной программе, и о том, что поразило нас при знакомстве с многотысячелетней историей и неповторимым искусством Армении.

Я же добавлю несколько слов о том, что в Ереванском университете прошел круглый стол, посвященный маркетингу городов и развитию городского туризма. Во встрече принимали участие представители четырех городов – Еревана, Одессы, Таллинна и Перми. Кроме общей советской истории у этих городов сегодня мало общего, поэтому нам было необычайно интересно поделиться опытом в разных сферах развития инфраструктуры,

Презентация «Одесской библиотеки» в Славянском университете

привлечения инвестиций и туристов из разных стран. В рамках дискуссии мы стремились помочь коллегам советами, делились опытом, который мог бы способствовать в деле продвижения своих территорий на мировом туристическом рынке.

Ф. К.: В одесскую делегацию входили директор департамента культуры и туризма горисполкома Татьяна Маркова, вице-президент Всемирного клуба одесситов Валерий Хаит, президент Ассоциации туризма Одессы Иван Липтуга, редактор «Одесской библиотеки» Феликс Кохрихт, директор Литературного музея Татьяна Липтуга, председатель правления Агентства регионального развития Галина Безикович, заслуженный артист Украины Алексей Ботвинов, заместитель директора Всемирного клуба одесситов Аркадий Креймер, член президентского совета ВКО Анатолий Горбатюк, руководитель Одесского биг-бенда Николай Голощапов, писатель и телеведущий Борис Бурда, фотохудожник Виталий Оплачко, культуролог Евгений Деменок, журналисты.

Широко была представлена Одесская армянская диаспора, во многом благодаря которой состоялась эта поездка.

Знаменательно, что маршрут, по которому посланцы разных стран добирались в Ереван, проходил через три моря: Балтийское, Черное и Гегамское. Вы о таком не слышали? Мы – тоже. А ведь это – старинное название озера Севан. Оно и впрямь достойно статуса моря, как и Байкал. Огромное, глубокое, обладающее уникальной фауной. Прекрасное озеро, вдохновляющее на легенды и поэмы, сакральное место, где вершилась история Армении.

На высоком берегу – монастырь, купола которого видны издалека, а звон колоколов слышен в тумане, обволакивающем озероморе в ненастную погоду…

Приверженцы христианской религии появились в Армении в первом веке нашей эры, а в 302 году она стала государственной. В стране хранятся бесценные реликвии – исторические и религиозные. В Эчмиадзине (резиденции Католикоса) – наконечник копья Судьбы, которым, согласно Новому завету, римский легионер Лонгин нанес Иисусу Христу последнюю рану. По соседству, в витринах, – частицы Ковчега, на котором Ной, согласно Ветхому завету, причалил к Арарату…

В величественном здании на ереванской площади Республики располагаются Исторический музей и Национальная картинная галерея. В музее – бесценные экспонаты времен государства Урарту. В галерее – великолепная коллекция работ европейских, армянских мастеров, особенно впечатляют залы русских художников – от Левицкого и Репина, до Кандинского и Шагала…

Во всемирно известном научном центре Матенадаран, носящем имя создателя армянского алфавита Месропа Маштоца, мы видели множество рукописей, среди которых нас поразил труд ученого, в VII веке поведавшего современникам о том, что Земля вращается вокруг Солнца, и изложившего теорию строения Вселенной, которая во многом совпадает с современной…

Но вернемся к нашему путешествию по дорогам горной Армении. Они приводят нас с берегов Севана в Гарни, где находится, на мой взгляд, восьмое чудо света, к счастью, дошедшее до наших дней. Храм бога Солнца был возведен во II-III веках до н. э. и воплощает каноны античного зодчества. Это – малый Парфенон, отстоящий от Афинского на тысячи километров, переживший разрушительные войны и землетрясения, но не затерявшийся ни во времени, ни в пространстве…

На разных языках – о духовности

Под сводами храма звучат старинные армянские песнопения: несколько женщин в стилизованных одеяниях своими дивными голосами опрокидывают нас в глубь времен.

В легендарном скальном монастыре Гегард, где несколько веков хранилось копье Судьбы, мы услышали, как звучат и мужские голоса, – здесь смешанный ансамбль.

Через несколько дней мы испытали то же чувство встречи с великой духовной музыкой во время выступления всемирно известного Мужского хора Эстонии, который собрал полный зал ереванского Дома камерной музыки. Средневековые церкви Таллинна и античные храмы Армении разделяют огромные пространства, религиозные традиции, превратности истории, но певцов роднят и духовность, и верность идеалам, и высочайший профессионализм. Как хотелось бы услышать единый хор, в котором слились бы голоса армян и эстонцев…

Программа ереванских встреч была составлена так, чтобы не только познакомить нас – одесситов, эстонцев, армян, граждан России, Беларуси, Молдовы – друг с другом, но составить новые, порой неожиданные творческие ансамбли. Примеров тому немало, приведем лишь некоторые.

В спектакль московского театра «Школа современной пьесы», построенный на импровизациях, его главный режиссер, наш земляк Иосиф Райхельгауз ввел таллиннских и ереванских артистов, что привнесло в сценическое действие новые ситуации и краски.

Легендарный эстонский ансамбль старинной музыки «Hortus musicus» кроме своей привычной программы выступил и с ныне

Священная гора Арарат – вид с границы с Турцией

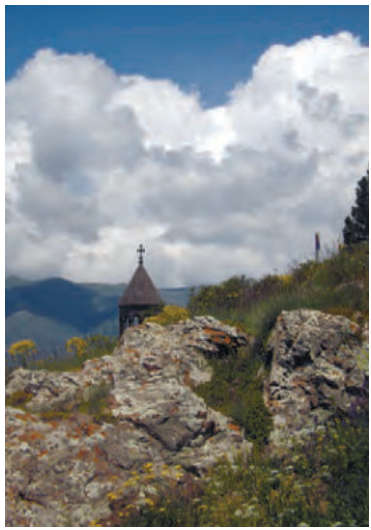
В Эчмиадзине хранится копье Судьбы

Храм Гарни был посвящен богу Солнца

Луч света осветил хачкар в скальной церкви Гехард

Отсюда – в горы

Поющие фонтаны на площади Республики

Памятник Месропу Маштоцу и одна из рукописей Матенадарана

Современный Ереван

За роялем – Арно Бабаджанян

Армянские каменотесы

Вечная натура

Лаваш пекли
на наших глазах

В Ереване жажду утоляют горной
водой из уличных фонтанчиков

Этот шарманщик –
одессит с Балковской, 41

Мы любим Одессу
везде и всегда

рокером, а ранее поп-певцом Тынисом Мяги и виртуозным виолончелистом Бориславом Струлевым (Нью-Йорк). Лидер ансамбля, скрипач и шоумен Андрес Мустонен участвовал и в джазовых концертах.

Достойно представили город лауреат недавнего одесского Международного мастер-джем-фестиваля пианист Алексей Петухов и его молодые друзья, а об истории становления этого жанра в Южной Пальмире рассказал Анатолий Горбатюк.

По традиции от наших земляков ждали ярких выступлений в жанре юмора. И взыскательная публика не обманулась. Редактор журнала «Фонтан» Валерий Хаит не только заставил зал улыбаться и смеяться, но и достойно конферировал выступления мэтров – Романа Карцева, Бориса Бурды и автора премированного сборника Марианны Гончаровой.

Выдающийся пианист Алексей Ботвинов на торжественном открытии Миссии народной дипломатии погрузил зал в мир высокой музыки Сергея Рахманинова, которую играл в этот вечер с особым чувством. Как признался музыкант, его вдохновила поездка в культовое для армян место – к храму Хор-Вирап на самой границе с Турцией – в максимально возможной близости от священной горы Арарат…

Состоялись выставки работ художников Юрия Горбачева и Петра Сигуты.

По уже установившейся традиции апофеозом многодневного творческого марафона в рамках проекта «Народная дипломатия» становятся встречи многонациональной аудитории с Михаилом Жванецким. Так бывает в Одессе. Так было в Таллинне. Так случилось и в Ереване. Как сказал со сцены Михал Михалыч, он ощутил себя здесь среди своих. А это, поверьте, многого стоит.

И еще одна традиция действа Меэлиса Кубитса не была нарушена: на afterparty «Ереван гуляет open air» собрались почти 800 участников и, видимо, столько же гостей. Звездой праздника, как и в Таллинне, стала эстрадная дива Анне Вески.

Ф. К., И. Л.: Завершим наши заметки тем, с чего начиналась программа одесской делегации в столице Армении. В первый день пребывания в Ереване мы провели презентацию изданий

«Одесской библиотеки», выходящих в рамках совместного проекта Всемирного клуба одесситов и АО « ПЛАСКЕ». Она прошла в Российско-армянском (Славянском) университете при активном участии доцента Лилит Меликсетян, в зале присутствовали преподаватели, аспиранты, студенты и других вузов, в которых активно и плодотворно работают факультеты или кафедры русского языка и литературы.

Не скроем, приятно удивили и интерес аудитории к нашей издательской деятельности, и желание ереванцев наладить сотрудничество с одесситами.

Мы передали в библиотеки учебных заведений книги из «ОБ» и альманахи «Дерибасовская – Ришельевская», а также стенд «Армянские писатели в Одессе» – от сотрудников нашего Литературного музея.

Состоялась встреча с коллегами из журнала «Литературная Армения». Старейшее русскоязычное издание выходило с 1958 года, но затем наступили трудные времена… И лишь недавно благодаря помощи меценатов и государства вышел первый возобновленный номер. Среди членов редколлегии – Андрей Битов, среди авторов – москвич Ефим Бершин, который печатается и в нашем альманахе. Договорились обмениваться материалами – и это один из конкретных результатов деятельности «Народной дипломатии».

И, наконец, еще одно важное доказательство того, что нас объединяют не только высокие материи, но и пристрастие к кайфу за чашечкой отменного кофе. В СССР не было лучших мастеров приготовления этого древнего напитка, чем бармены Таллинна и Еревана (разве что – старички на набережных в черноморских портах Сухуми и Батуми…). Мы убедились, что и сегодня они не потеряли сноровки и вдохновения.

Следующая встреча адептов «Народной дипломатии» может произойти в Минске, впрочем, и Кишинев проявляет к этому проекту заметный интерес.

Фото А. Ботвинова, Ф. Кохрихта, И. Липтуги, П. Сигуты

Евгений Деменок

В этом сезоне модно:

Носить ниспадающие белые одежды
Почесывать уши и ягодицы
Читать книгу
Быть стройным и нагим
Петь нестройными голосами
Красиво ухаживать за волосами
Между делом заходить в банк
Испытывать восхищение
Заполнять паузу
Носить подмышкой бультерьера
Мудрствовать лукаво
Идти налево, сказку говоря
Носить разноцветные носки
Участвовать в парадах
Выделывать па
Заслонять собой
Ездить на лимузине лучшего друга
Быть невыносимым
Встречать бурными овациями
Эякулировать
Собирать нашивки на рукавах
Красиво потеть
Музицировать и мумифицировать
Быть осторожным на воде
Носить с собой кожаные сандалии ручной работы
Быть грустным с 17:00 до 18:00
Мечтать о недостижимом

Покупать автобусные билеты
Провожать девушек взглядом
Сочувствовать
Гладить незнакомых кошек
Говорить банальности
Пить гранатовый фреш по утрам четвергов
Снова читать книгу
Скрипеть зубами
Скреплять печатью
Витийствовать
Быть благородным
Вызывать доверие
Покупать перчатки
Голодать во имя
Баловаться строго в отведенных для этого местах
Распутывать хитросплетения
Украдкой лизать мороженое
Воскресать из забвения
Быть прилежным
Вышивать гладью
Не останавливаться на застигнутом
Развязывать шнурки
Топить печь дровами
Спать ночью
Впадать в детство
Быть талантливым
Брить ноги и грудь
Бить в набат
Затрагивать потаенные струны души
Изучать топонимику
Глаголом жечь сердца людей
Посвящать Отчизне
Эпатировать и эскалопировать
Прощупывать пульс
Протаптывать тропу
Клеить модель в клубе
Быть бонвиваном

Носить тужурку
Быть драчливым
Вздрагивать от неожиданности
Корчиться в судорогах
Быть неприкасаемым
Прелюбодействовать
Грызть гранит науки
Встречать рассвет
Восхищаться прекрасным
Собирать грибы, гуляя в лесу
Кокетничать
Читать еще одну книгу
Задергивать шторки иллюминаторов
Задерживать дыхание на выдохе
Улыбаться украдкой
Сыпать цитатами
Бросать слова на ветер
Падать навзничь
Отшелушивать чешуйки
Гадать на крылышках стрекоз
Делить шкуру неубитого медведя
Рассыпаться в любезностях
Колебаться по амплитуде
Волнообразно пульсировать
Греться в лучах славы

Евгений Мучник

Стишата

На пляже

* * *

На пляж в трамвае приезжаю,
а там народу – как в трамвае…

* * *

Впервые тело солнцу подставляя,
уже который год я обгораю.
Но в голову пришло лишь этим летом,
что можно написать стихи об этом.

* * *

Приобретая кожи темный цвет,
тем самым говорю: «Расизму – нет!».

Июльский роман

* * *

Так грело солнце летнее над нами,
меня июльским зноем утомив,
что мне не удалось по всей программе
ей показать свой драйв и позитив.

* * *

Сосед по даче с юною женой
по принципу живут «Проснись и пой!».
Я принял бы их песни на ура –
но не в четыре же часа утра!

* * *

Бывает – окунешься в чью-то душу,
как в море… После моешься под душем.

Из дневника заядлого телезрителя

* * *

Сижу у моря на досуге,
смотрю на волны в день прекрасный.
А все-таки в моем «самсунге»
все краски ярче и контрастней!

* * *

Лето пулей пролетело.
Хорошо, что не задело…

Бархатный сезон

Когда не светит солнце слишком ярко,
для моего сравненья есть резон:
я для тебя как бархатный сезон –
тебе со мной ни холодно, ни жарко.

Одессит в Израиле

Лет почти на сорок молодея,
радуюсь, куда ни кину взгляд:
здесь везде полным-полно евреев –
как в Одессе сорок лет назад!

В Аркадии

Беру шашлык и цинандали.
Напротив – море, корабли,
за ними в дымке край земли…
Шашлык не жесткий, сдачу дали.

Старый знакомый

Мы с ним всю жизнь живем в Одессе,
в один ходили детский сад…
Его всегда я встретить рад –
теперь мы с ним в одном собесе.

Владимир Трухнин, Ирина Полторак

Из архива «Городка»

Из жизни животных

1-й. Животные очень умные. При соответствующем старании можно даже собаку научить считать.

2-й. Собаку – считать? С чего ты взял? Ерунда, это просто фокусы.

1-й. Ничего это не фокусы! Мне недавно сосед рассказал – он директор фирмы. Говорит: «Пришла на склад милиция с собаками, и эти суки быстро всё пересчитали»…

Ду ю спик инглиш?

1-й. На английском сейчас говорит весь мир! Любой политик, бизнесмен, ученый сегодня говорит на английском.

2-й. Что, и наши все политики за границей говорят по-английски? А переводчики им тогда зачем?

1-й. Ну как зачем? Наш политик говорит по-английски, а переводчик потом всем объясняет, что именно он сказал.

Игры воображения

Беседуют два старика в очереди к врачу. Мимо проходит медсестра. 1-й провожает ее глазами, вздыхает.

1-й. В юности я был влюблен в одну медсестричку… Я потом долго еще, как видел девушку в белом халатике, так сразу

и представлял: это она, моя первая любовь, подходит ко мне… а я говорю – вот моя лебедь…

2-й. А теперь, небось, эту свою лебедь даже и не представляешь?

1-й. Ну, почему… Вот недавно: медсестра в белом халатике подходит ко мне… и говорит: «Больной, вот ваша утка…».

Законы гостеприимства

Мужик пришел в гости к приятелю, а тот уже полчаса болтает, на стол ничего не ставит.

Мужик. А я вот слышал, что во всех странах есть такой обычай – если пришел гость, его надо угостить. Водочки там налить, коньячку.

Приятель. Ну, это смотря в какой стране. У нас, например, гостю предлагают чай или кофе. У эскимосов, говорят, есть обычай – хозяин предлагает гостю свою жену. А вот американцы – да, эти сразу наливают гостю выпить.

Мужик. Ну и правильно! Я бы, конечно, пошел в гости к американцу. Посидел бы у него, угостился… А вот уже от него – к эскимосу!

Учить их надо!

Разговаривают двое мужчин.

1-й. Вот не умеют наши мужики с дамами как следует обращаться – дверь открыть, ручку поцеловать.

2-й. Так ведь и наши дамы не лучше. Разве они умеют обращаться с мужчиной? Бывает, что даже руки в ход пускают.

1-й. Ну, если к ним просто пристают, это как раз правильно. А вот если у мужчины серьезные намерения, это другое дело.

2-й. Да такое же самое! У меня вчера был как раз такой случай. А я так много ждал от этого вечера!

1-й. Ну, может, она не поняла, что ты многого ждал.

2-й. Отлично она все поняла! Я уже держал ее за руку! Я уже даже начал ее выкручивать…

Судьба учителя

Два одноклассника вспоминают школьные годы.

1-й. А помнишь, как мы скелету усы прилепили, и получился вылитый наш завуч! Мы его еще Кощеем Бессмертным звали. Как он, кстати? Жив?

2-й. Нет, наш завуч как на пенсию вышел, так и помер. Очень быстро.

1-й. Да? От чего?

2-й. Да от того же, от чего все учителя помирают… От пенсии.

Мудрость сторожа

Два сторожа – старый и молодой, обсуждают на дежурстве профессиональные проблемы.

Старый. Запомни, настоящий сторож должен быть всегда начеку. Чтобы быстро подать сигнал тревоги, догнать вора, задержать его...

Молодой. Да ну… Чтобы охранять, у настоящего сторожа должно быть оружие. Ба-бах – и всего делов!

Старый. Ха! Да если б у каждого сторожа было оружие, то в этой стране давно остались бы одни сторожа…

Олег Кудрин

Отец и сын. И дух любви

Памяти Петра Тодоровского

Есть в мире вещи неслучайные. В один уик-энд (самое хлебное для кинопроката время) – 18 мая – умер Алексей Балабанов. А в следующий – 24 мая – ушел Петр Тодоровский. Это, конечно, не 2007 год, когда в один день (30 июля) мир покинули Антониони и Бергман, будто чтобы точнее зафиксировать смерть великого европейского кино, но все же…

Светотени столиц и провинций

Петр Ефимович и Алексей Октябринович. Жизнь и творчество одного оттеняют другого. Разные поколения, разное происхождение, такие разные отчества, судьбы и стили. Но было качество, что роднило и позволяло ставить их рядом, – абсолютная искренность, незаискивающая честность киноработ и жизни.

Они родом из двух нестоличных студий советской киноимперии – Одесской и Свердловской. По неотменимому закону империи должны были уехать в столицы, тоже разные, Москву и Питер. Со временем нонконформизм советский у обоих плавно перешел в постсоветский. Один сам сочинял музыку, другой с гениальной тарантиновской точностью суровой ниткой сшивал чужие треки. На войну Тодоровского у Балабанова была своя «Война». А на святые, возвышенные фронтовые раны Петра Ефимовича у Алексея Октябриновича нашлись грязные побои в милиции. Оттого у первого трагедия всегда лирична, а у второго даже лирика всегда трагична. Оттого Тодоровский был экстравертно светел и улыбчив, по-курортному, по-одесски солнечен. А Балаба-

нов – интровертно, по-свердловски, индустриально, дымно мрачен; а улыбка его кино оказывалась едкой, как кислотный дождь. «Про уродов и людей» рассказывали и два «Брата», и «Кочегар», но более всего – «Груз 200». А «Морфий» не облегчал страдания, но лишь ставил окончательный диагноз. И всю эту гармоничную в своем хаосе, ужасе картину разрывали два крика нестерпимой сердечной боли: «Мне не больно!», «Я тоже хочу!».

Тодоровский же, у которого боли и ужаса было не меньше, все же врачевал (прекрасно притом понимая, что раны, нанесенные стране «проигранным XX веком», все равно неисцелимы). Лечил – даже одними своими названиями. Не «Война», но «Военно-полевой роман», не «Жмурки», но «Какая чудная игра», не «Кочегар», но «Фокусник». Потому что главное для него – «Любимая женщина…». И не обязательно механика Гаврилова. И не только режиссера Тодоровского. А просто любимая женщина, любовь и «Любовь» (это, правда, уже фильм его сына Валерия, но ведь и дети – продолжение творчества), верность и «Верность»…

Вечный двигатель режиссера

Если для Балабанова главным был сам пульс жизни, то для Тодоровского – и те, из-за кого этот пульс учащается. Солдатский фронтовой голод, вечная неутолимая тоска по женщине всю жизнь сочетались у него с довоенной, дофронтовой романтикой. С восхищением женщиной во всех ее ликах, от Богородицы до «Интердевочки», с миром и с Мирой Григорьевной (кстати, начиная с «Интердевочки» супруга была продюсером его фильмов). Умение Петра Ефимовича работать с актрисами, открывать их свету или давать вторую жизнь карьере также широко известно: Андрейченко и Гурченко, Яковлева и Розанова…

В последние годы Петр Ефимович соглашался на интервью редко. И мне тоже не раз подробно, логично, душевно объяснял по телефону, почему именно сейчас он дать интервью не сможет. При этом сказанного как раз на него и хватило бы. Но без спросу выдавать произошедшую беседу за интервью было как-то неприлично.

А вот с разрешением – прилично и даже естественно, но это для близких, старых друзей. Таких, как кинокритик Валерий Семенович Кичин (кстати, уроженец Свердловска). К юбилеям, к премьерам, к наградам – всегда можно найти повод, чтобы оформить дружеский разговор как газетный материал. Но не простой разговор, а этак, статейку с умыслом. Начиная с 2005 года едва ли не в каждом материале о Тодоровском Кичин в своей «Российской газете» подробно рассказывал о главной нереализованной киномечте Петра Ефимовича. Пересказ этот смотрелся лукавством почти детским: «Ау, деньгодатели, отзовитесь! Посмотрите, какой сюжет пропадает!». Но никто не отзывался. И в последнем таком рассказе-призыве, прозвучавшем года два назад, Тодоровский горько резюмировал: «Это мечта моей жизни, но вряд ли ее удастся осуществить…».

Однако одесситам, по-моему, очень важно услышать это завещание режиссера – творческое, духовное, любовное. Ведь это о нас и о нашем городе. Я собрал все четыре варианта пересказа этого сюжета («РГ», 28.05.2005, 05.02.2008, 26.08.2010, 13.01.2011) и объединил их в один наиболее полный, развернутый.

«На углу маленькой площади»

Петр Тодоровский: «Я всю жизнь мечтаю о картине «На углу маленькой площади». Пока не сделал, потому что для нее нужно много денег – это ж только голубей надо будет снимать часами. Фильм про птиц, которые живут возле Одесской оперы и в ней самой. Голуби там ночуют, гнездятся среди колонн, на масках, на лепнине. И видят сверху человеческие страсти. А рядом, на площади, идет бурная жизнь: Морской музей, загс, садик «Пале-Рояль», где платаны, и голуби купаются в старинных фонтанчиках. Там начинаются знакомства, назначаются свидания. И там же рушатся судьбы. Летом окна театра распахнуты: звучит музыка, репетирует оркестр, распеваются певцы… Дивное место. Вечером публика идет в театр, садится на свои места, голуби – на свои, и все слушают Чайковского, Глинку, Вагнера… Вот такая грубая схема: несколько человеческих новелл и одна голубиная семья – голубок и горлица…

Идея появилась так. На одном фильме заболел оператор, и я помогал снимать. Для съемок были куплены два вечера, и мы там снимали сцены из «Лебединого озера». Как-то раз по делу поднялся на самый верх, открыл окошко и увидел дивную картину: корабли на рейде, а передо мной на карнизе сидит голубка в гнезде, и под ней птенцы. И ходит рядом голубь: гур-гур-гур. Я представил: вот сейчас сюда прилетит другой голубь, и между ними начнется драка. Перья летят, а на сцене идет «Лебединое озеро», и Зигфрид бьется со Злым гением Ротбартом... Представляете, какие можно высекать замечательные контрапункты!

Я придумал историю про девушку, которая для заработка убирает квартиру у богатых людей, и про мальчика, который учится в хореографической школе. Это, в сущности, про Ромео и Джульетту, которые разделены социальными барьерами…

Можно снять две-три очень красивые новеллы. Это мечта моей жизни, но вряд ли ее удастся осуществить. Театр пережил ремонт, голубей разогнали трещотками, испортили замечательный садик со старинным фонтаном, где эти голуби купались».

И все же…

Да, последние слова Тодоровского звучат грустно, но ведь не все так безнадежно: и садик Пале-Рояль не до конца испортили, и голуби те кое-как живы. Так что, может, стоит восстановить их популяцию да прислушаться к словам Валерия Кичина: «Я представил такую картину и понял, что без нее биографию великого черноморского города нельзя считать полной». Может, стоит поднять этот проект на знамя и сделать его общегородской идефикс (как это было с памятником Бабелю). А если так случится, то такой крепкий продюсер, как Мира Тодоровская, и такой тонкий режиссер, как Валерий Тодоровский, в стороне ведь тоже не останутся.

Правда! Не нужно тут бронзы или меди. Фильм «На углу маленькой площади» стал бы лучшим памятником нашему любимому Петру Ефимовичу. (А Алексей Балабанов тоже, конечно, любим. И от его ухода сердце тоже болит. Но задумываться о памятнике ему должны в Екатеринбурге и екатеринбуржцы.)

Москва – Одесса

Фото Сергея Кальмыкова

Книжный развал

Издано в Киеве

Времена не выбирают, в них живут…

Глаголы настоящего времени
Сборник стихотворений
25 авторов
Составитель Юрий Михайлик
Одесса, Всемирный клуб одесситов
Киев, Издательский дом
Дмитрия Бураго, 2013

В мае 2013 года в Одессе – Киеве вышел сборник стихов двадцати пяти поэтов – «Глаголы настоящего времени» – одесских поэтов, как и куда бы ни забросила их судьба. Все они (исключая, думаю, Ефима Ярошевского, который, будучи старше, был кошкой, извините, котом, который гуляет сам по себе) вышли из литературного объединения Юрия Михайлика «Круг». И на долгие годы остались «сокружеством», точнее, содружеством близких по литературным вкусам, по творческим устремлениям людей.

Как и «Серапионы», они могли бы, встречаясь друг с другом, говорить: «Здравствуй, брат, писать очень трудно!» – в отличие от тех, кто, не встречаясь, утверждает: «Здравствуй, брат, писать очень легко».

Прочитав эту книгу еще в период ее подготовки, собирания Юрием Михайликом, я стал ждать ее выхода в свет. Думаю, что как существует «одесская живописная школа», так существует и «одесская поэтическая школа», вне зависимости от места сегодняшнего жительства поэтов.

Я убежден, что выход этой книги – Событие. Поэтому и включил Всемирный клуб одесситов в почетный перечень тех, кто помог издать эту книгу. Благодарим за это одесситов – Руслана Боделана и Евгения Деменка, и киевского издателя, но, главное, поэта Дмитрия Бураго, посодействовавших изданию этой книги.

Если сборник нравится мне, если для меня он стал Событием в литературной жизни Одессы, значит ли это, что такое же мнение непременно будет у остальных читателей?

К счастью, не значит. Мы давно ушли от единомыслия и авторитарности. Я мог бы назвать тех, чьи стихи больше ценю, больше люблю. Но это не главное. Смысл книги – в ее цельности, ценность в цельности при несходстве ее участников. Я мог бы ограничиться этими строками, но решил заказать рецензию на книгу – не комплиментарную и не разгромную, мне захотелось услышать независимые оценки от поэтов (подчеркиваю это) совсем разных поколений. И я обратился к Илье Рейдерману, мы недавно торжественно отметили его 75-летие, и Евгении Краснояровой, чьи 32 года позволяют еще три года называть ее молодым поэтом.

Удивился ли я их оценкам? Нет. Я остаюсь при убеждении, что в литературной жизни Одессы произошло Событие. Но, конечно же, прав петербургский поэт Александр Кушнер: «Времена не выбирают, в них живут…». И на этом я бы оборвал для каждого из нас, живущих, хрестоматийные строки.

Подтверждают ли мое восприятие книги обе рецензии, судить читателю. Но я бы посоветовал читающему читателю не ограничиться рецензиями, а взять на себя труд вчитаться в «Глаголы настоящего времени» А то, что у Рейдермана и Краснояровой

взгляды не совпадут, к гадалке ходить не надо. Кстати, если мы получим отклики на книгу, опубликуем и их, будь они интересные и разные.

Евгений Голубовский

Труба и лира

«Глаголы настоящего времени» – составленная Юрием Михайликом книга, в которую вошли стихи членов литературного клуба «Круг». «Простенькое название», кстати сказать, придумал клубу я, когда несколько месяцев по просьбе Михайлика, писавшего в ту пору военный роман, руководил клубом. Книга вышла в Киеве в издательстве Дмитрия Бураго, к ее появлению на свет причастен и Всемирный клуб одесситов.

«Они стали поэтами», – пишет в предисловии Юрий Михайлик. Но двадцать пять настоящих поэтов? Настоящих поэтов всегда единицы. Настоящие поэты – захлебываются не словами, а жизнью, которую нужно «схватить» так, чтобы она сохранила энергию, дыхание, запах… Жизнью захлебываются и… умирают. Как Елена Гассий.

«Алгебры в мире полно, Лобачевского тоже, но / гармонии нет внутри…» (В. Сухарев). А поэт все же, что ни говори, сын гармонии. Валерий, с юности увлекшийся рок-музыкой, знает, о чем говорит. Диссонансы, голос, срывающийся на крик, сбой ритма – вещи позволительные, свидетельствующие о мире как он есть. Но в душе поэта должна бы быть гармония – пусть «тайная», но все же иногда являющаяся, как солнце в разрыве между облаками. А ежели нет ее, то что взамен? Тоска смертная. И больше ничего.

С тяжким чувством читал я эту книгу. Читал вечером, когда за окном вдруг разбушевалась страшная гроза, и казалось, что сейчас лопнут стекла, а небо – в ослепительной вспышке – обрушится на нас. Стихи от этого аккомпанемента – только выигрывали. Читал утром – солнце светило, но мрак между строк не рассеивался. Вышел на кухню пить чай – и вдруг вспомнил строки

взгляды не совпадут, к гадалке ходить не надо. Кстати, если мы получим отклики на книгу, опубликуем и их, будь они интересные и разные.

Евгений Голубовский

Труба и лира

«Глаголы настоящего времени» – составленная Юрием Михайликом книга, в которую вошли стихи членов литературного клуба «Круг». «Простенькое название», кстати сказать, придумал клубу я, когда несколько месяцев по просьбе Михайлика, писавшего в ту пору военный роман, руководил клубом. Книга вышла в Киеве в издательстве Дмитрия Бураго, к ее появлению на свет причастен и Всемирный клуб одесситов.

«Они стали поэтами», – пишет в предисловии Юрий Михайлик. Но двадцать пять настоящих поэтов? Настоящих поэтов всегда единицы. Настоящие поэты – захлебываются не словами, а жизнью, которую нужно «схватить» так, чтобы она сохранила энергию, дыхание, запах… Жизнью захлебываются и… умирают. Как Елена Гассий.

«Алгебры в мире полно, Лобачевского тоже, но / гармонии нет внутри…» (В. Сухарев). А поэт все же, что ни говори, сын гармонии. Валерий, с юности увлекшийся рок-музыкой, знает, о чем говорит. Диссонансы, голос, срывающийся на крик, сбой ритма – вещи позволительные, свидетельствующие о мире как он есть. Но в душе поэта должна бы быть гармония – пусть «тайная», но все же иногда являющаяся, как солнце в разрыве между облаками. А ежели нет ее, то что взамен? Тоска смертная. И больше ничего.

С тяжким чувством читал я эту книгу. Читал вечером, когда за окном вдруг разбушевалась страшная гроза, и казалось, что сейчас лопнут стекла, а небо – в ослепительной вспышке – обрушится на нас. Стихи от этого аккомпанемента – только выигрывали. Читал утром – солнце светило, но мрак между строк не рассеивался. Вышел на кухню пить чай – и вдруг вспомнил строки

Ахматовой: «Когда погребают эпоху, / Надгробный псалом не звучит, / Крапиве, чертополоху / Украсить ее предстоит».

Книга называется «Глаголы настоящего времени». Но время-то – не настоящее, не живое и устремленное в будущее, а мертвое, которое погребают. «Духи хорошей знакомой не перекроют флер формалина. / Потом можно лежать и гадать до третьего петуха, / что попадется лопате: чернозем, песок или глина». Все тот же Валерий Сухарев – которому досталась роль «могильщика». Роли, конечно, не позавидуешь. Но что делать – в 91-м, когда вышла первая коллективная книга этих поэтов «Вольный город», уже началась «эпоха конца». Всем довелось дышать этим отравленным воздухом, насыщенным ядами полураспада.

«И на обломках самовластья напишут наши имена…» – писал Пушкин. Но во время крушения под обломками можно погибнуть. Вот и Юрия Михайлика занесло в Австралию, да и многих других, вошедших в составленную им книгу, разметало по разным странам. Как будто взрывной волной сдуло с места не просто насиженного, но в некотором роде наследственного, согретого и одесским солнцем, и собственным дыханием, лирическим теплом строки. И даже тем, кто никуда не уехал, иначе живется и дышится, как будто что-то изменилось в мире. Как будто и Одесса стала иной, и даже морская волна больше не поднимает тебя к небу.

«Что писать? И зачем? После Вертера – ветер, / После Бродского вброд сквозь бурлящий Бродвей…» (Рита Бальмина). Она – в Нью-Йорке, ей ведома «прокрустова лажа второй эмиграции». Механизм жизни, в котором что-то разладилось, и поэтому все возможно (стихотворение «Лишнее зачеркнуть»). И она думает о собственной смерти («формалиновый зал промозгл»). И не может не думать о прошлом, о том, что осталось «там». А в этом прошлом – друг, «художник, спившийся и умерший в психушке», папа и мама. Стихотворение, посвященное родителям, поражает своей беспощадной оптикой, отсутствием сантиментов и резкостью натуралистических деталей. В этих стихотворениях, помещенных рядом, бросается в глаза повторяющаяся фраза: «Могу ли я – и чем? – тебе помочь?»; «А я, их блудная дочь, / ничем не могу помочь». Профессиональное мужество солдата армии современных

интеллектуалов – и определяющим является не место, в котором живешь, а время, в которое влипли.

С ней перекликается Белла Верникова из Иерусалима. Беллу помню, сейчас она профессорствует в университете, является вдобавок авангардным художником, выпускает пудовые тома, в которых на бумаге воспроизводится опубликованное в сети Интернета. В ее давних верлибрах очень пластично изображены приметы обыденной жизни. Встречал я у нее и рифмованную лирику. Но в этой подборке – слишком много какой-то политической иронии и местного (израильского) колорита. Однако – вот: « – Мама, ты счастлива? / – Этот вопрос здесь не стоит…» Разговор по телефону. У них уже не стоит. А у нас? Впрочем, вот формула, объединяющая и «их», и «нас»: «когда без предупрежденья / свет погас и все закрыто».

Анатолий Гланц – в Нью-Йорке. Впрочем, он там не весь – «позвал себя из тех краев, / и выманить не смог». Он ностальгически вспоминает: «Профиль собаки Четверткова чертил по пляжу песка отрадные линии». Собаку Четверткова смутно помню, но надо полагать, ее на свете больше нет. А что есть? Всемирный бедлам, о котором Гланц повествует в свойственной ему абсурдистской манере, слегка кося под Хармса: «Зачем кусочки адвоката / рулеткой меришь во дворе?». Или: «Китайцы уселись на стулья и стали решать, / кому из них завтра на ужин / достанется желтый диван». Если Бальмина и Верникова – реалисты, то тут сюрреализм, в котором исчезает запредельность живой боли, и остается лишь нечто вроде улыбки Чеширского кота – уже без самого кота.

Петр Межурицкий из Израиля тот же вселенский абсурдизм подает, пытаясь сохранить, так сказать, человеческие пропорции. «Мы на лодочке катались, / изучали матанализ». Почти частушки. «Как посмотришь, кто допущен к пирогу, / пирога не пожелаешь и врагу». Так и хочется цитировать – так обаятельно и остроумно все это говорится: «Я живу за рубежом и / ем кебаб и пью «Боржоми», / потому как правда, ить,/ надо есть и надо пить». А что еще остается в мире, где «мутясь рассудком, Ост и Вест / Жуют один и тот же текст»?

Из Владимира Дризо (Саарбрюккен, Германия) хочется процитировать две строки: «Границу рабства нельзя / перейти не-

легально...!». И две строчки из Олега Томашевского (Москва): «просто время с колодою карт / свой реванш, наконец-то, берет». А карты – крапленые. Главное же – образ игры, который подрывает основы жизни, ее экзистенциальный серьез.

В этой книге – много искренней боли, да и иронии много – поэты издеваются над эпохой и над собой. В этой книге господствует не прямое слово, а «хитро изогнутое». Важно не столько сказанное, а интонация, подтекст, выражение лица, гримаса души. И я ловлю себя на мысли: а возможна ли в этой иронически изломанной реальности подлинная трагедия?

Читаю: «Я не знаю, кто я и кто вы. / Я живу в заповедном бреду». Ну вот – кажется, такое можно было написать и сто лет назад. Впрочем, это не Федор Соллогуб, а Анна Ройтбурд, Саарбрюккен, Германия. В ее стихах – чувство жизни почти на животном уровне: «я вчерашнюю шкуру меняю», «мы, как звери, что ходят впотьмах», «если б не было в мире зверей, / мне бы некого было жалеть».

Пришло время пояснить название этих заметок. Гавриил Державин за несколько дней до смерти написал на грифельной доске: «А если что и остается / Чрез звуки лиры и трубы, / То вечности жерлом пожрется / И общей не уйдет судьбы». Лира и труба – судьба личная и судьба общая. Читая эту книгу, я слышу скорее трубный звук судьбы – общей судьбы поколения, юность которого совпала с развалом империи. Грубый и громкий трубный звук – апокалиптический. Правда, иногда вступает ухмыляющийся саксофон.

И вот прорывается «жалобная лира». «Я слушаю северный ветер / и звук предпоследней трубы» (Анна Сон). Мне она кажется серьезным и большим поэтом, как бы уклонившимся от публичной литературной жизни. Между тем она на редкость точно ставит диагноз этой жизни, в которой «долог / путь от иголки в сердце до ничто». «Замерзнет виртуальная река, / затихнет сердце / кончится работа. / Уже никто не требует рывка / вперед и вверх, паденья и полета». Последние строки объясняют все. Некуда идти, незачем подниматься, чтобы потом срываться вниз, да и писать, в сущности, незачем. Разве что себе сказать, – но не другому, потому что другой и сам все это знает и чувствует точно так же.

«В этой вселенной есть улица горше смерти. / Там проживаю я – больше некуда деться» (Анна Стреминская). И еще – она же: «Мы, словно дети, на праздник сумели прокрасться! / Мир, что как будто не знает, как все быстротечно, / мир, где нельзя ни к кому, никогда привязаться». Кажется, Стреминской повезло, что она живет не в Саарбрюккене, здесь хотя бы еще звучит русская речь. Но и отсюда уже видишь: «Знаю – не пал Вавилон, на земле он все еще длится». Смешиваются языки, дичают души.

«Так, без причины, для порядка / висит пальто. Пустует стул. / И лишь душа вздохнет украдкой / о том, что ангел ей шепнул». Инна Коваленко. Жизнь вещей – без человека. В одном из стихотворений она словно хочет прорваться «к самим вещам»: молоко на кухне, постаревший шкаф… И вдруг за всем этим обнаруживаются «проемы, провалы, ступени, пролеты. / Так хочется пить. А река – утекла». Может быть, ради таких «проговорок», неожиданно обнаруживающих провалы в пустоты, саму структуру сегодняшнего существования, и стоит читать поэтов, даже не самых заметных. Вот и Владислав Китик вдруг роняет: «Как будто застигнут на этой / Дороге, а верю – другой». А Валерий Юхимов, который любит смешивать в стихах все времена и страны, пишет: «предмет, вынутый из пространства, теряет вскоре / форму и оплывает, подобно свече…».

Мир, в котором нет ничего устойчивого. Предмет вынимают из пространства – что же теперь будет определять его форму? А человека – как бы изымают из жизни – из подлинной жизни. Несчетное множество всего: имен, знамен, событий – но связь всего утеряна. «Детскими пальцами острые ниточки вить, чтобы концов не найти, а начала и вовсе не будет». Как страшно и точно! Это Ольга Ильницкая. Она могла бы быть большим поэтом, если бы не столь очевидная для меня и столь обычная для многих сегодняшних людей катастрофа: сознание раздавлено этим множеством всего, оно не может найти связующую нить, сложить внятный узор, найти устойчивый смысл. Мир рассыпается – и то, что рассыпалось, вновь не собрать. Но все же сухими иглами пронзают в стихах Ильницкой строчки. Трагические. «Не продышать, нет сил – / в светлое завтра окно». Я часто вижу Ольгу в новом платье – но вот объяснение: «В новом платье, сшитом для

нового горя». И вот оно – горе: «Что я могу сказать – рот закушен навек. / Дольше побудь живым, теплый ко мне человек».

Вчитавшись в стихи Ильницкой, я вдруг понимаю: в них вовсе нет эстетства и демонстративной искушенности во всякого рода поэтических деликатесах. Вот я читаю Марка Эпштейна, очень крепкого профессионала. «В долине камень лег». И сразу – множество поэтических ассоциаций. Знаем, знаем, откуда камень! Но как выразителен финал: «На нем я буду ящерицей спать. / Полуслепой. Бесхвостой. Изумрудной». Вот Алексей Юдин, которого занесло в бельгийский город Гент, – в его стихах избыток утонченной поэтической культуры. И для того чтобы прорвалось подлинное чувство, нужна какая-то словесная (но тонкая!) неловкость. Вот строка: «Здесь нет в помине той, которой, которую, с которой мы…». В этой книге – очень умелые поэты, очень мужественно несущие свою (мировую) беду, очень сдержанные, ироничные, порой даже поблескивающие льдинками строк. А вот непричесанная исповедальность Ильницкой, столь редкая в современной поэзии: «И когда я лягу в чужую кровать / Не любить, а еще страшней – умирать, / Во мне маленькая девочка гукнет беззубым ртом. / Как виновата я перед ней. / Не пощадившая даже своих сыновей. / Оставлявшая жизнь и любовь – на потом».

Что поставить рядом с этим? Разве что мощное «Прощание славянки» Феликса Гойхмана. У него задатки эпического поэта. Ему бы поэмы писать. Но кто нынче читает поэмы? Впрочем, и четверостишия порой достаточно: «Душа, самозванка, комета / закатится в мир на часок. / Не это ль судьба человека – / песок, уходящий в песок».

…Да простят меня те поэты, о которых я не успел сказать. Валерий Бодылев – умный и… какой-то прозаичный. Ефим Ярошевский – печатающий те же самые стихи в сотый раз. Но два поэта в этой книге меня удивили. Один – Александр Веролюбов. Какая неожиданно чистая интонация! Я помню, он писал какие-то авангардные сочинения. А его амбициозность превращала его в совершенно невыносимого собеседника. Что же с ним произошло? Вероятно, кое-что проясняет указание на его сегодняшнее место жительства: Скит Преподобного Сергия Радонежского Данилова монастыря в Рязанской области, Россия. Не скажу, что все стихо-

творения мне одинаково нравятся, но одно, коротенькое, хочется привести полностью: «Дитя, не плачь, / не надо, / смотри, / какой закат, / вот гроздья / винограда / вбирают аромат / далекого светила, / грядущего в моря, / вот пуля / просвистела – / меня убила. / Зря». Неожиданная концовка этой почти идиллической картинки выдает знание о трагической подоплеке времени и жизни.

Второй поэт – Елена Гассий. Почти все стихи в этой подборке говорят о времени. Времени ей было отпущено мало. «В тридцатый раз встречаю первый снег / И первый раз не рада, нет, не рада». Драматическое ощущение окружающего мира. «Каменный забор. Каменные лица». И – неожиданная, все озаряющая строчка: «Тонут облака в омуте свободы». Додумываешь: свобода – омут, в который можно броситься вниз головой! Но главное в ее стихах – обаятельная, в плен берущая интонация. «Отражаются в рельсах / Светофор и Луна. / Остановка троллейбуса / Перенесена». Простите, не могу удержаться, чтобы не процитировать несколько строк: «Валунов огромных гладкость, / Ярких водорослей зыбкость, / И жары осенней краткость, / И мальков коротких гибкость, / Вечер, берег, кружка чая, / влажность крыльев белых чаек – / Ничего не означает, / Ничего не означает». Нет, именно то и означает, что перед нами поэт. Настоящий. И чем-то напоминающий молодого Юрия Михайлика. Захваченный миром врасплох. Поэт – не о смерти. «О жизни, о жизни, и только о ней».

Илья Рейдерман

Возвращение в Вольный город

Круг – геометрическое место точек плоскости, равноудаленных от заданной точки – центра круга. Круг – графический символ цельности, который служит для усиления концентрации и защитных целей. Круг – обозначение Солнца и совершенства…

Наверняка именно стремление к центру, цельности и совершенству объединило три десятилетия назад поэтов-одесситов под руководством Юрия Михайлика в литературный клуб – «Круг». Стремление к южному звонкому свободному солнцу, которое, как тридцать лет на-

творения мне одинаково нравятся, но одно, коротенькое, хочется привести полностью: «Дитя, не плачь, / не надо, / смотри, / какой закат, / вот гроздья / винограда / вбирают аромат / далекого светила, / грядущего в моря, / вот пуля / просвистела – / меня убила. / Зря». Неожиданная концовка этой почти идиллической картинки выдает знание о трагической подоплеке времени и жизни.

Второй поэт – Елена Гассий. Почти все стихи в этой подборке говорят о времени. Времени ей было отпущено мало. «В тридцатый раз встречаю первый снег / И первый раз не рада, нет, не рада». Драматическое ощущение окружающего мира. «Каменный забор. Каменные лица». И – неожиданная, все озаряющая строчка: «Тонут облака в омуте свободы». Додумываешь: свобода – омут, в который можно броситься вниз головой! Но главное в ее стихах – обаятельная, в плен берущая интонация. «Отражаются в рельсах / Светофор и Луна. / Остановка троллейбуса / Перенесена». Простите, не могу удержаться, чтобы не процитировать несколько строк: «Валунов огромных гладкость, / Ярких водорослей зыбкость, / И жары осенней краткость, / И мальков коротких гибкость, / Вечер, берег, кружка чая, / влажность крыльев белых чаек – / Ничего не означает, / Ничего не означает». Нет, именно то и означает, что перед нами поэт. Настоящий. И чем-то напоминающий молодого Юрия Михайлика. Захваченный миром врасплох. Поэт – не о смерти. «О жизни, о жизни, и только о ней».

Илья Рейдерман

Возвращение в Вольный город

Круг – геометрическое место точек плоскости, равноудаленных от заданной точки – центра круга. Круг – графический символ цельности, который служит для усиления концентрации и защитных целей. Круг – обозначение Солнца и совершенства…

Наверняка именно стремление к центру, цельности и совершенству объединило три десятилетия назад поэтов-одесситов под руководством Юрия Михайлика в литературный клуб – «Круг». Стремление к южному звонкому свободному солнцу, которое, как тридцать лет на-

зад, так и сейчас, частенько застят облака – неурядиц, неудач, не прожитых, как хотелось бы, (или вообще недожитых) лет…

Этот «Круг» не удалось разорвать ни времени, ни пространству, ни смерти, и вот перед нами сборник стихотворений одесских поэтов – «Глаголы настоящего времени». Имена в нем не нуждаются в отдельных представлениях, достаточно лишь их перечислить: Рита Бальмина, Валерий Бодылев, Белла Верникова, Александр Веролюбов, Елена Гассий, Анатолий Гланц, Феликс Гойхман, Владимир Дризо, Ольга Ильницкая, Владислав Китик, Инна Коваленко, Сусанна Ланс (Гойхман), Павел Лукаш, Татьяна Мартынова (Херсонская), Петр Межурицкий, Анна Ройтбурд, Анна Сон, Анна Стреминская, Валерий Сухарев, Олег Томашевский, Евгений Ушан, Марк Эпштейн, Алексей Юдин, Валерий Юхимов, Ефим Ярошевский.

У каждого из них за плечами – тяжелый опыт переломного времени, свои личные и одна общая потеря – Родины (как к этому ни относиться), СССР. И стихи – старые, новые – все…

Несмотря на то, что последнее собрание литературного клуба «Круг» состоялось два десятка лет назад, о нем с тоской и благодарностью вспоминают в Одессе. Он стал еще одной доброй легендой, которой время идет только на пользу. Этим вновь и вновь подтверждается уникальность и органичность «Круга» в одесской литературной жизни.

«Вольный город» – первый сборник поэтов, объединенных границами «Круга», увидевший свет в 1991 году, достать сегодня можно с превеликим трудом. Поэтому новая книга поэтов «Круга» – неожиданная и долгожданная одновременно, очень нужна Одессе. И не только в качестве примера, как можно писать стихи. Она учит нас, молодых, хранить традиции, помнить наставников, беречь законы поэтического братства – как ни высокопарно это прозвучит…

«Глаголы настоящего времени» – это необходимость общей встречи, невозможной по целому ряду непреодолимых обстоятельств. Это возврат, но уже на новом витке, к определенной точке отсчета. К тому, без чего жизнь, безусловно, продолжается, но что так хочется вернуть – хотя бы просто прочитав стихи друзей.

Я листаю эту книгу, как альбом с фотографиями. Вот лица людей, которых я знаю, с которыми могу поговорить вживую. А вот – знакомые мне только по стихам, голоса их я не слышала никогда.

И среди них голос, который больше не услышать никому, – голос Елены Гассий:

У моря небо синее,
И волнореза линия,
У моря небо синее,
Как у большого пса.
У моря зубы в мидиях,
В цвет винограда «Лидия»,
И со времен Овидия
Зеленые глаза.
И нет его стариннее,
Виновнее, невиннее,
И нет гостеприимнее
Во времена беды.
У моря небо синее,
И волнореза линия,
Как горизонта линия,
Как линия судьбы.

О временах беды – очень много в этом сборнике сказано. Они увидены были разными глазами, с разных – не только одесской – широт: из Нью-Йорка, Москвы, Рамле, Саарбрюккена, Иерусалима. Из Скита Преподобного Сергия Радонежского Данилова монастыря в Рязанской области... Чтобы говорить искренне и верно о временах беды, нужно уметь быть «огнем, мерцающим в сосуде», нужно каждый день спасать этот мир – прежде всего в себе. Нужно верить в головокружительную бесконечность трансцендентного числа (в нашем случае π – Поэзии), без которого невозможно вычислить площадь круга. Не бояться говорить – себе, о себе, для себя – чтобы услышали другие. Чтобы настоящее время, которого, как утверждают сегодня ученые, не существует, осталось – стоять навсегда. Как в стихотворении Александра Веролюбова «Оборона Одессы»:

Только море и берег. Только берег и море, и небо.
Ты здесь был, когда надо, а я, когда надо, здесь не был.

Вот вода и песок. Все кругом – и волна, и частица.
Всем надежда в свой срок исповедаться и освятиться.
Только небо и море. Только небо и море, и берег.
Ничему нет залога на свете. Все основано только на вере.

Небо и море сопутствуют почти каждому поэту из Одессы. Две бескрайности, в которые невозможно не впасть, постояв на черноморском берегу (а поэты могут по нему бродить часами). Не потому, что писать больше не о чем. А потому, что «синий, синий, синий цвет» – это имприматура, цветная тонировка поверхности белого грунта листа бумаги. Отплывающий от берега всегда волен чувствовать себя Одиссеем, уповающим лишь на благосклонность богов и стихий. Да и Вольный город как-то плохо мыслится без терминатора-горизонта, отделяющего глубину от высоты, соединяющего их на рейде…

Архетип «города-на-море» предполагает тягу к движению, к путешествию. Каждый из авторов совершает его постоянно, и не только в «настоящем времени». Переосмысление прошлого – от точки «ноль» и далее до неограниченных воображением пределов – одна из тематических составляющих сборника. Недаром и у Валерия Бодылева, и у Марка Эпштейна (разных, казалось бы, не соприкасающихся друг с другом авторов) возникает образ «таинственной Фуле», «Ultima Thule» – мистического царства, «Несравненной страны», отождествляемой с Островами Блаженства, которые (по Генону) человек утратил, но к которым он снова и снова возвращается в своих легендах и фольклоре. Возвращаются в своих стихах к ним и авторы сборника. У каждого из них свой потерянный рай, и поэтому «Глаголы настоящего времени» – это книга, исполненная грусти, но грусти со знаком плюс, перламутровой, светлой… В обретении ли счастье, или все-таки в поиске? «Где счастливый Язон?» – спрашивает Инна Коваленко:

Где счастливый Язон? Может быть, золотого руна
нет ни здесь и ни там, и лазурные дали лишь снятся?
Створки дня приоткрой – на волну набегает волна,
и белесые бабочки в воздухе теплом толпятся.

Вопрос о счастье – неразрешенный, неразрешимый вопрос… В «Глаголах настоящего времени» много вопросов, которые авторы задают себе, прошлому, да и будущему тоже. Планета вертится, очерчивает круг – и планетарный, и литературный, наш, одесский, такой дорогой для двадцати пяти человек, собравших свои стихи под одной обложкой, связавших два времени, два века. Одесса остается для них маяком, они везде ее находят, вспоминают, видят там, где, казалось бы, и не пахнет приморской вольницей, неторопливым причерноморским размахом, – как Ольга Ильницкая в стихотворении «Послушай, Москва»:

Послушай, Москва, в твоем зимнем затворе,
в колючей поземке – одесское море
и пряность бульваров, акаций озноб,
Соборная площадь, ракушечный грот.
Зевки пароходных прощальных гудков
и оторопь чаек от рыбных лотков
на Новом базаре, на старом Привозе.
Столица – я вся – поцелуй на морозе!

Когда я дочитала сборник до конца, мне представилось, как было интересно, незабываемо, незаменимо – ходить, входить в одесский «Круг». Но кроме стихотворных сборников, мне кажется, нужен еще один – прозаический – о том времени, о той атмосфере, о тех разговорах, обсуждениях, встречах, которые происходили в уютном подвальчике Объединения молодежных клубов на улице Пушкинской. Потому что, прочитав стихи авторов, хочется узнать о них самих. Тем более, они все прочнее входят в историю нашего города, в его легенду. Напишет об этом кто-нибудь один, или о «Круге» все-таки нельзя – моно? Может быть, как в «Глаголах настоящего времени», как в предшествовавшем им «Вольном городе», это будет еще одним примером полифонии голосов, их разноименным одновременным звучанием, развитием и взаимодействием? Когда-то все они собрались для себя. Теперь их творчество, их опыт стали достоянием литературной Одессы.

«Глаголы настоящего времени» – это серьезная книга, нужная книга. Тираж ее по нынешним меркам совсем невелик, и скоро

она, как и «Вольный город», станет редкой. А мне хотелось бы, чтобы эта книга стояла на полках книжных магазинов, чтобы люди, которым нужен свежий глоток искусства, заходили в эти магазины с вопросом: «Глаголы настоящего времени» есть?». Чтобы наши поэты, где бы они ни жили, какими бы обстоятельствами не были отъединены от родной земли, от любимого «Круга», не «растворились и исчезли во вселенной тревожной», как когда-то написала о себе Анна Стреминская. Чтобы мы знали их, читали, запоминали, выписывали их стихи в заветные тетрадки. Чтобы настоящее, что бы там ученые ни говорили, продолжалось...

Евгения Красноярова

Издано в Одессе

Слеза несбывшихся надежд...

Ростислав Александров
Хождение внутри книги
Одесса, Optimum, 2013

В жизни моего поколения наступали и «времена больших ожиданий», и наступавшие за ними годы, а то и десятилетия, когда, как в знаменитой песне в исполнении Марка Бернеса, «слеза катилась, слеза несбывшихся надежд»...

Одним из таких «времен больших ожиданий» была хрущевская «оттепель». Мы зачитывались вновь изданным Бабелем, романами Ильфа и Пет-

она, как и «Вольный город», станет редкой. А мне хотелось бы, чтобы эта книга стояла на полках книжных магазинов, чтобы люди, которым нужен свежий глоток искусства, заходили в эти магазины с вопросом: «Глаголы настоящего времени» есть?». Чтобы наши поэты, где бы они ни жили, какими бы обстоятельствами не были отъединены от родной земли, от любимого «Круга», не «растворились и исчезли во вселенной тревожной», как когда-то написала о себе Анна Стреминская. Чтобы мы знали их, читали, запоминали, выписывали их стихи в заветные тетрадки. Чтобы настоящее, что бы там ученые ни говорили, продолжалось...

Евгения Красноярова

Издано в Одессе

Слеза несбывшихся надежд...

Ростислав Александров
Хождение внутри книги
Одесса, Optimum, 2013

В жизни моего поколения наступали и «времена больших ожиданий», и наступавшие за ними годы, а то и десятилетия, когда, как в знаменитой песне в исполнении Марка Бернеса, «слеза катилась, слеза несбывшихся надежд»...

Одним из таких «времен больших ожиданий» была хрущевская «оттепель». Мы зачитывались вновь изданным Бабелем, романами Ильфа и Пет-

рова и, конечно, книгами К. Паустовского. Вся страна зачитывалась, но Одесса принимала эти книги особенно близко к сердцу. Не случайно, когда одесситы узнали о кончине Константина Георгиевича Паустовского, на следующий же день на стене, сохранившейся на морской стороне Черноморской, появилась огромная надпись – улица Паустовского. Но глас народный услышан не был, и где потом назвали именем писателя улицу, не стану упоминать…

Мы с полным правом могли повторять строки Пастернака: «Это было при нас. Это с нами вошло в поговорку…»:

«Грубиян среди биндюжников», «Холоднокровнее, Маня, вы не на работе», «Вся контрабанда делается в Одессе, на Малой Арнаутской улице», «на блюдечке с голубой каемочкой»…

Приблизительно в те же годы в одесский лексикон вошли: «На Пересыпи лопнул меридиан», «Рухнул дуб» и особенно распространенное – Шая Кропотницкий, ставшее нарицательным именем с ироническим оттенком. Менялась Одесса, менялся ее генофонд («хоть флора там все та же, да фауна не та»), теперь эти выражения почти исчезли из одесской речи.

Новый том Ростислава Александрова «Хождение внутри книги» – о «Времени больших ожиданий» Константина Паустовского. Книга, открывшая нам Одессу трагических лет гражданской войны и «военного коммунизма», с менявшимися властями, с голодом, с расстрелами, эвакуациями, бегством людей с именами, вошедшими в отечественную историю, с поселившимся, кажется, навсегда ужасом и страхом. Эту книгу Ростислав Александров действительно писал, как и предыдущие, всю жизнь, с первых публикаций без малого полвека тому назад в «Комсомольской искре». И здесь мы встречаем имена, уже знакомые нам по предыдущим его книгам, а некоторые появляются впервые, как имя архитектора Ноэми Григорьевны Мильграм, которую я помню по одесскому Гипрограду, такие фамилии, как Чичкин, Крыс были известны в Одессе еще в 60-е годы – один был архитектором, другой врачом. Живут в Америке внучка доктора Якова Ушеровича Ландесмана Лиля Беленькая и ее муж Владимир Серебро. И таких примеров можно привести много…

Автор комментирует, дополняет книгу любимого писателя. А в тех случаях, когда что-то уточняет и даже видит фактические неточности или вынужденные недомолвки К.Г. Паустовского,

то очень доброжелательно и учтиво по отношению к памяти Константина Георгиевича напоминает своему читателю, что «Время больших ожиданий» – замечательная, воистину художественная проза, а не справочник, не энциклопедия. И не нужно забывать, что писалась она в «цензурные» времена.

Сам Ростислав Александров необыкновенно точен и не допускает никаких домыслов и вымыслов.

Вот пример. Он рассказывает о своей прогулке по Одессе с Борисом Галановым, который, вспоминая своего отца Ефима Галантера, дружившего и устраивавшего в Одессе выставки футуристов, признается нашему автору, что вырос под футуристическими афишами. О том же почти дословно Галанов писал в письме Евгению Голубовскому о своем отце и одесском детстве, прошедшем под афишами Пеона-2 и Пеона-4, которые, возможно, были написаны Михаилом Ларионовым.

Невозможно и не нужно перечислять множество имен, названий, фактов, сюжетов книги Ростислава Александрова. Но об одной главе книги – «За родное море и за наши пароходы…» – мне непременно хочется сказать. Эта глава – сто страниц текста – подробнейшее повествование о кораблях и пароходах, иностранных и российских, их истории, их знаменитых пассажирах, покидавших навсегда наши ставшие опасными и неласковыми края, об их гибели на минах. Читается эта глава как поминальная молитва по всем погибшим кораблям и людям…

Напишет ли кто-нибудь хотя бы через полвека ужасающую историю гибели одесских кораблей – нашей гордости – в еще сравнительно недавние времена – пассажирских, научно-исследовательских с их «космическими» шарами», словно рифмовавшимися с шарами Ланжерона, не говоря уже о флотилии «Антарктика», сухогрузах?.. Погибших не на войне, не от мин, не от бомбежек – в мирное время.

Почему-то вспоминаются строки Юнны Мориц, написанные по другому поводу, но они вспоминаются и в этом печальном случае:

Кто разрешил ее казнить?
И это право дал кретину
Совать звезду под гильотину?
Кто разрешил ее казнить?

Ведь корабли были яркими звездами Одессы, и без них она неполная, если в тексте Андрея Платонова слово «народ» поменять на имя – Одесса.

И еще одно грустное наблюдение. Корректор Коля Хаджиев (в будущем – Н.И. Харджиев, крупнейший знаток русского авангарда) в газете, напечатанной на чайных бандеролях, не допускал ни одной ошибки. Теперь, при компьютерной верстке, такое количество синтаксических и орфографических ошибок, что становится обидно за автора и его читателя. У нас если не одна напасть, то другая. Если не цензура, то безответственность издателя, редактора, корректора, не заботящихся ни о своей репутации, ни тем более о репутации автора.

А книга Ростислава Александрова не оставит равнодушным читателя, где бы он ни жил, читателя, любящего Одессу.

Валентина Голубовская

Поверил алгеброй гармонию

Сергей Зенонович Лущик
Серия «Краеведы Одессы»
Выпуск первый
Сборник материалов
Составитель О.М. Барковская
Одесса, Optimum, 2013

Эту книгу по праву можно было бы назвать скрупулезно сделанным биобиблиографическим справочником и принести поклон Ольге Барковской за тщательнейшую работу. Но благодаря ее усилиям книга вышла за пределы справочника, вобрала в себя статьи коллег и друзей С.З. Лущика и стала поистине сборником,

Ведь корабли были яркими звездами Одессы, и без них она неполная, если в тексте Андрея Платонова слово «народ» поменять на имя – Одесса.

И еще одно грустное наблюдение. Корректор Коля Хаджиев (в будущем – Н.И. Харджиев, крупнейший знаток русского авангарда) в газете, напечатанной на чайных бандеролях, не допускал ни одной ошибки. Теперь, при компьютерной верстке, такое количество синтаксических и орфографических ошибок, что становится обидно за автора и его читателя. У нас если не одна напасть, то другая. Если не цензура, то безответственность издателя, редактора, корректора, не заботящихся ни о своей репутации, ни тем более о репутации автора.

А книга Ростислава Александрова не оставит равнодушным читателя, где бы он ни жил, читателя, любящего Одессу.

Валентина Голубовская

Поверил алгеброй гармонию

Сергей Зенонович Лущик
Серия «Краеведы Одессы»
Выпуск первый
Сборник материалов
Составитель О.М. Барковская
Одесса, Optimum, 2013

Эту книгу по праву можно было бы назвать скрупулезно сделанным биобиблиографическим справочником и принести поклон Ольге Барковской за тщательнейшую работу. Но благодаря ее усилиям книга вышла за пределы справочника, вобрала в себя статьи коллег и друзей С.З. Лущика и стала поистине сборником,

тем более что в ней наконец-то опубликована «Автобиография» Сергея Лущика – не формальный документ, который каждый из нас писал десятки раз по требованию всевозможных отделов кадров, а личностный, человеческий, чем-то даже исповедальный. По сути, еще одна статья, которая могла бы существовать и в серии «Темы и книги».

С первой заметки Сергея Зеноновича в «Комсомольской искре», а я помню этот напечатанный на старенькой пишмашинке текст о неизвестном (никому!) рисунке Анатолия Луначарского в Одессе, в 1920 году выполненном художником П. Коновским (тоже в то время почти никому не известном!). 18 февраля 1966 года началась просветительская, публикаторская работа тогда еще инженера, выпускника Института инженеров морского флота Сергея Лущика.

Всегда считал и считаю, что образование, даже если оно не совпадает с увлечением, никогда и никому не вредило. С первой заметки в инженере С.З. Лущике обнаружился исследователь. Все даты выверены, все фамилии проверены по архивам, факты уточнены по периодике тех лет, о которых рассказывает автор.

Вначале темы, которые предлагал газете С.З. Лущик, были продиктованы желанием рассказать о редчайших книгах из своего собрания, о датах в истории города, которые могли бы пройти незамеченными, в конце концов, об истории инженерного дела в Одессе, как в статье «Трамвай – не роскошь», опубликованной 5 июля 1973 года в «Вечерней Одессе» (пятый день существования газеты!), о технических условиях и характеристиках одесского трамвая с 1913 года. Кстати, под этой статьей Сергей Зенонович поставил многоговорящий псевдоним – инженер ЧМП С. Галкин, понятный тем, кто знал его жену Галю Лущик, увековеченную в этом псевдониме.

Но постепенно С.З. Лущик выбирает ряд тем, над которыми работает буквально всю творческую жизнь. Это и южнорусские художники, и история Салонов Издебского, и одесские альманахи начала XX века, и поэзия В. Бабаджана, и графика М. Жука…

О картотеке Сергея Лущика, о папках с вырезками из газет, ведшихся на протяжении последних пятидесяти лет, в кругу одесских библиофилов, а он бессменный член правления секции

книги при Доме ученых, ходили легенды. Могу подтвердить, что когда мне нужно было уточнить, где и когда напечатана та или иная моя статья (вот что значит, если буквально следовать строке – «не надо заводить архива»), я звонил Сергею и буквально через 10-15 минут получал справку, такую же точную, как все, что выходило из-под его пера.

Безмерно рад, что статьи Сергея Зеноновича Лущика со временем складывались в книги. Так родились книги-исследования о Салонах Издебского, о Вениамине Бабаджане, о человеке-волке Панкове, о секции книголюбов, публикации «утерянной» книги Павла Тычины, забытых рисунков художника Р. Граббе, экслибрисов М.И. Жука… А его книга-комментарий к катаевской повести «Уже написан Вертер…» для меня не менее интересна, чем первоисточник.

Сергею Зеноновичу 88 лет (данные из его «Автобиографии»). Но только что, в 53-м номере альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» вышла его статья о П. Нилусе (увы, уже не учтенная в сборнике, о котором идет речь), надеюсь, в этом году найдутся силы и возможность опубликовать готовившуюся им многие годы книгу стихов Семена Кессельмана…

Придется переиздавать сборник. Это стало бы радостью.

Не верю Дарвину, что труд превратил обезьяну в человека. Но убежден, что труд, умный, достойный труд, только и способен очеловечивать каждого из нас.

Евгений Голубовский

Содержание

От редакции 3

История,краеведение

Олег Губарь
Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы 6

Сергей Седых
На чем сэкономил Юрьевич, или О чем рассказал герб – 2 22

Виктор Корченов
Воронцовская Одесса в «лондонском архиве» 30

Александр Бабич
Как организовывалось одесское подполье. 53

Одесский календарь

Сергей Решетов, Лариса Ижик
О доме городского головы Одессы Н.А. Новосельского. 68

Алена Яворская
«Зеленая лампа» в консерватории. 81

Екатерина Ергеева
Златоцвет Мариинской гимназии – А.В. Нежданова 111

Проза

Александр Юрченко
Овидий. Письма к Августу 116

Женя Голубенко
Animal planet 147

Валентина Голубовская
Цвет «блохи, упавшей в обморок» 161

Аркадий Маргулис
Дилижанс для сумасшедших 162

Артем Губарьков
Рассказ о дерзких персонажах, которых придумал автор 173

Анатолий Контуш
Ноты 178

Поэзия

Михаил Погарский
12 безумных точек 184

Марк Эпштейн
«Ты ведь знал, Господь, что я не солгу...» 190

Эрлен Бейлис
Переводы 195

Елена Боришполец
«На Пушкинской стоят дома...» 200

Вера Зубарева
Образ учителя 203

Первые шаги

Мария Санду
«Моя бабушка любит июнь...» 214

Искусство – жизнь – искусство

Александра Ильф
«Муза дальних странствий», или Погоня за бриллиантами 218

Виталий Амурский
«Один друг сравнил меня с сиреной...» 242

Евгений Голубовский
«Тают зеркала в пустыне комнат...» 263

Феликс Кохрихт
Я вам пишу 269

Михаил Пойзнер
«Мой брат был настоящим одесситом...» 275

Публикации

Аркадий Штейнберг: «Я вижу взморье...»
Публикация Олега Кудрина 289

Сокровища из сокровищницы

Татьяна Щурова
Живое наследие Маразли 316

Путешествие

Феликс Кохрихт, Иван Липтуга
Хождение за три моря: Балтийское, Черное, Гегамское 328

Ах, Одесса

Евгений Деменок
В этом сезоне модно 336

Евгений Мучник
Стишата 339

Владимир Трухнин, Ирина Полторак
Из архива «Городка» 342

Памяти Петра Тодоровского

Олег Кудрин
Отец и сын. И дух любви 346

Издано...

Евгений Голубовский
Книжный развал 352

Илья Рейдерман
Труба и лира 354

Евгения Красноярова
Возвращение в Вольный город 360

Валентина Голубовская
Слеза несбывшихся надежд 365

Евгений Голубовский
Поверил алгеброй гармонию 368

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

